

GSPS | ИССЛЕДОВАНИЕ - ГЕНДЕР
В ВОСПРИЯТИИ ОБЩЕСТВА

НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН И ДЕВОЧЕК

Кыргызская Республика

ОКТАБРЬ 2018

©2018 Структура «ООН-женщины». Все права защищены.

Изготовлено Структурой «ООН-женщины» в Кыргызской Республике

Автор: Елена Ким

Верстка: Азамат Турсункулов

Результаты, толкования и выводы, указанные в данной публикации принадлежат автору(-ам) и не обязательно являются отражением взглядов Структуры «ООН-женщины», ЮНФПА, МОМ, Организации Объединённых Наций и любой из ее аффилированных организаций, или Правительства Кыргызской Республики.

Ссылка на отчет: <http://www.unwomen.org/en/digital-library/publications>

ОТЧЕТ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ:
НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ
ЖЕНЩИН И ДЕВОЧЕК

Кыргызская Республика

Бишкек, октябрь 2018

ИССЛЕДОВАНИЕ «ГЕНДЕР В ВОСПРИЯТИИ ОБЩЕСТВА» (GSPS) КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Настоящий фундаментальный отчет является частью исследования «Гендер в восприятии общества» (GSPS), финансируемого Фондом Организации Объединенных Наций по миростроительству, совместного выполняемого ООН-женщины, ЮНФПА и МОМ в Кыргызской Республике и в партнерстве с Национальным статистическим комитетом Кыргызской Республики. Заинтересованные стороны из ведущих местных университетов, научно-исследовательских институтов, неправительственных организаций и правительственных министерств, включая Аппарат Президента; Национальную академию наук; Национальный совет обороны; Министерство труда, миграции и молодежи; Департамент по вопросам безопасности, правопорядка и обороны, и Министерство внутренних дел также поддержали исследование «Гендер в восприятии общества» (GSPS).

Создание данных и информации на уровне домохозяйств, сообществ и населения по основным факторам риска гендерного неравенства и угрозам насилия, затрагивающим женщин и девочек в Кыргызской Республике (то, что известно, считается и практикуется) является общей целью GSPS. Отдельные задачи GSPS направлены на понимание:

- Актуализации межличностных и структурных вопросов, ведущих к дискриминации по признаку пола, насилию и эксплуатации;
- Тенденций на уровне сообществ и меняющихся социальных представлений о гендерных стереотипах и отношениях;
- Взаимосвязи между гендерным неравенством, отсутствием безопасности и потенциальными причинами конфликтов.

Для достижения этих целей было проведено качественное и количественное исследование по пяти темам, которые представляют большой интерес для понимания гендерных практик и представлений в Кыргызстане сегодня: участие женщин в политической жизни; расширение экономических возможностей и прав женщин; насилие в отношении женщин и девочек в виде умыкания невест и ранних браков; религиозные верования и практики среди женщин и участие женщин в трудовой миграции. Результаты Национального опроса GSPS, полученные ЮНФПА и Национальным статистическим комитетом Кыргызской Республики, были опубликованы осенью 2016

года. Отчеты по компонентам GSPS, каждый из которых посвящен одной из пяти тем, представляющих интерес, включают выводы качественного и количественного исследования. Отчеты по компонентам и опрос опубликованы на английском, русском и кыргызском языках. Общее введение, опубликованное отдельно, предоставляет полный анализ контекста и методологию для сбора публикаций GSPS.

Исследование GSPS было запущено в целях восполнения отсутствующих комплексных исследований, которые сосредоточены исключительно на источниках гендерного неравенства и, в частности, на взглядах и представлениях, которые могут способствовать гендерному неравенству в Кыргызской Республике, а также в целях выявления факторов, уместных для продвижения мира с учетом гендерных требований. В рамках GSPS была предпринята попытка определить возможности и стратегии для равного участия женщин и девочек в процессах на уровне сообществ, дать целенаправленные рекомендации государственным органам и негосударственным институтам, а также представить доказательства для проведения в Кыргызской Республике политики, восприимчивой к гендерной проблематике. Результаты GSPS широко распространены в системе ООН, Правительстве Кыргызской Республики, среди ученых и членов гражданского общества и неправительственных организаций.

КОМАНДА ИССЛЕДОВАНИЯ

Автор отчета: Елена Ким

Команда аналитиков данного отчета: Султанова Римма, Джапаркулова Айымбубу

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ КОМАНДЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ «ГЕНДЕР В ВОСПРИЯТИИ ОБЩЕСТВА» (GSPS)

Главный исследователь: Мэган МакКормак

Обработка данных: Праслова Лариса

Учебные материалы разработали: Эсенгул Чинара, Горборукова Галина, Илибезова Лариса, Капалова Алтын, Хамидов Алишер, Кожобекова Айжаркын, Мурзакулова Асель, Аблезова Мехригуль, Багдасарова Нина

Региональное координирование полевых работ: Искатов Улан, Садыралиев Жандаралы, Акматов Кыдыргыч, Эргешов Мурзахмат, Рысбаев Азизбек, Сатканалиева Светлана, Шакулов Алмаз, Исалиев Кошой, Амаатов Торобек

Команда качественного исследования:

Исследовательские отчеты подготовили: Каримова Миргул, Ким Елена, Мурзакулова Асель, Укуева Нургуль, Эсенманова Нургул, МаксUTOва Айкокуль

Аналитическую поддержку предоставили:

Асаналиева Диана, Аттокурова Гульмайрам, Багышкулов Бектемир, Болотбекова Айкол, Джапаркулова Айымбубу, Капалова Бактыгуль, Касымова Мадина, Казакбаева Элнура, Ниязалиева Гулжан, Омурбекова Жаркын, Султанова Римма, Улуков Рустам, Урманбетова Зарина, Тынычбекова Аида

Сбор данных:

Абдырахман кызы Наргиза, Асаналиева Диана, Аттокурова Гульмайрам, Багышкулов Бектемир, Болотбекова Айкол, Фронтбек кызы Жамал, Джапаркулова Айымбубу, Капалова Бактыгуль, Казакбаева Элнура, Ниязалиева Гулжан, Омурбекова Жаркын, Султанова Римма, Улуков Рустам, Урманбетова Зарина

Расшифровка аудиозаписей интервью:

Исследовательская и консалтинговая компания "M-Vector"

Команда количественного исследования:

Обследованием руководили:

Исенкулова Эльвира, Илибезова Лариса, Абдуллаева Гульхумар

Группа по подготовке аналитического отчета:

Сулайманова Гульсара, Торгашева Людмила, Багдасарова Нина, Праслова Лариса, Кочорбаева Зульфия, Карпович Евгения

Консультации по отраслевой статистике:

Таипова Тамара, Турдубаева Чинара

Данные собрали: Канназаров Нурбек, Молдокабылова Жазгул, Бекташова Идеят, Орозбаева Гулмира, Бакытбеков Тилек, Нааматова Айнура, Тажибаева Толгонай, Шабданова Жумагул, Маматкулов Тологон, Каныметова Карлыгач, Ибраимов Болот, Качаганова Нестан-Дарежан, Эшенкулов Мирбек, Алмазбекова Нурперизатханбугул, Кожонов Асылбек, Абдыкеримова Айгул, Байбубаева Барахатхон, Эгембердиева Нурзат, Рахманжанова Махарам, Каримова Мархабахан, Акматов Рахмат, Камчыбекова Айгерим, Байбубаева Рахима, Шакирова Айэлес, Гапарова Парида, Артыкова Турдукан, Саитова Шахзада, Шакирова Назгул, Нурматова Гулзат, Абдыкайымова Айгерим, Туракулов Батиржон, Муктаралиев Сапармурат, Шакулов Нурлан, Сайнидинова Анаркул, Муратбекова Салтанат, Капарова Айсулуу, Токтосунова Айгуль, Маатова Толгонай, Оморова Гулсана, Темирова Сабира, Жапарова Назира, Джумагулова Надира, Шатенова Чолпон, Маатов Азим, Иманова Жазгул, Кенешова Айкамыш, Момылбаева Айсулуу, Качкынбаева Айнура, Садимова Гулнара, Баяманов Токторбек, Токторбаев Кубан, Бакашева Таалайкуль, Сабирбаева Алтыnguль, Султанкулова Нур, Иманалиева Уулжан, Темирбекова Асель, Касымова Зулайка, Каптагаева Мээрим, Назаралиев Нуржан, Кадырова Фатыйна, Турсунова Айнура, Сыдыкова Бактыгуль, Кабылбеков Медетбек, Аданова Чолпонай, Тохтарова Турдигул, Мурзарахим кызы Айзирек, Хамдамова Муяссархан, Жолдошова Аида, Бекмуратова Жумагул, Муратбек кызы Самара, Маматилла уулу Эдилбек

Координирование данных: Кобцова Лариса, Молдоканова Айгерим, Бувамадова Чолпон, Нургожоева Саламат, Дордоева Айгул, Капарова Зарина, Куздобаева Мээрим, Абдыкаимов Чингиз, Таалайбекова Нуржан, Абдыкеримова Бактыгуль, Бержибаева Замира, Эркинбек кызы Мээрим, Калдыбаева Клара

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Проведение исследования «Гендер в восприятии общества» (GSPS) является коллективным усилием, и мы искренне хотим поблагодарить многих людей, которые руководили, принимали участие и внесли бесценный вклад. Мы благодарим каждого, кто участвовал на этапах подготовки, сбора, обработки и анализа данных. Большую роль в реализации исследования сыграли:

Фонд Миростроительства ООН

Фонд Миростроительства ООН следует поблагодарить за щедрое финансирование, предоставившее возможность провести этот исследовательский проект, который также финансировался Структурой Организации Объединённых Наций по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин «ООН-женщины».

Правительство

Кыргызской Республики

Мы хотели бы поблагодарить многие государственные учреждения Кыргызской Республики, поддержавших данное исследование. Мы хотели бы особо отметить помощь, которую оказало Министерство труда и социального развития, содействуя и участвуя в ключевых мероприятиях проекта. Мы также признаем и высоко ценим приверженность делу сотрудников Национального статистического комитета Кыргызской Республики, который был партнером по реализации количественного компонента.

Совместный координационный комитет

Совместный координационный комитет (СКК), под со-председательством Аппарата Президента и Постоянного координатора ООН, в состав которого входят государственные органы и организации гражданского общества и учреждения ООН, осуществлял надзор за выполнением GSPS. Мы благодарны членам СКК за мониторинг прогресса в достижении ключевых результатов.

Секретариат Совместного координационного комитета

Мы также благодарим Секретариат СКК за регулярное содействие заинтересованным сторонам и мониторинг прогресса в достижении результатов проекта, а также за повышение информированности общественности о совместных усилиях правительства и ООН по миростроительству в Кыргызстане, включая GSPS.

Респонденты исследования

Исследование «Гендер в восприятии общества» (GSPS) было бы невозможно без участия более 7000 граждан Кыргызстана, которые посвятили

свое время, энергию и мнения исследованию в качестве респондентов. Именно благодаря им мы смогли представить результаты и выводы в этом и других отчетах, относящихся к GSPS.

Партнеры - Агентства ООН

GSPS также пользовалось поддержкой и руководящими указаниями всех трех своих партнеров по реализации: ООН-женщины в качестве ведущего учреждения и координатора качественного компонента, ЮНФПА, который координировал количественный компонент, и МОМ, которая оказывала техническую поддержку общему исследованию. Мы также благодарим всех сотрудников ООН, которые поддержали работу, и сотрудников трех учреждений, которые предложили письменные материалы, комментарии, идеи и щедрые отзывы.

Консультативная группа заинтересованных сторон

Консультативная группа заинтересованных сторон (SAG) представляла широкий круг заинтересованных сторон, научно-исследовательских институтов, экспертов и субъектов гражданского общества. SAG служила платформой для многочисленных государственных и негосударственных заинтересованных сторон, чтобы информировать, советовать и консультировать по методологии и инструментам исследований, и, в конечном счете, утвердить их. Мы глубоко признательны тем, кто отдал свое время этому начинанию и продемонстрировал свою приверженность нашим совместным усилиям.

Команда исследователей

И, наконец, особые слова благодарности мы выражаем всей команде исследователей, как количественного и качественного компонентов. Без их самоотверженности подготовка настоящего отчета была бы невозможной. Мы с признательностью отмечаем значительный вклад команды по количественным исследованиям в подготовку количественного аналитического отчета, который был включен в настоящий отчет. Мы также благодарим группу, проводившую качественное исследование, за их комментарии, дополнения, а также за их собственные взгляды и подробные отчеты, которые были основой этого описания.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛОССАРИЙ	8
СОКРАЩЕНИЯ	8
ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ	9
ВВЕДЕНИЕ	11
1. Методология исследования	15
2. Заключение исследования: похищение невест	18
2.1. Голоса женщин	22
2.2. Сексуальное насилие: неприкрытое и скрытое	24
2.3. Похититель	31
2.4. Роль других родственников: Джене	35
3. Заключение исследования: Ранние (детские) браки	39
3.1. Причины ранних браков	40
3.2. Последствия ранних браков	48
3.3. Роль формальных и неформальных институтов	52
4. Выводы и рекомендации	67
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	73

ГЛОССАРИЙ

<i>Адат</i>	Местные обычаи и традиции, соблюдаемые в мусульманских общинах Северного Кавказа, Центральной Азии и Юго-Восточной Азии
<i>Айыл башчы</i>	Глава сельской администрации
<i>Айыл окмоту</i>	Сельская администрация
<i>Акмиат</i>	Районная администрация в городе
<i>Аксакал</i>	Пожилый человек мужского пола, считающийся старейшим и мудрым в сообществах. Буквальный перевод «белая борода»
<i>Ала качуу</i>	Похищение невесты
<i>Апашка</i>	Обращение к матери мужа
<i>Джене</i>	Замужние женщины семьи, например, жены старших братьев, дядей и т.д.
<i>Имам</i>	Лидер мечети и мусульманского сообщества
<i>Кайната</i>	Свекор
<i>Кайнене</i>	Свекровь
<i>Кайрылман</i>	Группа этнических кыргызов, живших за пределами страны, в основном в Таджикистане, и вернувшихся на свою историческую родину несколько десятилетий спустя
<i>Калым</i>	Оплата за невесту
<i>Келин</i>	буквально переводится как «сноха» или «невеста». Согласно Reeves (2004), термин келин используется в общем смысле для обозначения молодых женщин, «проживающих» в домохозяйстве, но не являющиеся выходцами «из» него
<i>Квартальная</i>	Глава местного территориального управления
<i>Куйо бала</i>	Зять (муж дочери)
<i>Молдо</i>	Мусульманин с образованием в сфере исламской теологии и священного закона
<i>Нике</i>	Мусульманская церемония заключения брака
<i>Новостройка</i>	Новое поселение в пределах города или за его пределами
<i>Область</i>	Административно-территориальное подразделение
<i>Обменная карта</i>	Клиническая карта (история) беременной
<i>Сарпай</i>	Преподношения родственникам невесты, обычно в форме одежды
<i>Себет</i>	Преподношения родственникам невесты, обычно в форме корзин с яствами
<i>Суюнчу</i>	Приятная новость
<i>Расписка</i>	Письменное заявление, подтверждающее личную волю человека
<i>Тюбетей</i>	Национальный головной убор в Центральной Азии
<i>Уят болот</i>	Стыдно
<i>WhatsApp</i>	Мобильное приложение для обмена сообщениями

СОКРАЩЕНИЯ

<i>CEDAW</i>	Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин
<i>МОМ</i>	Международная организация по миграции
<i>ИДН</i>	Инспекция по делам несовершеннолетних
<i>GSPS</i>	Исследование «Гендер в восприятии общества»
<i>MICS</i>	Кластерное обследование
<i>НПО</i>	Неправительственная организация
<i>НСК</i>	Национальный статистический комитет Кыргызской Республики
<i>VAWG</i>	Насилие в отношении женщин и девочек
<i>ЮНИСЕФ</i>	Детский фонд ООН
<i>ЮНФПА</i>	Фонд народонаселения ООН
<i>ООН-женщины</i>	Структура Организации Объединенных Наций по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин
<i>ЗАГС</i>	Орган записи актов гражданского состояния

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Отчет по результатам исследования «Гендер в восприятии общества» («GSPS») посвящен теме насилия в отношении женщин через призму двух видов широкораспространенной практики насильственных браков в Кыргызской Республике. Состоящий из двух основных разделов отчет сфокусирован на практике похищения невест и детских браков. В отчете предпринимается попытка объяснить отношение и реакцию общества на оба явления, которые лишают женщин их прав и возможностей и требуют изменений в суждениях, отношении и институциональных приоритетах.

Женщины, которые на себе испытали такое насилие, зачастую потерпели ущерб с точки зрения своего физического и психологического здоровья, финансовой и экономической независимости, возможностей для образования и профессионального развития и жизни. Как и в остальных случаях гендерного насилия, в отчете показано, что похищение невест и детский брак в целом оказывают глубокое, длительное и пагубное влияние на жертв.

Для невест ала качуу или ранний брак становятся грубым вмешательством, жестоким и унижительным поворотным моментом в их жизни. Их истории полны горечи и сожалений. Сексуальное насилие, которое следует за похищением, например, носит характер и многие черты группового изнасилования и истязания. Девушки чувствуют себя преданными, сломленными и выставленными на показ в самом интимном смысле. Они активно сопротивляются, но их усилия не приносят результата, а воспринимаются как выражение их согласия. Вырваться из этой системы без серьезных последствий для девушек часто невозможно.

В отчете также анализируются поведение, мотивация, восприятия и ожидания тех лиц, которые, непосредственно или косвенно, вовлечены в эти практики, и приводится заключение, что их свобода выбора также ограничена. Риск неучастия в системе достаточно высок и несет за собой высокие потери, в то время как соответствие социальным ожиданиям приносит выгоды разного характера. Например, для родителей невесты похищение их дочерей зачастую становится неожиданностью, они испытывают злость, но когда они осознают, что будет в случае их прямого вмешательства в ситуацию, они предпочитают принимать ситуацию и поощряют девочек остаться в семье похитителя. Для жениха же похищение может быть способом проявления

"серьезности своих намерений", утешением самих себя в безответной любви, демонстрацией своей мужественности, и многим другим. Ала качуу приносит выгоды и другим членам семьи жениха, включая привлечение дешевой рабочей силы в домашнем хозяйстве, способ женить стеснительных родственников, более быструю и дешевую свадьбу, повышение своего статуса и возможность самоутвердиться. В некоторых случаях женихи практически не участвуют в этом процессе.

Ранние браки, организованные родителями, часто происходят спонтанно и неожиданно для самих родителей. Ими руководствуют разные мотивы, такие как этно-культурные традиции, медицинские показания (основанные на народных приметах), преждевременная физическая зрелость дочерей, беспокойство о безопасности дочерей, скорая трудовая миграция или болезнь родителей девочек, а также страх, что дочь останется незамужней. Беременность также была выявлена как причина заключения ранних браков, также, как и плохая успеваемость или исключение со школы. Среди семей, которые основаны на детском браке, мы обнаружили распространенное домашнее насилие, физическое, психологическое, финансовое, экономическое, а также ограничение доступа к здравоохранению и полноценному питанию.

Интервью с экспертами убедительно указывают на неоднозначное отношение должностных лиц, представляющих администрации школ, медицинские учреждения, правоохранительные органы, религиозных деятелей, представителей государственной власти, включая местное самоуправление и суды аксакалов, которые склонны выступать против насильственных брачных практик, однако их личный опыт и мнения контрастируют с их официальной позицией. Более того, в редких случаях они предпринимаяют непосредственные действия по предотвращению

похищения невест или детских браков. В свое оправдание они ссылаются на другие институциональные приоритеты, отсутствие опыта и навыков. На личном уровне эти респонденты также выразили мнение, что разбираться по таким вопросам им «неудобно» и «некомфортно». В результате такие государственные служащие и их организации напрямую или опосредованно потворствуют практике насильственного вступления в брак.

Рекомендации по сокращению случаев похищения невест и детских браков:

Комитет CEDAW рекомендует правительствам разработать всестороннюю стратегию решения проблемы похищения невест, предусматривающую эффективное проведение расследования, преследование и вынесение приговора нарушителям, а также меры правовой защиты и оказание вспомогательных услуг для жертв. Помимо указанных мер, по мнению экспертов, традиционное отношение к данному явлению и исходные причины похищения невест требуют

обучающих мероприятий и действий по повышению осведомленности.

Наши данные указывают на то, что хищение невест и детские браки являются многогранными феноменами, которые должны рассматриваться в контексте тех условий, в которых они происходят, и которые позволяют этим практикам продолжаться. Мы должны относиться к этим практикам как к продуктам общественной системы и гендерного порядка, которые диктуют нормы и стандарты приемлемого поведения в обществе и работы формальных и неформальных институтов. Похищение невесты или детские браки – это проявление патриархального механизма власти, при которой они воспринимаются как само собой разумеющиеся и не получают должного институционального внимания. Каждый участник вносит свой вклад в акт насилия, участвуя в некотором социальном конвейере действий, который в конечном итоге приводит к грубому нарушению прав женщин на свободу выбора супруга, на жизнь, свободную от насилия и эксплуатации, на независимость и возможности для личного развития.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий доклад представляет собой углубленное исследование двух форм гендерного насилия, которые широко распространены в Кыргызской Республике в настоящее время – похищение невест (ала качуу) и детские браки. Во всем мире исследования о детских браках уже аргументировано доказали, что это явление имеет дифференцированные последствия для мальчиков и девочек. Для девочек-невест ранний брак несет прямую угрозу личному развитию и благополучию. Изначально неравные властные отношения в детских браках делают девочек зависимыми от своих мужей, лишают их прав на образование, профессиональное развитие и самостоятельность. В таких браках девочки подвержены домашнему и сексуальному насилию. Их здоровье также подвергается рискам, таким как опасные осложнения во время беременности и родов. Без доступа к образованию и экономическим возможностям эти девочки часто оказываются за чертой бедности (ЮНФПА, 2012). Уже было широко признано, что любое государство, которое не в состоянии искоренить детские браки «недооценивает возможный вклад молодых женщин в инновационное развитие и весь тот потенциал, который позволил бы этой стране процветать» (Girls Not Brides, 2016).

Похищение невест и детские браки – общепринятая практика во всех областях Кыргызской Республики и среди всех этнических групп. Согласно исследованию ЮНИСЕФ, проведенному в 2005 году, в Кыргызстане отмечался самый высокий уровень детских браков среди всех бывших стран Советского Союза. Более того, их фактическое количество возросло после межэтнического насилия летом 2010 года (Илибегова и др., 2013).

Количество женщин, которые были похищены с целью замужества, трудно определить точно по причине стигмы и прочих социальных факторов, которые затрудняют формирование отчетности. Почти 12 000 молодых женщин и девочек похищаются с целью насильственного вступления в брак каждый год, по данным Центра поддержки женщин, приведённым в недавней новостной статье (Рейтерс, 2017). Согласно отчету Университета Дьюка, «от 16 до 32 процентов женщин в Кыргызстане подвергаются насильственному похищению с целью вступления в брак, но на самом деле данный показатель намного выше среди этнических кыргызов, где треть всех браков происходит путем похищения невесты». Возраст похищенных невест, как правило, намного меньше возраста женщин, выходящих замуж по любви или по договоренности. По данным проведенного обследования, средний возраст таких невест составляет 19 лет.

В Кыргызской Республике детский брак (официальный или неофициальный брак с людьми, не достигшими возраста восемнадцати лет) является серьезным нарушением прав человека и прав ребенка (ЮНФПА, 2012). Такая норма

закреплена не только в подписанных страной международных договорах и соглашениях, но и в самом национальном законодательстве, включая Конституцию Кыргызской Республики. Важно отметить самые последние разработки в этой области. В 2013 году похищение невест стало уголовным преступлением, за совершение которого предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до 10 лет. В 2016 году были запрещены браки, заключенные в качестве альтернативы гражданскому браку, а в начале 2017 года был принят закон, направленный на повышение уровня защиты жертв домашнего насилия.

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (CEDAW) в своем отчете за 2015 год отметил, что он «глубоко обеспокоен социальным узакониванием похищения невест, которое сопровождается культурой молчания и безнаказанности» и что «случаи похищения невест не получают достаточного освещения». Согласно отчету, к началу 2015 года вынесен только один приговор за похищение невесты.

Имеющиеся критические источники указывают на неэффективное осуществление юридических норм, которое часто объясняют нежеланием чиновников вмешиваться в то, что они воспринимают как вопросы частного характера (ЮНФПА, 2012). Другие источники указывают на проблему неисполнения законов как отсутствие необходимых институтов и существование норм исключений. Так, например, существуют исключения в национальном законодательстве, в соответствии с которым человек может достигнуть совершеннолетия до

до достижения им биологического возраста восемнадцати лет и, следовательно, выйти замуж в более молодом возрасте¹. Принуждение к вступлению в брак или вступление в фактические брачные отношения с лицом моложе семнадцати лет является уголовным преступлением в стране, однако, не существует соответствующего положения для преследования в случае, если такой брак основывается на согласии со стороны ребенка или родителей/ опекунов ребенка.

С академической точки зрения, существует проблема недостаточности или полного отсутствия достоверных научных источников с анализом практик детских браков в Кыргызстане. Недавнее исследование ЮНИСЕФ, проведенное в рамках международной инициативы обследования домашних хозяйств, Множественное кластерное обследование (МИКО), предоставляет важную информацию, но требует дополнительных исследований, разностороннего, количественного и качественного характера для дальнейшего использования в разработке эффективной превентивной политики.

Во всем мире уже было признано, что практика детских браков может отличаться в зависимости от того, в какой стране, в каком конкретном сообществе и т. д. они происходят (ЮНФПА, 2012). Таким образом, решения и ответные политические меры обязательно должны принимать во внимание местный контекст, специфику и условия. Такой подход требует особенно внимательного использования знаний о местных практиках,

1 Две статьи Гражданского кодекса делают это возможным. Согласно статье 56 Гражданского кодекса, «в случае, когда законом допускается вступление в брак до достижения восемнадцати лет, гражданин, не достигший восемнадцатилетнего возраста, приобретает дееспособность в полном объеме со времени вступления в брак. Приобретенная в результате заключения брака дееспособность сохраняется в полном объеме и в случае расторжения брака. При признании брака недействительным суд может принять решение об утрате несовершеннолетним супругом полной дееспособности с момента, определяемого судом.» Статья 62 Гражданского кодекса определяет случаи, когда несовершеннолетний может быть объявлен полностью дееспособным (эмансипация). Так, несовершеннолетний, достигший шестнадцати лет, может быть объявлен полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору, в том числе, по контракту, или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской деятельностью. Брачный возраст устанавливается в восемнадцать лет. В соответствии со статьей 14, «Брачный возраст» Семейного кодекса Кыргызской Республики, при наличии уважительных причин исполнительные органы местного самоуправления по месту жительства лиц, желающих вступить в брак, вправе по просьбе данных лиц снизить брачный возраст для мужчин и женщин не более чем на один год на основании комиссионного заключения территориальных подразделений уполномоченного государственного органа по защите детей. На практике вышеуказанные положения позволяют молодым людям в возрасте семнадцати лет вступать в брак и иметь такие же права, как и люди в возрасте восемнадцать лет и старше.

полученные путем глубинного анализа конкретных ситуаций.

Каким образом детские браки происходят в Кыргызской Республике и по каким причинам – это еще малоизученный вопрос, по большей части ввиду недостаточного количества местных глубинных исследований, в которых были бы использованы методики, подходящие для изучения такого сложного, многогранного явления, происходящего в различных социальных контекстах под влиянием гендерных норм, жестких поведенческих сценариев, межличностных отношений среди участников этой практики, включая экономическую, социальную и политическую взаимозависимость между вовлеченными лицами, и т.д. Действительно, феномен ранних браков не может быть полностью раскрыт только количественными исследованиями. Он должен изучаться более целостно и системно, чтобы услышать точки зрения разных вовлеченных лиц. Однако, по данным ЮНИСЕФ, конкретных исследований, сосредоточенных исключительно на масштабах, причинах и последствиях ранних браков, в Кыргызской Республике проводилось очень мало либо не проводилось вообще².

Пагубные традиционные практики часто связаны друг с другом. В Кыргызстане детские браки часто происходят в результате похищения невест (ала качуу). Ала качуу является официально запрещенным актом похищения женщины с целью насильственного вступления с ней в брак. Считается, что это одна из наиболее распространенных форм принудительных браков в Кыргызстане (Томас, 2009). Исторически ала качуу использовались влюбленными парами в случае, если финансовые или социальные ограничения не позволяли им пожениться другим способом (Томас, 2009). Хотя такие сфабрикованные похищения происходят и в настоящее время, уровень насильственных похищений невест значительно возрос в стране, особенно после провозглашения Кыргызстаном независимости в 1991 году. Например, в 1999 году 33 процента женщин, а в 2004 году 45 процентов женщин были вынуждены вступить в брак в результате похищения (Ибраева, 2011). Ученые и активисты многократно выступали за то, чтобы признать насильственное ала качуу грубым нарушением основных прав человека, гражданского права Кыргызской Республики и исламского права "адат". Имеющиеся исследования

2 <http://eeeca.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/unfpa%20kyrgyzstan%20overview.pdf>

уже указали на то, до советского периода ала качуу практиковалось крайней редко, следовательно, эту практику нельзя рассматривать как «традицию», а только как нарушение традиционного киргизского права – адата (Клейнбах & Салимджанова, 2007).

Отчет Хьюман Райтс Вотч (2006) описывает процесс насильственного похищения невест в Кыргызстане, который мы используем в данном документе:

Похищение женщин и девочек, включая двенадцатилетних, для насильственного вступления с ними в брак, выполняется группами мужчин, которые нападают на девушку и, с помощью физической силы или обмана, привозят в дом будущего супруга. Далее семья похитителя использует психологическое, а иногда и физическое давление на женщину с тем, чтобы заставить ее дать свое согласие на брак (стр. 31).

Мы также хотим использовать этнографический материал из статьи Борбиевой (2012) для более полного описания процесса,

... его родственницы изолируют ее [похищенную девушку] в отдельную комнату и пытаются надеть ей на голову белый платок. Надетый на голову белый платок означает ее согласие выйти замуж за похитителя. Эти родственницы не должны заставлять ее надевать платок на голову, они также не должны сами его надевать на нее. Напротив, словами, ласковыми и жесткими, они пытаются уговорить ее выйти замуж. Это не так просто. Даже если похищение было симуляцией по воле девушки, она должна играть свою роль и разыгрывать сопротивление. В доме жениха ожидают, что она будет плакать, сопротивляться и пытаться сбежать. Сопротивляясь, девушка демонстрирует свою честь, так как по местным стандартам, девушка не должна показывать рвение выходить замуж (р. 146).

В статье Борбиевой (2012) мы нашли этнографические подробности того, какое поведение ожидается от родителей жениха и невесты:

В то время как женщины из семьи похитителя находятся рядом с похищенной девушкой, весть о ее похищении должна быть передана ее родителям. Последнее слово за родителями похищенной девушки. Если они видят, что их дочь не желает оставаться в семье похитителя и, если их не устраивает репутация или

социально-экономический статус семьи похитителя, они могут разрешить ей уйти из его дома. Однако гораздо чаще они велят ей остаться. Обычно девушка слушается родителей, даже если она не хочет выходить замуж за своего похитителя. После того как все стороны выражают свое согласие, имам (религиозный служитель) приглашается для проведения религиозного обряда бракосочетания, и пара начинает жить вместе как муж и жена (р. 146).

Отчет Хьюман Райтс Вотч по Кыргызстану (2006) включает в себя анализ возможностей побега для похищенных женщин:

В некоторых случаях молодые женщины подвергаются сексуальному насилию сразу после того, как ее привозят в дом похитителя для того, чтобы ей было стыдно возвращаться в дом родителей. В других случаях похищенных женщин принуждают к сексу или насилуют во время брачной ночи после церемонии бракосочетания (р. 31).

Изнасилование невесты используется для того, чтобы сделать брак необратимым и заставить ее остаться. Но даже если женщина не подвергалась насилию, общественное порицание часто оставляет ей мало выбора, и она вынуждена остаться в семье похитителя. Социальные нормы требуют от девушек девственности, когда они выходят замуж. Сбежавших девушек ожидает бесчестье и изгнание из семьи из-за подозрений, что она была подвергнута сексуальным отношениям в доме похитителя. В этом случае ее ждут значительные трудности в новых отношениях с новым женихом.

Женщины испытывают физическую, психологическую и эмоциональную травмы. Они часто испытывают систематическое домашнее насилие. Их часто эксплуатируют, они вынуждены терпеть различные ограничения, в том числе на свободу передвижения, на владение собственностью, на получение образования, на оплачиваемую работу, на жизнь, свободную от принуждения к труду (The Advocates for Human Rights, 2008), а также на «свободу и безопасность, жизнь и физическую свободу, особенно в условиях семейного и сексуального насилия» (ЮНФПА, 2006 в Томас, 2009, стр. 3).

В исследовании, опубликованном в журнале «Демография», также сообщается, что вес детей, рождающихся у похищенных невест, на 80 до 190 граммов меньше веса детей, родившихся в браке

по договоренности. Более низкий вес при рождении связывается с более высоким риском заболеваний, более низким уровнем образования и дохода.

Причины возрастающего количества ала качуу в Кыргызстане уже обсуждались некоторыми исследователями, представляющими разные академические дисциплины. Они предложили несколько социологических объяснений этому явлению. Например, существует мнение, что похищение невест является положительным маркером культурной идентичности кыргызов, которое преследовалось режимом советской власти (Хандрахан, 2007). Другое мнение: практика похищения невест снимает напряжение, вызванное разницей в трактовании любви и брака разными поколениями (Борбиева, 2012). Третьи говорят, что ала качуу помогает мужчинам в их стремлении контролировать передвижения и сексуальность женщин в условиях переходного периода (Вернер, 2009). Другие исследователи подчеркивают важность экономического фактора, приводя доводы, что после развала Советского Союза малоприбыльные хозяйства потребовали увеличения количества дополнительной рабочей силы, то есть, молодых снох и детей (Ибраева и другие, 2011). Еще один недавний анализ ала качуу рассматривает эту практику как пример систематического мизогинистического патриархата, который получил название «каждодневного терроризма» (Купер-Канингам, 2016).

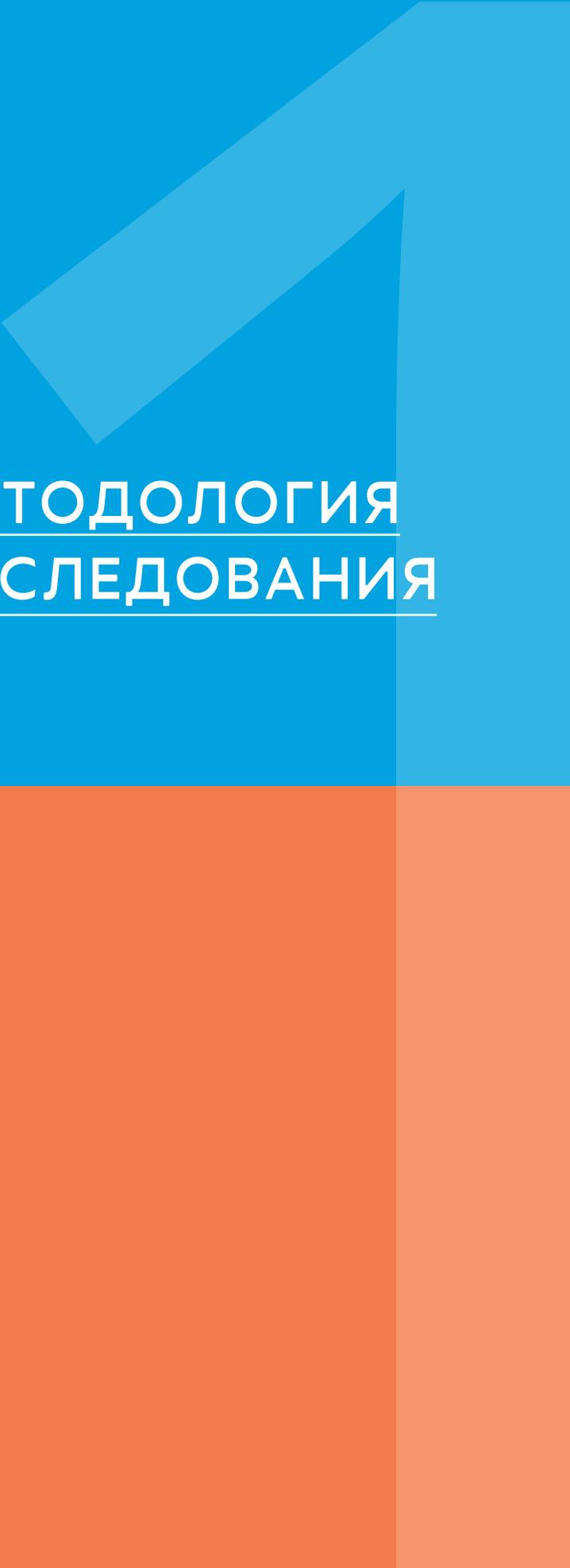
Очевидно, что ни одна из существующих теорий не дает объяснений на все возникающие вопросы. Эмпирических данных, доказывающих правоту причинных связей той или иной теории, также не имеется. Напротив, ученые призвали к проведению дополнительных исследований, которые бы дополнили существующие знания на эту тему.

Один из наиболее известных исследователей вопроса ала качуу, Рассел Кляйнбах (2007), рекомендовал провести новые исследования, которые бы изучили чувства, мотивации, образ мышления и ожидания других участников практики. Он призвал к изучению динамики получения родительского согласия до и после похищения, а также того, как чувство любви приходит к жениху и невесте. Убеждения,

установки, ожидания от брака и отношений с супругом также были мало изучены и требуют новых исследований. Было замечено, что крайне мало внимания было уделено тому, как женщины сами понимают, объясняют и оправдывают то, что с ними произошло.

На уровне глобальной политики существует механизм институционального давления на правительство Кыргызской Республики по мерам искоренения практики похищения невест, которые уже были признаны наносящими ущерб жизням девушек и девочек. Меньше года назад, в 2015 году, Комитет CEDAW и Комитет по правам ребенка в обращении к правительству Кыргызской Республики повторно подняли вопрос о практике похищения невест и детских браках, с особым ударением на необходимость искоренять эти практики, базируясь на исследованиях неочевидных причин, по которым они происходят, и разрабатывать комплексные стратегии разрешения этих проблем.

Данное исследование отвечает на эти важные призывы и ставит перед собой цель получить глубокие познания о причинах, природе и последствиях практики ала качуу и детских браков, с фокусом на местную специфику, конкретные случаи и индивидуальные голоса тех, кто на- прямую или косвенно связан с реализацией этих явлений. Наши результаты имеют потенциал помочь в процессе разработки политик и программ по искоренению этих губительных практик по отношению к женщинам и девочкам. Нашей задачей было отказаться от бинарного мышления, где женщины и мужчины занимают позицию жертвы или преступника. Это необходимо для того, чтобы продемонстрировать, что ала качуу и детские браки являются гораздо более сложными, многогранными и неоднозначными феноменами, изучение которых должно быть системным. Мы верим, что сможем внести недостающие знания о том, как и почему практики ала качуу и детские браки продолжают происходить, путем глубокого понимания различных и конкретных условий и обстоятельств. Важно уделять особенное внимание каждому участнику процесса для выявления неочевидных шаблонов мышления, эмоциональных ощущений, суждений, отношений, убеждений, которые в своей совокупности приводят к сохранению практик насилия против женщин.

A large, stylized number '1' is the central graphic element. It is composed of two parts: a light blue, semi-transparent shape on the left that tapers to a point at the top and bottom, and a solid, vertical orange bar on the right that extends from the top to the bottom of the page. The background is split horizontally into a top blue section and a bottom orange section.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Данное исследование о насилии в отношении женщин и девочек в Кыргызской Республике ставит перед собой следующие задачи:

- Предоставить эмпирически обоснованную качественную информацию о практиках ала качуу и детских браках в Кыргызской Республике с анализом специфики культурального контекста, в котором они происходят.
- Изучить с помощью этнографического метода исследования, что люди с различным жизненным опытом, положением в семье (включая возраст и пол), в разных сообществах знают о практиках ала качуу и детских браках; как они относятся к этим практикам и как они были в них вовлечены в прошлом; что они чувствуют и каковы их ожидания, когда они участвуют или отказываются участвовать в осуществлении этих практик.
- Изучить то, как воздействуют ала качуу и детские браки на всех вовлеченных в эти практики людей и как они адаптируются к ситуациям, которые сложились в результате.
- Идентифицировать политическое пространство для разработки и внедрения эффективных превентивных политик и программ.

Методология качественного компонента

Сбор данных происходил в городах и селах во всех областях Кыргызской Республики, включая два крупных города (Бишкек и Ош). Всего было изучено 57 локаций, то есть, сёл, малых и крупных городов, и городских районов. В городах исследователи провели 147 интервью, включая 20 кейс-стади, а в селах – 237 интервью, включая 32 кейс-стади. Выбор локаций руководствовался желанием предоставить наиболее высокую репрезентативность данных, а также наличие согласившихся респондентов.

Сбор данных начался в начале февраля и продолжался до конца марта 2016 года. Исследовательская группа состояла из восьми опытных исследователей, которые работали в двух командах по четыре человека (одна группа работала на севере, другая – на юге). Разделение команды на две группы стало необходимостью для

повышения эффективности процесса, принимая во внимание временные рамки и национальный охват исследования. До начала работы по сбору данных команда исследователей приняла участие в установочном семинаре, дискуссиях по поводу этики проведения исследования и обсудила вопросы личной безопасности исследователей и их травмы. Группа имела возможность протестировать инструмент исследования и после этого приступила к процессу сбора данных.

В исследовании использовались два основных метода сбора данных: экспертное интервью и кейс-стади. Метод кейс-стади был необходим для всестороннего изучения семейных обстоятельств, в которых происходят ала качуу и детские браки. Экспертные интервью были необходимы для изучения более широкого спектра аспектов, такие как культуральные, институциональные, юридические, политические, экономические, исторические и другие условия, в которых эта практика стала возможной и продолжает существовать.

Методика полу-структурированного глубинного интервью была использована для изучения индивидуальных историй жизни, опыта и точек зрения. Экспертные интервью были необходимы для выявления возможностей по мерам искоренения вредоносных практик. Этнографические наблюдения стали также частью процесса сбора данных.

Ввиду чувствительности темы исследования мы отказались от изначально планируемых фокус-групп. Для целей исследования нам было необходимо заручиться доверием респондентов для получения полного и глубокого понимания их опыта, поэтому индивидуальный подход наедине с респондентами был наиболее подходящим.

Для выявления и привлечения к участию потенциальных респондентов была использована направленная выборка на основе конкретных критериев скрининга. Рекрутинг происходил в тесном взаимодействии с местными общественными лидерами и помощниками. Интервью в рамках кейс-стади, как правило, проходили в домах самих женщин, девушек и их

родственников. Иногда, по этических соображениям или в целях обезопасить респондентов, некоторые интервью проводились в машине, арендованной для исследовательской команды.

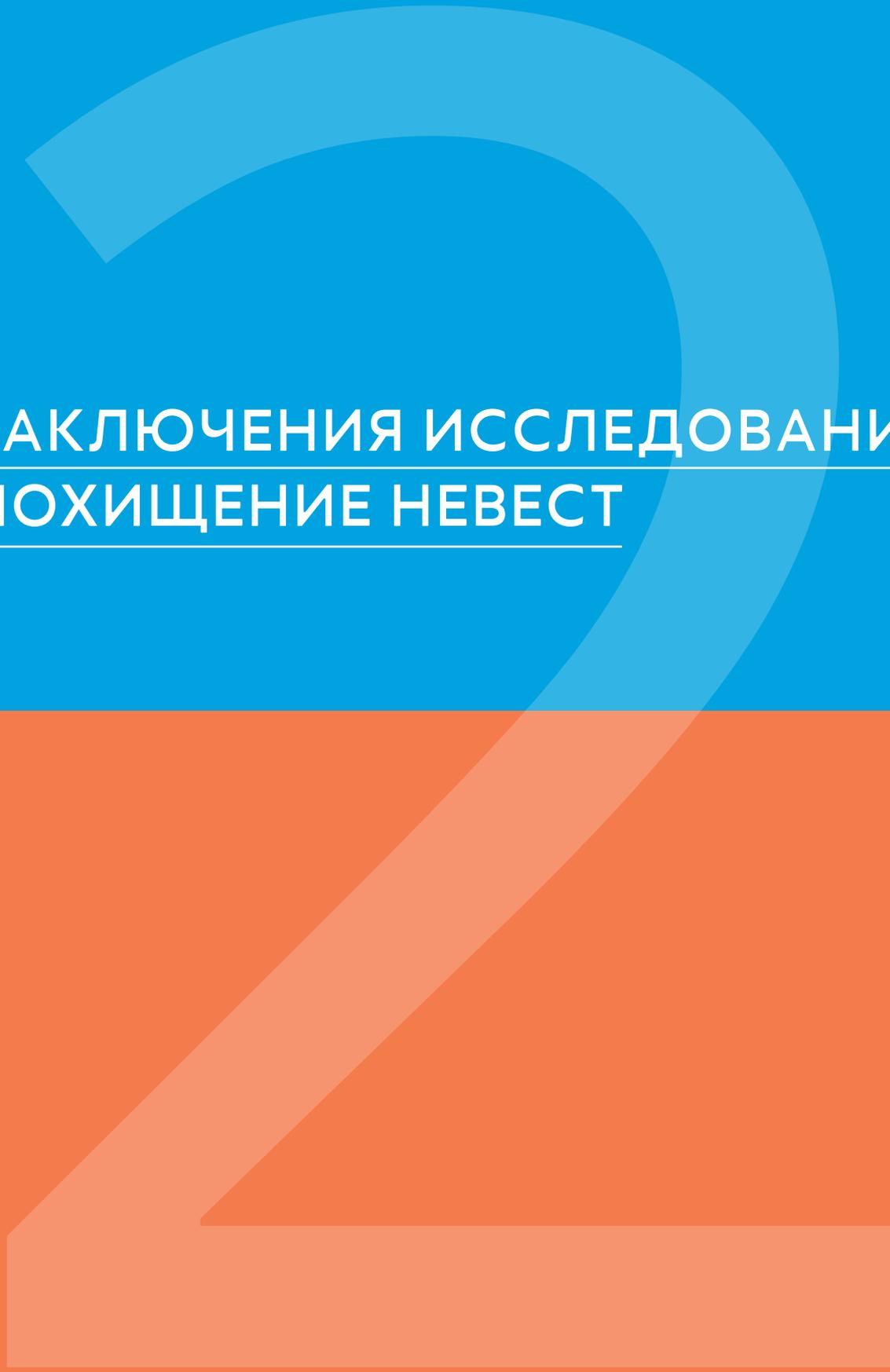
Экспертные интервью, как правило, проходили на рабочих местах респондентов. Каждое интервью начиналось с вступительной части, которая включала в себя разъяснение о целях исследования и получения информированного согласия на участие. Интервью были дополнены этнографическими наблюдениями со слов исследователей о том, как проходило интервью, в каких условиях, с какими сложностями, в какой атмосфере, а также включало описание любых непредвиденных обстоятельств и общие наблюдения повседневной реальности, в которой исследователи нашли респондентов. Каждое интервью было закодировано согласно нормам по сохранению безопасности данных с удалением любой личной информации.

Всего было собрано 367 интервью. Они включают в себя 21 случай ала качуу, 21 случай ранних браков, 11 смешанных случаев (всего 266 интервью) и 101 экспертное интервью. Таким образом, 53 случая вредных практик были изучены с помощью 292 интервью. Важно заметить, что в наших данных содержится один случай полигамии, одна история несовершеннолетней вдовы и три случая развода. Количество случаев в каждой локации варьируется от одного до четырех в каждой категории. Количество интервью в каждом кейс стади также варьируется и в некоторых случаях достигает одиннадцати человек. Анализ каждого случая был сфокусирован на истории конкретной женщины, которая испытала на себе ала качуу или детский брак или и то, и другое. Из ее истории выявлялись все действующие лица, и в дальнейшем они также были приглашены к интервью. У нас также имеется несколько так называемых «провалившихся» слу- чаев, где респонденты в последнюю минуту по- меняли свое мнение и не давали разрешение на включение информации об их случаях в GSPS.

Подход кейс стади позволил рассмотреть интересующие нас феномены не только с позиции самой женщины – жертвы, но и с точки зрения других людей, которые были вовлечены в процесс. Безусловно, основное внимание отводилось опыту женщин, но мы также изучили реакции и поведение ее родителей, родителей ее мужа, самого мужа и всех остальных действующих лиц. Какую конкретную роль они выполняли, о чем они думали, что они чувствовали? Такая информация позволяет создать более широкую картину, что более эффективно для выработки рекомендации на уровне политики.

101 эксперт принял участие в интервью. Точное количество экспертных интервью в каждой области варьировалось от восьми до шестнадцати человек в зависимости от наличия и желания респондентов. Среди этих экспертов есть представители министерства внутренних дел Кыргызской Республики, государственного управления, органов местного самоуправления, религиозного сообщества, судов аксакалов, женских комитетов, системы здравоохранения и администраций школьных учреждений. Интервью с этими респондентами позволило оценить их знания и узнать больше об их восприятии и суждения относительно вопросов похищения невест и детского брака. Особенно важным было узнать их мнение о том, как такие два явления влияют на их работу. Эта группа участников дополнительно поделились своим ценным мнением по поводу возможной профилактической работы.

Все интервью и этнографические заметки были транскрибированы и введены в компьютерную программу обработки качественных данных MaxQDA для проведения тематического анализа. Команда из трех людей (два кодировщика и один супервизор) обрабатывали файлы в программе путем выявления и систематизации повторяющихся тем, паттернов и топиков, которые в дальнейшем были консолидированы в более крупные единицы анализа. Подход к обработке данных руководствовался принципом «снизу вверх», где конечные результаты анализа были продиктованы собранными данными, нежели заранее установленными категориями анализа.

A large, stylized number '4' is the central graphic element. It is composed of two main parts: a light blue, semi-transparent arc at the top and a light orange, semi-transparent shape at the bottom that resembles a thick, slanted bar with a horizontal base. The background is split horizontally into a blue top half and an orange bottom half.

ЗАКЛЮЧЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОХИЩЕНИЕ НЕВЕСТ

ЗАКЛЮЧЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПОХИЩЕНИЕ НЕВЕСТ

Наши данные указывают на значительную распространенность ала качуу и детских браков по всей Кыргызской Республике и, особенно, в сельской местности. Несмотря на то, что количественная оценка не являлась целью данного исследования, недавний национальный опрос, проведенный ЮНФПА и НСК (2016), показывает, что практика похищения невест наблюдается во всех уголках страны³. Согласно этому опросу, 60% всех женатых/замужних респондентов в Таласской области женились/вышли замуж через ала качуу. В Иссык-Кульской области данный показатель составляет 45%, а в Джалал-Абадской и Нарынской области эта цифра варьируется от 28% до 31%.

Насильственные ала качуу составляют до 20% всех браков (ЮНФПА и НСК, 2016). Самый высокий уровень насильственных похищений имеется в Нарынской и Ошской области, а также в городах Ош и Бишкек. Уровень похищений в целом в 1.7-1.8 раза выше в селах, чем в городах.

Большинство респондентов (около 80%), принявших участие в качественном обследовании, проведенном ЮНФПА и НСК, выразили явно отрицательное отношение к практике похищения невесты. Более половины всех респондентов отметили снижение количества похищений за последние пять лет и только четыре процента отметили повышение. Городское население в два раза чаще указывали на возрастание количества ала качуу (ЮНФПА и НСК, 2016).

Около 70% процентов опрошенных осведомлены об уголовной ответственности за совершение ала качуу (UNFPA & NSC, 2016). Более 40% всех респондентов могли точно указать, какое уголовное наказание предусматривается за это преступление (т.е. от трех до десяти лет тюрьмы). Самый высокий уровень осведомленности был обнаружен в Таласской области (более 80%), а самый низкий – в Нарынской области (чуть меньше 50%). Однако 10% респондентов оправдывают ала качуу, называя это «традицией»; по мнению 25%, похищенные женщины должны выйти замуж за похитителя, а менее половины были готовы принять такую родственницу назад в семью. Такие разные мнения демонстрируют сложную природу данного явления и требуют дальнейшего изучения.

В целом, по мнению общественности, количество детских браков увеличилось за последние несколько лет. Такое наблюдение подтверждает имеющиеся статистические данные, которые четко указывают на рост как случаев детских браков, так и случаев беременности среди

несовершеннолетних, а также повсеместность последних (ЮНФПА и НСК, 2016). Более того, уровень детских браков в 2.5 раза выше в сельской местности по сравнению с городской (ЮНФПА и НСК, 2016).

Детские браки и похищения невест приносят глубоко негативные последствия для жизни молодых девушек, они ухудшают их психологическое и физическое здоровье, их финансовая и экономическая независимость также ухудшаются, равно как снижаются их возможности для продолжения образования и профессионального развития. Домашнее насилие является общераспространенным явлением, а уровень качества жизни в целом низкий.

Мы исследовали точки зрения лиц, инициирующих эти практики, а также тех, кто вовлечен в них более опосредовано. На основании наших данных в ходе исследования было выявлено, что ала качуу и детские браки втягивают всех участников в процесс и оказывают влияние не только на самих невест, но и на членов их семей и сообществ. Последствия могут быть негативными, но для действующих лиц существуют прямые выгоды в участии, потворстве и увековечивании ала качуу и детских браков.

Вопрос индивидуального выбора и сознательного принятия решений достоин некоторой дискуссии. Детский брак, и тем более ала качуу, по большей части представляет собой цепь отдельных и само собой разумеющихся действий, выполняемых разными индивидами в конкретной последовательности, что в совокупности производит социальный продукт, т.е. акт насилия против женщин. Режиссирование этих практик

³ Количественный компонент GSPS, который выполнялся ЮНФПА и НСК в 2016 году.

носит идеологический, капиллярный и сложный характер, который нельзя просто свести к действиям «одного злодея». Выполнение конкретных задач и ролей в интересующих нас практиках зависит от возраста, пола, семейного статуса и других характеристик самих участников.

Ала качуу и детские браки являются частью гендерного порядка, который характеризуется патриархальными отношениями власти. Жертвы ала качуу и детских браков опредмечены, однако другие участники процесса на самом деле также объективируются социальной и культуральной системой, в рамках которой они действуют. Мы видим наличие риторики экспансивной гендерной идеологии, которая воспринимается как само собой разумеющееся и которая материализует и увековечивает эти практики и, в то же время, имеет налет доброжелательности.

В наших данных содержатся разнообразные подтверждения тесной связи между происходящими практиками и повсеместным контролем над женской сексуальностью. До замужества молодая девушка или девочка рассматривается обществом не как личность с собственными правами, а как потенциальная сноха/невеста/пленница/бесплатная рабочая сила и, таким образом, подлежит опредмечиванию. Как таковая, девушка является символическим носителем чести семьи, как и ее потенциального позора. Навязанная система социального надзора необходима для того, чтобы подготовить ее к браку и семейной жизни. После того как девушка выходит замуж, социальный контроль не перестает существовать, а трансформирует свои функции. Теперь девушки оцениваются с помощью различных индикаторов, как, например, количество детей, которых она производит, ее отношения со свекровью, опрятность ее дома и т.д. Благополучие этой девушки, в конечном счете, будет зависеть от этой оценки.

С лингвистической точки зрения, такой редукционистский подход к женщинам особенно очевиден. Выбор слов, выражений, способы ссылки на молодых женщин особенно ярко демонстрируют такое опредмечивание. К примеру, респонденты использовали такие выражения по отношению к девочкам и женщинам, как «испортиться» или «испорченная» (на кыргызском языке). Респонденты использовали это выражение как антидот (который нужно избежать любой ценой) ожидаемой наивности и невинности девушек,

таких ценимых качеств для потенциальных невест. Это выражение подразумевает то, что девушка может «набраться идей» и прекратить принимать как само собой разумеющееся традиционные нормы и образ жизни. Испорченная девушка может также быть просвещенным человеком, который увидел с помощью телевизора, Интернета, жизни в городе альтернативный образ жизни и понял, что у него есть выбор. Испорченную девушку замуж не возьмут и, согласно местным убеждениям, это худшее, что может случиться с женщиной. Мотивацией к ала качуу/детским бракам часто становится именно страх, что дочь может испортиться или что сын может жениться на испорченной девушке. Следовательно, семьи предпринимают действия, чтобы избежать такой нежелательной ситуации и выдать дочерей замуж прежде, чем это может с ней случиться. Одна из наших респондентов – невеста, которая рассказала о том, как ее бабушка выдала ее замуж в страхе, что та может испортиться:

Моя бабушка заботилась обо мне лучше, чем моя мама. Моя бабушка покупала мне все, что я хотела, но она никогда не разрешала ходить на улицу или гулять. Она говорила: «Если будешь смотреть телевизор, ты увидишь насилие, что есть насилие во всем мире». Поэтому моя бабушка не позволяла мне учиться. Я хотела научиться шить, но моя бабушка сказала мне, что город – это плохое место. Вы сами знаете, что люди из старого поколения очень защищают. Моя бабушка смотрела телепередачи, ТВ-шоу "Шок и факты" и она ругала меня: «Смотри, что может случиться с девочками! Если что-нибудь случится с тобой, как я найду тебя?». Так я всегда соглашалась с тем, что она говорила, и я не могла дальше учиться. А потом появилась женщина, которая помогла моему мужу похитить меня... "(невеста, село, Ошская область)

Таким образом, к девушкам относятся как к обезчеловеченным объектам и воспринимают как что-то, что может испортиться, что можно «взять» и «отдать». Такие выражения, как «кыз алдык» или «кыз бердик» («мы взяли девочку», «мы отдали девочку»), всегда используются в качестве ссылки на замужество девушки и никогда по отношению к мужчинам. Например, женщина из Джалал-Абада описала, как она с сыном выбирала невесту для него, «Эй, как насчет этой? Тебе эта нравится? Да? Хорошо, давай ее тогда украдем». Это указывает на конкретное опредмечивание женщин в процессе ала качуу, который до боли напоминает процесс

импульсивного шопинга. В другом случае ала качуу, с которым мы столкнулись, две разные девушки с одинаковыми именами были перепутаны группой похитителей, и случайно «не та» девушка была украдена. Вот как рассказывает об этом мать девушки:

Моя старшенькая [Гульнара] работала в родильном доме. А там работало две Гульнары. Один мужчина попросил позвать Гульнару и крикнул: «Гульнара!», и моя дочь откликнулась, и они ее украли вместо другой Гульнары (город Ош).

В итоге «не та» Гульнара вышла замуж за похитителя. Это случай особенно поразителен, поскольку он показывает, насколько легкозаменяемыми могут быть девушки в качестве невест. Это еще одно подтверждение антигуманного отношения к женщинам.

Термин «келин», который буквально переводится как «сноха» или «невестка», означает на самом деле гораздо больше, чем просто родственное отношение. Согласно Ривз (2004), слово «келин» используется как ссылка на молодых женщин, которые "в", но не "из" данного домохозяйства. Термин происходит от корня *kel-, kelmeq*, что означает "прийти". Он описывает кого-то, кого «взяли и привели». Часто используется выражение «келин алдык», что переводится как «мы взяли невесту», является типичной заменой выражению «наш сын женился». Келин оценивается с точки зрения качества ее работы по дому, послушания родителям мужа и репродуктивной эффективности. Жестко говоря, девочка может быть сведена к функции инкубатора для получения потомства и бесплатного домашнего труда. Почти во всех интервью, в которых респонденты хотели похвалить своих келин, они подчеркивали именно эти навыки, а также количество детей, которых эти девушки произвели на свет.

Сельским девушкам ничего говорить не надо. Они все уже и так знают: когда хлеб печь, когда прибраться, когда еду готовить (свекровь о своей снохе, село в Баткенской области).

Мы сразу заметили с первого дня, что наша келин умеет хорошо вести хозяйство, потому что она выросла с бабушкой. Девушка, которая ухаживала за пожилым человеком, отличается от других. Она все сама делала без указаний. Я очень довольна. И сейчас, слава богу, ее дети уже выросли, старший ходит во второй класс, средний – в садик, а маленькому – чуть больше двух.

Мы подумываем его отдать тоже в садик. (Свекровь о снохе, село в Чуйской области)

Таким образом, ала качуу и детские браки можно описать как часть гораздо большей действующей социальной, политической и культурной системы, в которой доминирует особый гендерный порядок, поддерживаемый формальными и неформальными институтами.

Ала качуу можно сравнить с эстафетной гонкой, где каждый участник торопится выполнить конкретную задачу и передает эстафету другому. Ала качуу неизбежно требует участия, по крайней мере, несколько человек. Это постановочный перформанс, комедия для некоторых, драма для других, но не спектакль одного актера. Действия участников в ала качуу часто инертны («все делают это»), но не происходят «просто так». Лица, принимающие участие в процессе, считают себя «доброжелательными людьми», действующими во благо невесты или жениха, или всей семьи. Конечно, индивидуальные точки зрения различаются и включают в себя очень личные проблемы и ожидания выгод, сохранения статус-кво или повышения социального положения и т.д. В большинстве случаев субъективные переживания конфликтны, потому что любая выбранная стратегия – участие, неучастие, вмешательство или противостояние – несет определенные социальные, финансовые и психологические риски, которые описаны далее в настоящем докладе. В большинстве случаев предусмотренные преимущества участия в ала качуу перевешивают риски.

2.1

ГОЛОСА ЖЕНЩИН

Значительная часть данных об ала качуу совпадает с кейсами по детским бракам, т.е. большинству похищенных невест еще не было восемнадцати лет. Следовательно, анализ в данном разделе применим к обоим явлениям, которым посвящено наше исследование. Выводы, которые касаются только детских браков, будут представлены в отдельном разделе этого доклада. Мы начинаем наш анализ с представления собирательного образа девушек в возрасте от 14 до 19 лет и описания с их собственных слов того, что им пришлось пережить.

В рамках исследования ЮНФПА и НСК (2016) 80% всех женщин выразили крайне негативное отношение к ала качуу, а 60% всех опрошенных женщин лично осудили похитителя. В ходе интервью женщины рассказали о некоторых негативных последствиях похищения невест для жизни похищенной девушки:

Жанаре⁴ было всего семнадцать лет. Она только что окончила школу, и мой муж хотел, чтобы она пошла в университет. Она писала стихи, и у нее очень хорошо получалось с языком. Когда она училась в школе, она писала стихи... [Жанара была похищена и никогда не училась в университете] (Чуйская область, тетя потерпевшей, попечитель невесты до ее похищения).

Моя мечта была жить своей жизнью, что я буду учиться, получу профессию... (Четырнадцатилетняя невеста, город в Чуйской области).

У себя в голове я должна была работать и сдавать экзамены в университет. Я очень хотела, старалась, чтобы учиться в университете. (Похищенная невеста, село в Ошской области).

Еще одна цитата респондентки, которая вышла замуж очень молодой, полна горечи и сожаления:

Даже если молодая девушка сама хочет выйти замуж и все поддерживают это, я буду против. Даже сейчас иногда, когда мальчики звонят моей младшей сестренке по телефону или пишут ей сообщения через ватсап, я сразу ругаю ее, я говорю своей сестренке, «ты что, хочешь свою голову уже в турмуш [буквально переводится как «замуж» с кыргызского языка]?! Я говорю своей сестренке, «посмотри на слово "турмуш", оно означает "тур" и "муш" (на кыргызском языке «тур» означает «встать» и «муш» означает «кулак»), что вместе означает, что, если ты

встанешь, кулак будет бить тебя. Другими словами, это означает, что если вступишь в брак, то брак будет бить тебя кулаком. (Невеста, город Баткен)

Конечно, это не означает, брак не был частью планов на будущее у этих девушек. Скорее всего, они представляли брак как самый счастливый момент в их жизни. Но они не хотели, выходить замуж таким образом, который они описывают как контрастирующий с понятием «нормальное замужество». «Я хотела выйти замуж по нормальному», «Я никогда не думала, что это случится со мной, я была уверена, что в моей жизни все будет происходить нормально», «Я хотела, чтобы все было нормально, чтобы у меня была нормальная свадьба» – такие высказывания неоднократно повторялись во многих интервью с невестами.

Ала качуу ворвалось в их жизни неожиданным, жестоким и унижительным образом и изменило их жизни навсегда. Вот как одна женщина эмоционально описала ала качуу:

Парни приехали и вытащили меня из дома и за-тащили меня в машину. Почти из постели вы-тащили. Была зима, и они вытащили меня на улицу, я даже обувь не успела обуть, на одной ноге носок был только... Их было пятеро парней, и они схватили меня и затолкали в машину. У меня был парень в то время, и я хотела за него замуж... чтобы выйти за него замуж [здесь респондентка расплакалась]. Когда они заставляли меня сесть за занавеску, им пришлось тащить меня туда. Я спряталась в углу и хотела убежать, я голову закрывала руками и умоляла их не надевать на меня платок, я просила их отпустить меня и дать мне учиться. Но они мне угрожали проклятием. (Похищенная невеста, село в Таласской области).

⁴ Все имена респондентов в данном отчете изменены по этическим соображениям.

Ала качуу – это серьезная психологическая травма. На эмоциональном уровне девушки чувствуют себя обманутыми и преданными, они находятся в состоянии шока, испытывают онемение, тревогу, страх, чувство вины, депрессию, гнев, чувство беспомощности, безнадежности и безграничной скорби. На когнитивном уровне их сознание спутано, память нарушена, концентрация

внимания снижена, для них характерно отрицание происходящего и навязчивые мысли (мысли о деструктивных и агрессивных действиях, в том числе направленных против себя).

С точки зрения поведения мысли об уходе из жизни были настолько же распространены, как и состояние на грани.

Кейс стади #1:

[Жещина, пережившая ала качуу: История насилия и последующего развода]

Нориде двадцать девять лет. У нее высшее образование в области финансового учета. Она воспитывает троих детей, которым на момент интервью было семь, четыре и один год. В 2007 году, когда Нориде только начала обучаться на втором курсе университета, она была похищена мужчиной, которого она не знала и видела только однажды. Несмотря на то что прошло более восьми лет, она могла вспомнить все подробности того дня:

19 сентября был день рождения моего отца, и я ушла с работы пораньше, чтобы подготовиться. Я спешила и увидела, что он на улице меня ждет. Он сказал мне, что моя тетя послала его, чтобы мне помочь. Я села в машину без раздумья. Я была такая молодая ... Когда я поняла, что происходит, я сказала ему, что я не выйду замуж за такого, как он. При этих словах он повернул машину в сторону своего села. В машине был еще один его друг и водитель. Я была одна, я плакала, я плакала всю дорогу, я звала свою маму, «Мама!.. Мама!..» и плакала. Я думала, что мне надо перестать плакать и не тратить силы, потому что я была уверена, я не останусь. Я была уверена, что я вернусь домой и не останусь там. Его друзья были очень грубыми, они заставляли меня сидеть тихо, кричали на меня: «Ты никуда не денешься! Сиди тихо!». Они крепко держали меня, а потом вытащили меня из машины и потащили в дом. Его родители и одна джене уже ждали, они завели меня в дом, и я сказала им, что я не хочу оставаться и что они должны отпустить меня. Я никак не надевала платок. Они поехали сказать моим родителям и вернулись на следующий день с моей джене и сказали мне, что мои родители согласились ... Тогда, я разрешила им надеть платок от отчаяния. Позже я узнала, что мои родители, по сути, не давали свое разрешение ... Они пришли к моим

родителям в два часа ночи. Мой отец не пошел им навстречу, пока они не легли на пол на улице. Только в шесть часов утра он вышел к ним, и они посчитали это его согласием. Они послали мою джене, и только после этого я надела платок.

Я не хотела его видеть. Даже после того как мне сказали, что мои родители согласились, я не могла поверить, что я действительно должна выйти за него замуж и жить с ним. Я была так расстроена. Потом нике сделали, и я должна была пойти с ним в постель. Я боялась. Он был на восемь лет старше, и я так злилась на него. В первую ночь он все сделал силой, как если бы он хотел сказать: «все, ты теперь будешь спать со мной». Он держал меня очень крепко и когда все сделал, я потеряла сознание. Джене забежали в комнату, дали мне горячий чай с малиновым вареньем и вымыли мне лицо. После этого я не могла терпеть, чтобы он лежал рядом. Около двадцати дней после этого я не позволяла ему прикоснуться ко мне. Потому что он был настолько грубым в первую ночь, я боялась постели с ним. Когда мы переехали в город, он снова и снова насиловал меня.

Потом я узнала, что за два дня до того, как он меня украл, он украл другую девушку, но она не осталась, и ему было стыдно и нужно было привезти другую любым способом и поскорее, потому что все было готово к празднику и дома ремонт он сделал... Я об этом узнала через три месяца, когда уже беременная была. Он начал поднимать руку на меня через два месяца после женитьбы; он обвинил меня в том, я не сплю с ним «нормально». Он пил, не следил за внешностью, целыми днями дома лежал. Мне надо было родителям сразу рассказать. Я им ничего не говорила, скрывала, но после того, как он начал бить меня каждый день, после того,

как наш сын родился, я сказала родителям, и они меня домой забрали. Я думала, что все, но мои свекры приходили к нам домой каждый день, чтобы нас помирить, и я решила попробовать еще раз. Это не сработало, и через полтора года мы снова развелись. Но к этому времени у меня уже было трое детей ...

В конечном счете, Нориде удалось получить диплом университета, и она смогла сбежать от

насилия в семье. Сейчас она с детьми живет со своими родителями и семьей младшего брата. Она горько жалеет о том, что потеряла драгоценное время: «У меня не было планов выходить замуж. Я собиралась получить диплом, меня продвинули на работе, у меня было столько планов ... Я сейчас действительно позади». Тем не менее, она планирует вернуться на работу, как только ее младший ребенок немного повзрослеет.

2.2

СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ НЕПРИКРЫТОЕ И СКРЫТОЕ

Культ девственности поразительно очевиден во всех изученных случаях. Доказательство девственности должно было быть продемонстрировано в большинстве случаев и в некоторых случаях принимало крайние формы. Связанные с этим тяжелые случаи сексуального насилия не могут быть пропущены здесь. Описанная ранее история Нориды является одной из таких историй. В другой истории в Ошской области одна из похищенных женщин в первую брачную подверглась сексуальному истязанию до потери сознания. Впоследствии ее привезли в больницу, где она оказалась на хирургическом столе с множественными и глубокими вагинальными разрывами. Родственники жениха пытались объяснить это сексуальное насилие желанием произвести максимально много девственной крови, чтобы было «не стыдно показать людям».

Наше исследование показывает, что в случаях принудительного ала качуу сексуальное взаимодействие, которое происходит во время первой (а также последующих) ночи, не может быть классифицировано как основанное на взаимном согласии, а должно классифицироваться как изнасилование. Отношения власти в этой ситуации неравны, и отказ от сексуальных отношений не является возможным для женщин. Завершенный обряд нике, одобрение родителей, общественные ожидания и т.д. используются в качестве легитимных факторов, в этой ситуации происходит злоупотребление женской уязвимостью с целью заставить их заниматься сексом со своими похитителями. Система ала качуу использует в своих интересах состояние женщин, которые дезориентированы, часто в состоянии острого стресса и шока. Их воля и независимость являются хрупкими, сила для сопротивления подрывается, а способность к принятию решений снижена. Эмоциональное и психологическое

истощение, массовое социальное давление ухудшает их способность к сопротивлению и здравому смыслу. В этих условиях их согласие должно рассматриваться как полученное принудительным путем. Тот факт, что это происходит с согласия родителей девочек, сопровождается высоким уровнем ожидаемого и одобренного вмешательства, а также требованием представить (в достаточном количестве) девственную кровь, которую необходимо правильно собрать, делает это изнасилование особенно жестоким. Это организованное, групповое изнасилование, которое осуществляется коллективно, где одни оказывают психологическое давление, другой эмоционально истощает женщину, третья ведет ее в спальню, жених делает свою часть акта и т.д.

Исследование ЮНФПА и НСК (2016) показало, что более половины всех опрошенных считают, что похищенные женщины, которых принудили к

сексуальным отношениям с похитителями, должны сообщать об изнасиловании органам правопорядка. Тем не менее, только 30% из этих респондентов выразили готовность на самом деле принять своих родственниц в такой ситуации. К сожалению,

значительный процент, 25% женщин и почти 30% мужчин, считают, что жертвы похищений должны выходить замуж за своих насильников. Этот ответ в два раза чаще распространен среди сельского населения, чем городского.

Сверху вниз:

Респондент GSPS, она была похищена в 20 лет, играет со своим младшим ребенком, который родился после того, как она развелась с похитителем, ее мужем. © ООН-женщины/ Эльер Нематов

Теперь она и ее дети живут в доме своих родителей в городе Ош. © ООН-женщины/ Эльер Нематов

1. Сопротивление: тщетные попытки

Национальное обследование, проведенное в ЮНФПА и НСК (2016), предоставило интересные данные об общественном мнении относительно девушек, подвергшихся похищению. Почти каждый пятый респондент считает, что похищенная девушка должна выйти замуж за похитителя. Причинами такого мнения респонденты считают общественное осуждение (39%), естественное подчинение женщин воле мужчин (34% мужчин и 25% женщин), а также возможные трудности для дальнейшего замужества (24%).

Похищенные женщины в неволе активно сопротивляются своему положению, как только они понимают, что происходит. Они кричат, просят, дерутся и угрожают. Мы приводим ниже один пример того, каким образом девушки оказывают сопротивление:

В тот день я пошла на работу, как обычно. Мама болела, и я пошла на базар на работу. Днем он пригласил меня в кафе, но я отказалась. Я поняла, что они пытаются меня украсть, и я стала убежать. Я села в маршрутку и поехала домой, а они ехали за мной на машине. Как только я вышла, они меня украли. Мой дом – четвертый от дороги, и они похитили меня на дороге. Мне было страшно. В маршрутке я позвонила отцу. Он долго не отвечал на телефон. Я жила с братом в то время, и я позвонила ему. Он вышел на улицу, чтобы меня встретить. Он вышел на улицу и побежал ко мне, но у меня не было времени, чтобы добежать до него... Двое схватили меня и засунули в машину. Я ненавидела их, я била их руками и ногами била двери машины. (Невеста, село, Джалал-Абадская область)

Вышеприведенная цитата описывает поведение человека, который не может быть более понятен в демонстрации своего нежелания выходить замуж. Тем не менее, большая часть этих усилий не приносит результата, потому что любое сопротивление в рамках ала качуу воспринимается как часть ритуала, как "женские штучки". Существуют различные дискурсивные инструменты, которые используются для того, чтобы интерпретировать сопротивление девушек именно так. Поговорки, такие как «кыз кылыгы менен кетем дейт» ("девушки всегда говорят, что они уйдут [но не уходят]") является одной из таких. Есть еще и другие:

Она все говорила, что не выйдет из машины. Вы знаете, эти женские штучки. Если она не ведет

себя так, так это, это даже не интересно. (Жених, село в Джалал-Абадской области)

Даже если девушке парень нравится, она все равно будет говорить: "Нет". Все девушки делают так, чтобы парни их уговаривали. (Жених, Баткенская область)

Когда ее привезли домой, она начала плакать и плакать. Ну, вы знаете, все девочки так делают. (Жених, город Ош)

Таким образом, сопротивление и противостояние женщин воспринимается как выражение их согласия. Спокойное и невозмутимое поведение, с другой стороны, может вызвать подозрения в возможной «испорченности» девушки. Когда сопротивление и даже открытая борьба воспринимается как «часть перформанса», такую ситуацию практически невозможно изменить.

Девушке крайне сложно убежать из дома семьи похитителя, не будучи серьезно наказанной или пристыженной за это. Мощные механизмы психологического давления эффективно используются в процессе. Стереотип стыда является одним из них, а выражение "уят болот" является универсальной стратегией.

Мы сказали ей: «ты будешь жить здесь. Если уйдешь, это будет уят. Это будет позор для тебя, ты перешагнула наш порог, если ты уйдешь, твоя репутация будет разрушена навсегда, люди начнут говорить о тебе». (Мать жениха, Чуйская область)

Страх, что, отказавшись выходить замуж за своего похитителя, девушка может вообще больше не выйти замуж, имеет сильный эффект. Тем более, если по возрасту девушка считается «старой». Как рассказывала нам одна девушка, «они сказали мне, что мне уже пора выходить замуж, что мне уже девятнадцать. Если бы мне было восемнадцать лет, то я была бы еще молодой...» (Невеста, деревня в Ошской области). Аргумент, что «все женщины проходят через это и живут хорошей жизнью» также часто используется.

Давление также оказывается с помощью чувства жалости и сопереживания, которые намеренно вызывают у похищенных девочек. Как рассказала одна из них, «кайнене начала плакать, она болела, и я осталась». Неизбежность – это еще один сильный аргумент, который, при совместном использовании с громким прославлением семьи

жениха, взывают к рациональному мышлению девушек: «...ты все равно окажешься в таком же доме. Подумай, это хорошая семья, родители – хорошие люди, и мальчик действительно хороший!» (Свекровь, г. Ош). Чувство вины также является очень мощным инструментом для манипуляции. Объясняя, как случилось так, что они согласились остаться и выйди замуж за своего похитителя, респондентки вспоминали, как им говорили: «посмотри, все готово, праздник идет полным ходом, мы все пришли, чтобы встретиться с тобой, как с дочерью, столы ломаются...» (Невеста описывает, как ее убедили остаться, село в Чуйской области) или, «если уйдешь, опозоришь всю нашу семью, люди начнут говорить о нас, ты опозоришь своих родителей. У тебя есть младшие сестры, подумай о них» (Невеста, село в Нарынской области). После того как девочек принуждают остаться, жених интерпретирует это как доказательство того, что он невеста его «полюбила».

Несомненно, в этих условиях последствия ухода из дома жениха велики для самой девушки и для ее семьи, но и цена ее послушанию тоже велика. Домашнее насилие было повторяющейся темой в большом количестве интервью. Наши данные также показывают наличие свободного от насилия браков на основе ала качуу. Мать невесты рассказывает об опыте насилия своей дочери, которой в то время было четырнадцать лет и проживала она в доме родителей своего мужа:

Она сказала мне, что он только один раз поднял руку на нее. Он ударил ее по лицу в присутствии его родственников. Это был единственный случай. Она очень обиделась и убежала. Но она легко успокаивается. Она просто улыбалась. Он не извинился, и она сама успокоилась (Бишкек).

В другом случае молодая девушка совершила самоубийство после того, как была похищена. Директор школы в Иссык-Кульской области пересказывает:

Она была моей ученицей. Она очень хорошо училась, получила золотую медаль. Она до сих пор перед глазами стоит. Она убила себя. Ее похитили, и она не смогла жить с этим. Мы никогда не думали, что она это сделает. Что-то там было для нее очень тяжелое. Она была хорошей спортсменкой, отличницей была. Но ее заставили выйти замуж (село в Иссык-Кульской области).

Для многих женщин, которых мы опросили, развод не был решением для неудачного брака. Это может быть связано со стигмой, связанной с разводом. Исследование ЮНФПА и НСК (2016) обнаружило, что 70% сельского и 50% городского населения считают, что развод является позором как для женщин, так и для мужчин (62% сельского и 43% городского населения).

2. Факторы, способствующие и препятствующие побегу

Существуют факторы, которые значительно снижают возможности женщин оказывать сопротивление. К таким факторам относятся бедность и аналогичное уязвимое положение. В исследовании ЮНФПА и НСК (2016) было обнаружено, что женщины из беднейших домохозяйств, а также с низким уровнем образования более подвержены похищению. В нашем исследовании мы узнали, что девушкам из уязвимых семей еще сложнее принять решение уйти из дома похитителя, так как они беспокоятся, что такое решение еще более усугубит уже подорванную репутацию их семьи. Они не хотят навредить своей семье и заставлять их чувствовать стыд. Они особенно готовы принять решение остаться, если у них есть младшие сестренки и родственницы, репутация которых также может пострадать из-за поведения их старшей сестры. Для примера мы приводим отрывок из интервью с похищенной девушкой, которая посчитала необходимым смириться с ситуацией и выйти замуж за похитителя: «Я должна была остаться. Мой отец пьет. Люди о нас судачат. Если бы я вернулась домой, они бы про нас еще больше говорили, про нашу семью. А у меня ведь есть еще и младшие сестренки... (село, Джалал-Абадская область).

Ала качуу имеет поколенческую тенденцию. «У меня четыре сына и одна дочь. Все келин были похищены, и дочь моя тоже была похищена», – говорит одна из респонденток. Мать другой жертвы ала качуу также приводит впечатляющие цифры:

У меня семь дочерей. Я их всех выдала замуж. Все они были похищены. Все они живут хорошей жизнью в настоящее время. Сразу после окончания школы их похитили. У меня есть один сын; мы его еще не женили. Это наша традиция, мы говорим ему: похищай девушку, но он не хочет. (Деревня в Баткене)

В таких семьях девочки склонны к интернализации ала качуу как нормы, они склонны не видеть для себя альтернатив.

Говоря о (исключительных) случаях побега, мы увидели заметную разницу между девушками с точки зрения их уязвимости. Ниже приводится выдержка из интервью, которая поясняет, что мы имеем в виду

Я не боюсь, что меня украдут. Когда мою старшую сестру украли, она не кричала, она не плакала, она села в машину, спокойно там сидела и делала все, что ее просили. Она просто ждала, пока наша мама не придет и не заберет ее домой. Она знала, что она не останется в этом доме и что наша мама поможет ей, несмотря ни на что. Мы знаем, что наша мама придет и заберет нас домой, она всегда говорила нам не переживать, если это произойдет, оставаться спокойными и просто позвонить ей. Вот она приехала, и забрала мою сестру домой (сестра девушки, которая не осталась в доме похитителя, г. Ош). Ошская область)

В данном случае мы наблюдаем как родители (мама) помогла молодой девушке (и ее младшей сестре) избежать печальных последствий ала качуу путем предварительного обсуждения такой возможности и предварительной договоренности о том, как себя вести, чтобы обезопасить себя. Девушка знала и была уверена в том, что родители на ее стороне и что, рано или поздно, спасут ее. Ни в одном другом интервью мы не услышали о подобном опыте открытого обсуждения между родителями и дочерьми о том, как вести себя в случае похищения. Родители часто ставят такое упущение себе в вину, как, например, в отрывке из интервью ниже:

У нас, у кыргызов, большинство девочек не разговаривают со своими родителями. Особенно с матерями они открыто не разговаривают. В кыргызском менталитете девочки не могут открыто поговорить со своими матерями, открыто говорить о проблемах. Мы только их спрашиваем, ходила ли в школу, поела ли и так далее... (Мать невесты, город в Чуйской области)

И это несмотря на то, что в наших данных есть информация о том, что родители часто предупреждают своих дочерей и просят их быть осторожными, чтобы их не похитили. Но такое предупреждение не является достаточным, поскольку не подкрепляется конкретной

инструкцией, каким образом можно избежать вынужденного замужества после похищения. Таким образом, ответственность перекладывается на дочерей, которым не прививается чувство уверенности в том, что их родители вмешаются и поддержат их в таких случаях. Кроме того, родители девочек часто воспринимают ала качуу как что-то, что происходит с другими людьми, но только не с ними. Похищение собственных дочерей застает их врасплох.

В то же время реакция родителей девушки болезненна, им психологически очень тяжело, они испытывают эмоциональную травму и стресс. Страх необходимости вмешательства порождает такие вопросы, как «что, если она не выйдет замуж вообще, и мы потеряем единственный шанс?», «что скажут люди?», и т.д. Один наш респондент, отец троих детей, объяснил это следующим народным высказыванием «кыз сактагыча туз сакта дейт» (село, Баткенская область), что буквально переводится как «чем дочь хранить дома, лучше соль», и выражает мнение, что следует выдавать всех дочерей замуж вовремя.

В случае если мать решает вмешаться и спасти свою дочь, она должна быть готова к обвинениям в своем плохом воспитании:

Когда ее [нашу дочь] украли, нам было так плохо, так плохо! Ее отец аж подпрыгнул на стуле. Мы все стали плакать, у нас голова разболелась. Потом, у нас же выбора не было, и мы привыкли к этому. Ты же не можешь ее просто забрать! Все, что тебе остается – это пожелать ей счастья. Девушка может быть счастлива только в одном месте, если бы я ее забрала, никто бы на ней не женился больше. Никто на таких не женится... Вот так мы сидели и плакали. Наша дочка была такая молодая, она бы пошла в одиннадцатый класс, играла бы, гуляла бы с подружками. Мы бы ее послали учиться. Но после такого ты ничего не можешь. (Село, Баткенская область)

Стоит отметить, что эта цитата принадлежит женщине, у которой семь дочерей, каждая из которых была похищена для вступления в брак. Несмотря на это, каждый случай похищения они переносили очень болезненно.

Матерей часто обвиняют в том, что они не смогли предотвратить, что они «не досмотрели», позволили случиться так, что их дочерей похитили. Они чувствуют ответственность за

неприкосновенность своих дочерей. Как сказала одна женщина, «мы должны делать все, чтобы наших дочерей не похитили, мы должны охранять и защищать их» (г. Баткен). Учитывая такое приписывание вины, уровень домашнего насилия, словесного и физического, от разочарованных отцов, является частым явлением. Как рассказала нам мать одной невесты, «отец орал на меня «Ты с ума сошла?!», ребенку учиться надо! Ты что делаешь вообще?» (Мать невесты, город в Чуйской области). Мать другой невесты из села в Баткенской области пожаловались, что ее муж избил ее, когда он узнал, что их дочь была похищена. Он обвинил ее в этом.

Действительно, отцам похищенных девочек остается немного пространства для действий. У себя дома они не скрывают свою боль. Со слов их жен, мы знаем, насколько тяжело они переживают такое событие. Как рассказывает одна респондентка о своем муже, когда тот услышал, что его дочь похитили, «да, ооо, как он кричал! Он кричал, орал, ругался. Он долго не соглашался, он хотел, чтобы они вернули ее. Я еле смогла уговорить его оставить ее там» (Село в Баткенской области). Мы зафиксировали еще один трагичный случай. По словам родственницы невесты,

Жаркын была одной из пятерых детей в бедной семье из далекого села в Узбекистане, недалеко от села в Джалал-Абадской области, где она выросла у бабушки. Ее родители считали ее самой талантливой и способной и сделали все возможное, чтобы она могла жить в лучшем, чем они. Они планировали, что она получит высшее образование и будет помогать им, когда они состарятся. Однако Жаркын была украдена, когда навещала своего дядю в Бишкеке, в семнадцать лет. Она никогда не училась в университете. Когда произошло похищение и ее родители узнали об этом, они бросились в Бишкек из Узбекистана, но «было слишком поздно», ниже уже было сделано. Ее отец, бедный пожилой человек, проплакал все то время, пока он был там, оплакивая будущие перспективы своей дочери, а также свои рухнувшие планы.

Отцы часто были против того, чтобы оставлять своих дочерей в доме похитителя, особенно в тот момент, когда они узнавали о произошедшем. Действительно, отцы похищенных девушек, несмотря на громкое выражение гнева и протеста у себя дома, ведут себя значительно скромнее на людях. Прямое вмешательство в ала качуу требует от них значительного мужества, силы воли и

умения твердо стоять на своем. Ему нужны хорошо развитые коммуникативные навыки, а также, желательно, авторитет и поддержка общества. Это является чрезвычайно трудным заданием.

Интересную историю рассказали в селе в Баткенской области, где дочь главы суда аксакалов была похищена три раза. Он использовал свой авторитет, чтобы спасти ее от двух умыканий, но когда она была похищена в третий раз, он решил принять ситуацию как есть. Вот как он объяснил свое решение:

Они [различные парни] все время похищали ее, и каждый раз я забирал ее домой. Потом опять она в школу пойдет, и снова ее крадут. В последний раз, когда она ее украли, и я забирал ее домой, я сказал ей: «Если бы тебе не нужно было учиться, нас бы оставили в покое». Они не дали ей учиться, то один, то другой, они украли бы ее. Последний раз мое терпение лопнуло, я отдал ее замуж. Я сказал дочке: «дочка, что нам делать? Что ты скажешь? Я уже устал от всего этого... Я лучше отдам тебя замуж и освобожусь от этого».

Этот мужчина оставил свою дочь в семье жениха, несмотря на мольбы дочери забрать ее домой и пойти учиться в университет. Нас этот случай впечатлил, потому что в нем ярко чувствуется «усталость» отца девушки, вызванная необходимостью спасти дочь из рук похитителей. Эмоциональная работа, которая требовалась от него, включала в себя чувство стыда и вины, а также сложные переговоры с родственниками семьи жениха и подрывание своей должности главного аксакала в селе, функция которого – сохранять традиции и способствовать созданию семей. Мы услышали в его словах неизбежность и безнадежность, когда он говорил «если не этот [похититель], так другой». В его понимании, пока его дочь не выйдет замуж, ее будет постоянно преследовать риск похищения, и он принял решение минимизировать этот риск, выдав ее замуж.

Данные ЮНФПА и НСК [2016] показывают, что только треть всех респондентов готовы принять похищенную родственницу и подать жалобу в милицию от ее имени. 27% респондентов сообщили, что они приняли бы меры, чтобы привести девушку домой. Самая высокая доля лиц, готовых спасти жертв похищения, проживает в Бишкеке (47% женщин и 43% мужчин), в г. Ош (45% и 46%), в Чуйской области (46% и 42%) и в Таласской области (43% и 36%). Тем не менее, в

целом по республике, 24% женщин и 28% мужчин не стали бы ничего предпринимать, в случае, если родственница подверглась умыканию и позволили бы женщине самой принимать решение. Регионально, в Нарынской области, такой ответ был получен от 41% женщин и 47% мужчин. Самый низкий процент респондентов, которые выбрали этот вариант ответа, был в Баткенской области (27% и 28%). Было также установлено, что чем ниже уровень образования и экономический статус

респондентов, тем больше вероятности, что они не предпримут никаких действий, чтобы забрать жертву ала качуу домой. Значительный процент респондентов считают, что невеста, украденная по несогласию, должна выйти замуж за похитителя. Такое мнение особенно распространено в Баткенской области (около 30%), в Иссык-Кульской области (почти 30%) и среди мужчин, проживающих в Бишкеке (30%).

2.3 ПОХИТИТЕЛЬ

В этом разделе отчета мы обсуждаем ала качуу с точки зрения жениха, его опыт, личные ощущения, поведение, субъективную оценку ситуации, ожидания и т.д. Основная часть этого раздела основана на личных историях мужчин, которые оказались в роли похитителя невесты. В ходе исследования ЮНФПА и НСК (2016) было выявлено очень разное отношение населения к похищению невест. Данные указывают на то, что подавляющее большинство респондентов негативно относятся к акту умыкания невест (81% женщин и 78% мужчин). 11% женщин и 14% мужчин выразили нейтральное мнение по отношению к ала качуу и только пять этих респондентов были в возрасте 21-30 лет и проживали в селах Ошской, Джалал-Абадской и Иссык-Кульской областей.

От 60% до 92% женщин по всей стране негативно относятся похитителям, за исключением Ошской области, где только 43% женщин отметили свое отрицательное отношение к похитителям невест. Для мужчин негативное отношение к личности похитителей было менее характерно (от двадцати семидесяти и до 73%, в зависимости от конкретной области), за исключением Таласской области, где более 90% мужчин видят похитителей в негативном свете. Более 25% всех опрошенных женщин и более 30% всех опрошенных мужчин заняли нейтральную позицию в этом отношении. Тем не менее, 12% женщин и 18% мужчин по стране относятся к похитителям невест позитивно. Причинами, по которым мужчины прибегают к похищению невест, как указали респонденты, являются страх конкуренции (30%), страх быть отвергнутым женщиной, которая им понравилась (24%), похититель был слишком застенчив, чтобы познакомиться с женщиной, которая ему понравилась (21%), мужчина не смог себе позволить заплатить выкуп за невесту (18%), родители мужчины настаивали на похищении невесты (19%) (ЮНФПА & НСК, 2016).

Наше исследование подтверждает, а также дополняет выводы опроса ЮНФПА и НСК (2016)

более подробным описанием опыта женихов с их собственных слов. Начнем с одного информатора, который говорит о своем акте похищения невест. Данное событие состоялось почти десять лет назад, но его последствия определенно присутствовали во время интервью:

Мне пришлось похитить ее. Я не оправдываю себя. Я пытался пообщаться с ней [до брака], но у нее не было интереса. Она всегда торопилась уехать в Бишкек или в Талас. Один раз я пришел ее проводить на остановку с цветами, но она все так устроила, что я опоздал, и она уже уехала. Ну, я попросил отца и родственников пойти к ней домой, чтобы поговорить с ее родителями и устроить свадьбу. Я купил всю еду и одежду для нее, спросил у родственников, что надо купить, и все приготовил сам. Но когда моя семья пришла к ней домой, ее родственники отказали нам, потому что она не планировала выходить замуж и хотела учиться. Мой друг сказал мне, что жизнь – это не игра, и если я уже начал что-то, то я должен закончить это. Я действительно решил серьезно жениться и решил похитить ее. Двое из моих друзей схватил ее и потащили в машину. Я же пытался поговорить с ней, но она игнорировала меня, я не видел для себя другой жены, кроме нее.

Я похитил ее и привез ее домой. Когда мой отец пришел, он начал ругать нас во дворе, мои друзья испугались и убежали, я спрятался в багажнике машины. Он сказал, что я был гнилой овцой и не был достоин семьи. Он сказал, что я унизил его. Но я сказал ему, что я буду бороться за нее и не отдам ее, и что она будет счастлива со мной. Мой отец не разговаривал со мной, пришли родственники ее и драка была. В конце концов, она осталась в моем доме. (Село в Таласе)

Здесь ала качуу еще и ответная реакция на безответную любовь, которая не только культурно одобряемое, но и даже социально ожидаемое действие.

В других наших исследованных случаях страх, что девушка ответит отказом – это сильный мотивирующий фактор, где ала качуу воспринимается как стратегия, которая помогает снизить этот риск до минимума. Это происходит тогда, когда потенциальная невеста считается более «престижной», чем жених, то есть, если ее семья более финансово обеспечена, в более высоком социальном положении и так далее. В таких случаях высока вероятность того, что она «даже не взглянет на него» (отец жениха, село в Джалал-Абаде), если ей дать возможность выбора.

Тем не менее, вышеприведенный случай отличается от всех других, поскольку все в большей степени было решено и организовано одним человеком. Однако данный случай является больше исключением в нашем исследовании, чем обобщающим правилом. Значительное количество эмпирических примеров в нашем исследовании показывает, что роли женихов ограничены, а сами женихи ведомы в своих действиях разными участниками процесса.

Идея о необходимости похитить невесту и подготовка к похищению обычно принадлежит членами семьи жениха, в основном, матерям женихов или их джене. На молодых людей оказывается давление жениться без особых требований к усилиям с его стороны. Ухудшающееся здоровье родителей мужчины является одним из часто приводимых оправданий. Болеющие родители или другие значимые члены семьи могут выразить желание принять участие и увидеть женитьбу своих сыновей или внуков и иметь возможность увидеть своих внуков или правнуков. Мы приводим рассказ старшей сестры мужчины, который женился путем ала качуу:

Он самый младший у нас. Ему было года двадцать два, я не помню точно. Все его друзья уже женились. Наша мама стала болеть, и она хотела увидеть, что ее сын женился. Мы сказали ей: «Мама, он еще молодой, давайте подождем, пока ему исполнится 28, пусть женится после 25». Она сказала: «Нет, я хочу внуков», и она не оставляла его в покое. Вот, мы начали искать девушку, нашли одну здесь в Джалал-Абаде, сестра моей мамы (тай эже) оттуда. Мы спрашивали вокруг, и нашли вот эту келин, и он женился на ней». (Город в Баткене).

Молодой человек из другой семьи рассказывает свою собственную историю:

Я женился очень рано. Мои родители хотели, чтобы я женился, потому что я был старшим сыном в семье. Мои родители не сказали мне, на ком я должен жениться. Мои родители сказали мне, что, если у меня есть девушка, я должен поговорить с ней о женитьбе. Я год назад окончил школу и стеснялся сказать родителям, что у меня не было девушки. Ну, я поехал в соседнюю деревню, выбрал девушку, она мне на внешность понравилась, и похитил ее. Сейчас мы живем счастливо. (Жених, деревня в Ошской области)

Особенно сильное давление оказывается на старших сыновей. Дополнительная привлекательность ала качуу для женихов состоит еще и в том, что позволяет отвлечь внимание от того факта, что молодой человек еще не нашел себе девушку. Фактор времени особенно актуален в семьях, где взрослые сыновья являются трудовыми мигрантами. Вот как один имам описывает события в его айыл окмоту:

Это не будет ложью, чтобы сказать, что от пятидесяти до шестидесяти процентов кыргызов в нашем селе женятся таким образом. Зачем? Это легкая традиция. Можно жениться очень быстро. Например, они возвращаются из России, им необходимо очень быстро жениться и вернуться обратно. Мы считаем, таким образом можно быстро жениться, и многие люди делают это. (Джалал-Абадская область).

Необходимость дополнительной рабочей силы для выполнения домашнего труда является еще одним фактором, толкающим людей на ала качуу. Брак в таких случаях сводится к акту привлечения дешевой рабочей силы для домашнего хозяйства семьи жениха. Один жених объясняет, как все произошло у него: «К этому времени мне нужна

была келин в доме. Дома, вы знаете, я видел, что маме труднее становилось по дому, и я сказал, «мама, давайте я вам келин привезу», и я сделал это» (г. Ош). Необходимо обратить внимание на то, что свою жену он называет не «моя жена», а «келин», как будто кто-то (или что-то), приобретенное специально для его матери.

Традиционно, считается, что все девушки и парни «должны выйти замуж/жениться». Любопытный неженатый мужчина испытывает различные виды давления, чтобы жениться. Например, вот как рассказывает один мужчина:

Когда я женился, я был последним, самым поздним. Мои друзья не оставляли меня в покое, «давай, давай, ты единственный, кто остался. Давай, мы тебе найдем кого-нибудь, приведем ее сюда». Когда я приходил домой, родители тоже говорили мне: «женись скорее». (Жених, деревня в Баткенской области)

Похищение невесты, таким образом, это не только ускоренный брак, но и своего рода «обряд перехода» от отрочества к зрелости или ритуал «посвящения», где мужчина доказывает свою зрелость и готовность к браку путем похищения девушки себе в дом. Это выражение гендерно-дифференцированной роли и мужественности. Мужчина из Чуйской области рассказал нам, как все в его семье предполагали, что у него была невеста, и он должен был доказать своему отцу, что он настоящий мужчина, и он «быстро похитил кого-то с улицы».

Как ни странно, даже в таких ситуациях жених не может действовать в одиночку. Ему необходима разнообразная помощь. Ранее приведенные цитаты уже показали, как джене добровольно берут на себя ответственность за выбор невесты, планирование похищения и так далее. Действительно, часто определение кандидатуры невесты не всегда осуществляется самими мужчинами. Этот процесс может быть хорошо спланирован или не запланирован вообще, как в случае, описанном ниже, где мужчина рассказывает историю своего брака:

У меня есть сестра, она увидела ее [его невесту], и она ей понравилась. Вот почему я женился на ней. Потому что моя сестра сказала, что это была хорошая девушка, поэтому я женился. У меня есть сосед, и моя сестра знала его, однажды она увидела, как она [его невеста] пришла навестить своего брата. Так я на ней женился, украв ее. (Село в Чуйской области)

В этом конкретном случае сестра респондента обманным путем заманила девушку в машину и привезла в дом подруги матери невесты, где и была организована свадьба. Все это произошло очень спонтанно. С того момента, когда сестра жениха увидела девушку, которая стояла на остановке и ждала автобус, до женитьбы ее брата прошло не более двух дней. В этой истории мы ясно видим, что ала качуу – это коллективное действие, где, в отличие от первого интервью в этом разделе, даже выбор невесты и планирование ее похищения было выполнено его семьей.

Интервью с этим женихом было одним из самых трудных, так как респондент был очень скрытен. Такая черта была характерна многим женихам, которых мы интервьюировали. На самом деле, робость и слабо развитые социальные навыки среди этих молодых (и не очень молодых) мужчин часто отмечались их матерями как недостаток. Эти женщины даже использовали данные аргументы в качестве объяснения, чтобы оправдать ала качуу. Для робких, застенчивых мужчин без предыдущего опыта с женщинами это казалось единственным способом женитьбы. Слова одной респондентки подтверждают это: «мой сын был очень застенчив, и он не смог бы жениться любым другим способом. Мой старший сын – другой; он пошел и женился обычным способом. Но этот сын должен был похитить ее» (Село в Иссык-Кульской области).

Еще одно интервью с более взрослым женихом оказалось очень тонким и навело нас на еще один фактор, способствующий ала качуу. Помимо личных проблем и недостающих навыков общения, в условиях сельского уклада жизни возможности для «нормального» ухаживания ограничены, они практически сведены к нулю. Вот как объясняет это один из респондентов:

Здесь, в селе, нельзя просто «встречаться» с девушкой. У нас нет кинотеатров, у нас нет парков. Куда мне пригласить девушку, которая мне нравится? Если мы будем гулять вместе и люди увидят нас, о ней будут плохо говорить. Люди начнут говорить о ней, они будут думать, что она испорченная. (Село в Баткенской области)

Согласно местным убеждениям, публичная демонстрация привязанности не является приемлемым поведением. Открытое общение с девушками и признание в своих чувствах обычно не практикуется. При таких обстоятельствах ала качуу функционирует как выражение

привязанности. Ниже приводится выдержка из интервью, где жених демонстрирует, как симпатия к девушке тесно связана с практикой ала качуу:

Интервьюер: Вы знали ее?

Респондент: Я видел ее один раз.

Интервьюер: На улице?

Респондент: На свадьбе.

Интервьюер: Вы ее полюбили?

Респондент: Уху... а потом я ее похитил (город Ош).

В обоих предыдущих примерах ала качуу был использован в качестве невербального послания «ты мне нравишься, и я хотел бы на тебе жениться». Конечно, оно не оставляет выбора для девушки и возможности отказаться у нее нет. В то время как ала качуу используется, чтобы минимизировать риск отказа и, несмотря на довольно высокий уровень уверенности, что похищенная девушка все-таки останется в доме жениха, беспокойство, о том, что она этого не сделает, тем не менее, сохраняется: «Я так боялся, что они придут и заберут ее домой» (жених, Таласская область).

В связи с этим интересной является история младшего брата одного жениха, который рассказал о своих сложных двойственных чувствах, когда невесту старшего брата привезли к ним домой. Ее крики и сопротивления произвели на него сильное эмоциональное впечатление и заставили его пообещать себе, что он никогда не похитит невесту. С другой стороны, он испытывал сильный стресс при мысли о том, что она может уйти: «Если бы она ушла, мы бы опозорили себя перед людьми, и я подумал про себя: «Я хочу, чтобы она осталась» (город в Джалал-Абаде).

Субъективный опыт женихов, несмотря на все обстоятельства, в которых ала качуу произошло, также неоднозначен, сложен и может быть связан с напряжением и травмой. Мы приводим несколько отрывков из интервью с ними:

Все мое тело дрожало, мне было так плохо. Я никогда и не думал, что жениться будет так трудно. Я чувствовал себя чужим. Может быть, это был знак того, чтобы я повзрослел. Примерно неделю после того, как я женился, я себя чувствовал странно. Я не могу описать это. Я беспокоился. Я не могу сказать, что я чувствовал себя странно, потому что я был счастлив, или потому, что я жалел об этом. Я не мог разобраться в себе. Я не мог понять, что со мной

происходит. Примерно всю неделю или около десяти дней я не мог даже нормально разговаривать с женой. (Жених, город Баткен)

Сожаление и стыд были также очевидными ощущениями женихов. Один из них вспоминал о событиях после того, как невеста была приведена в его дом: «Я не разговаривал с ней. Я избегал ее. Я не мог поговорить с ней. Мне было стыдно, я стеснялся и не подходил к ней» (жених, село в Чуйской области). В другом примере в Таласской области, жених прятался во дворе, после того, как его невесту привезли в его дом, в то время как его джене делали свою работу. Он уже раскаивался в том, что сделал это, и, слыша ее крики, он лишь хотел, чтобы она ее забрали и оставили его в покое (село, Таласская область). Для многих других респондентов сожаления, суматоха и хаос ала качуу были невыносимыми.

Со слов наших респондентов, существует мощное экономическое обоснование ала качуу. Есть убеждение, что альтернатива жениться «нормально» является более дорогостоящей, поскольку требует уплаты калыма (выкупа за невесту), приобретение подарочных корзин с продуктами («севет»), подарков в виде одежды («сарпай») и оплаты свадебного торжества. В случае ала качуу, эти статьи расходов становятся необязательными и подразумевают более гибкие способы платежей, включая отсрочку в оплате или оплату в рассрочку. Вот как рассказывает об этом мужчина, один из четырех братьев, все из которых украли своих жен:

Если вы идете к ее родителям, разговариваете с ними и сватаетесь, вы должны быть готовы сразу сделать свадьбу, и все должно быть готово. Когда вы ее крадете, вы выиграете больше времени и можете организовать свадьбу в течение двух-трех месяцев. У меня была свадьба спустя восемь месяцев. (г. Ош)

Таким образом, ала качуу считается дешевым и эффективным способом женить сыновей. Как сказала мама одного жениха, «настал день, когда мой сын должен был похитить невесту, потому что мы не могли позволить себе сделать свадьбу».

Еще один аспект, связанный с экономическим вопросом, относится к давлению на молодых людей привезти домой невесту, который обостряется в ситуации, когда сбережения на торжество уже были накоплены или, когда дом родителей жениха был недавно отремонтирован и т.д. Стоит отметить, что

в некоторых интервью респонденты все-таки высказывали меньше уверенности в экономической целесообразности ала качуу:

В мои дни люди редко встречались, они просто похищали невесту. Мы не понимали, что мы на самом деле тратились в два раза больше. Теперь все больше людей понимают, что без ала качуу вы платите только один раз. (Мать жениха, г. Ош)

Тем не менее, та же самая пожилая женщина после осуждения ала качуу как экономически невыгодной альтернативы добавила, что «это наша старая традиция, это даже показано в старых

фильмах. Джамия [персонаж из книги известного кыргызского писателя Чингиза Айтматова] также была похищена». Когда ала качуу рассматривается как кыргызская традиция, его сила существенна. Подобно стрессу и страхам жениха, мамы женихов имеют постоянные опасения, что что-то пойдет не так, то есть, что невеста не согласится остаться и это опозорит их семью, «люди будут сплетничать о нас. Это уят [позор] для нас, мы очень боялись [что невеста уйдет]» (мама жениха, г. Ош). Чтобы избежать такой ситуации, ала качуу требует активного участия от конкретной группы женщин под названием «джене», которые, по нашему мнению, требуют особого внимания.

2.4

РОЛЬ ДРУГИХ РОДСТВЕННИКОВ

ДЖЕНЕ

Так же, как и термин «келин», «джене» имеет гораздо более широкий смысл, чем его прямой перевод в качестве жены старшего брата (или других родственников мужского пола, таких как дядя, например). Мы даже воспринимаем «джене» как неформальный социальный институт. Роль джене в ала качуу варьируются от выбора потенциальной невесты и уговоров девушки остаться в доме похитителя до контроля успеха первой брачной ночи и демонстрации простыни с пятнами крови на них на следующее утро. В традиционном понимании работа джене в значительной степени заключается в том, чтобы сделать все возможное, чтобы девушка осталась в доме жениха. В наших интервью женихи говорили об этом, как о чем-то само собой разумеющемся: «Ну, джене быстро успокоили ее и заставили ее сесть [за занавесью]» [Жених в Таласской области].

Действительно, самая заметная и ответственная часть работы джене, это, конечно же, ее общение с похищенной невестой с момента, когда ее заводят в дом жениха, и до того, как ее уговорят остаться. Они встречают девушку в доме, берут ее из рук друзей жениха и начинают «обрабатывать» ее. Они сидят рядом с ней и убеждают ее выйти замуж за жениха. Впечатляет то, насколько эти женщины были эффективны, как нам сообщили. Свидетельница четырех похищенных невест, старшая сестра мужей этих невест, женщина из города Ош, описывает то, что произошло во всех четырех случаях:

Все джене вошли и быстро надели платок на нее. Все это было очень быстро. Это заняло один или два часа. Вы же знаете, как джене работают, они наденут на вас платок и платье, несмотря на ваши возражения. Вы даже не заметите...

Джене самой невесты тоже приходят в дом жениха, чтобы провести переговоры. Сила их навыков ведения переговоров определит, останется ли девушка в доме жениха или нет. Во всех наших исследованных случаях ни одной джене невест не удалось выволить их из дома похитителя. Кроме того, мы обнаружили, что джене вполне охотно выполняют свою функцию. Более того, им нравится это делать, несмотря на то, что они очень соперничают похищенным девушкам. Исследование ЮНФПА и НСК (2016) немного объясняет причины, по которым родственницы жениха принимают участие в ала качуу. Большинство опрошенных считает, что родственницы жениха участвуют в ала качуу, потому что это традиция (более 50%), чтобы помочь своим родственникам-мужчинам (31%), потому что им нужна дополнительная помощь по дому (10%) и потому, что они сами были похищены ранее (10%).

В нашем исследовании мы тоже попытались объяснить причины активного вовлечения джене в ала качу. Мы пришли к выводу, что для многих джене работа в процессе ала качуу дает возможность почувствовать себя важной и нужной, что в условиях традиционного патриархата – редкая возможность. Ала качуу предоставляет им краткосрочное увеличение статуса, ощущения контроля над ситуацией, и так называемый empowerment. Мы наблюдаем это, например, в таких словах:

Мы все [джене] всегда здесь. Мы все должны были быть здесь, когда они [мужчины их семей] женились. С одной из невест это заняло у нас очень много времени. Она не соглашалась остаться, она выбросила платок, и это продолжалось очень долго. И я пришла и сказала ей, что «если у тебя будут какие-либо проблемы в твоём браке, просто скажи мне, и я помогу тебе. Вот я стою перед тобой, и я беру на себя ответственность». Так я взяла на себя всю ответственность за её счастье, и она согласилась надеть на неё платок и успокоилась. (Старшая жене, село в Ошской области)

Для джене, как мы видим, её роль в ала качуу придает ей личную значимость гораздо более привлекательную, чем позволяют ей обычные жизненные обстоятельства. Это именно то пространство, где джене, которая сама является келин в другой семье, может проявить свою инициативу, волю, силу, индивидуальность и заслужить одобрение семьи. Для нее это также может быть способом нормализации своего собственного опыта ала качуу, через собственное потворство и увековечивание этой практики.

Подобные аргументы могут быть применены и к роли пожилых женщин, так называемой «тяжелой артиллерии», которую мы также видим, как окно возможности для потенциального программного вмешательства. Одна из невест в селе Джалал-Абадской области рассказала нам, что ее «родители не согласились, чтобы бы меня оставили [в доме жениха]... но пришли пожилые женщины, и они долго уговаривали моих родителей оставить меня. Тогда мои родители сказали мне «барган жеринен кайтырба» [оставайся там, где оказалась]».

Пожилые женщины, такие как бабушки, тетушки, соседки и т.д., часто действуют авторитетно и умело, особенно в таких ситуациях семейного характера. Они дают советы и консультации и, в целом, влияют на принятие решений в вопросах, которые считаются «женскими». В ситуациях

повышенной сложности требуется помощь самых пожилых, уважаемых женщин, которых привлекают для переговоров с особенно неуступчивыми невестами и их родителями. Безоговорочное уважение и послушание старшему поколению является социальной нормой. Одной из самых мощных стратегий является укладывание пожилой женщины через порог комнаты так, чтобы девушка, собравшаяся уйти, должна была бы перешагнуть через нее. Перешагнув, девушка предаётся жестокому пожизненному проклятию. Молодые девушки часто уступают перед такой устрашающей альтернативой и остаются.

По нашим данным, пожилые женщины склонны выступать за более традиционные взгляды на жизнь. Даже в том случае, когда они представляют невесту, они действуют в качестве «сосудов мудрости», знающих все о надлежащем поведении для девушек и могут авторитетно поучать молодых людей. Мы разговаривали с этими женщинами и поняли, что они не «просто пожилые женщины», а женщины, чей статус растет по мере того, как они становятся старше. Их возраст снижает бремя их пола. В тот момент, когда они достигают определенного (пожилого) возраста, они начинают приобретать то, чем они не обладали раньше, то есть личным пространством, возможностью активно участвовать в процессе принятия решений, чувством контроля и более высоким уважением общества. Тем не менее, это статус-кво является хрупким и его поддержание требует постоянного подтверждения, поскольку такое продвижение произошло в контексте патриархального общества и в соответствии с его условиями. Другими словами, для того, чтобы продолжать наслаждаться своим временным и с трудом достигнутым статусом, они действительно должны продвигать традиционные ценности и нормы, в противном случае, их статус будет поставлен под сомнение.

В отличие от джене и пожилых женщин, мужчины в семьях жениха, в том числе их отцы, практически не принимают участия в ала качуу. Иногда даже планирование ала качуу проходит мимо них. Многие молодые люди пояснили, что такие вопросы не обсуждаются с отцами: «мы не разговариваем или [не можем говорить] с нашими отцами об этом...». Многие отцы женихов (кайната) были растерянны во время интервью, и не многим из них было известно, что, по сути, ала качуу имело место. Это контрастирует с детскими браками, которые в основном организуются родителями. Следующий раздел данного отчета описывает наши результаты касательно ранних браков более детально.

Сверху вниз:

Респондент GSPS, похищенная невеста, перед родительским домом своего мужа на окраине города Ош.

© ООН-женщины/ Эльёр Нематов

Тесть респондента GSPS режет траву для своего крупного рогатого скота. Он, похоже, счастлив за своего состоявшегося сына, несмотря на похищение невесты, которое воспринимается как местная традиция.

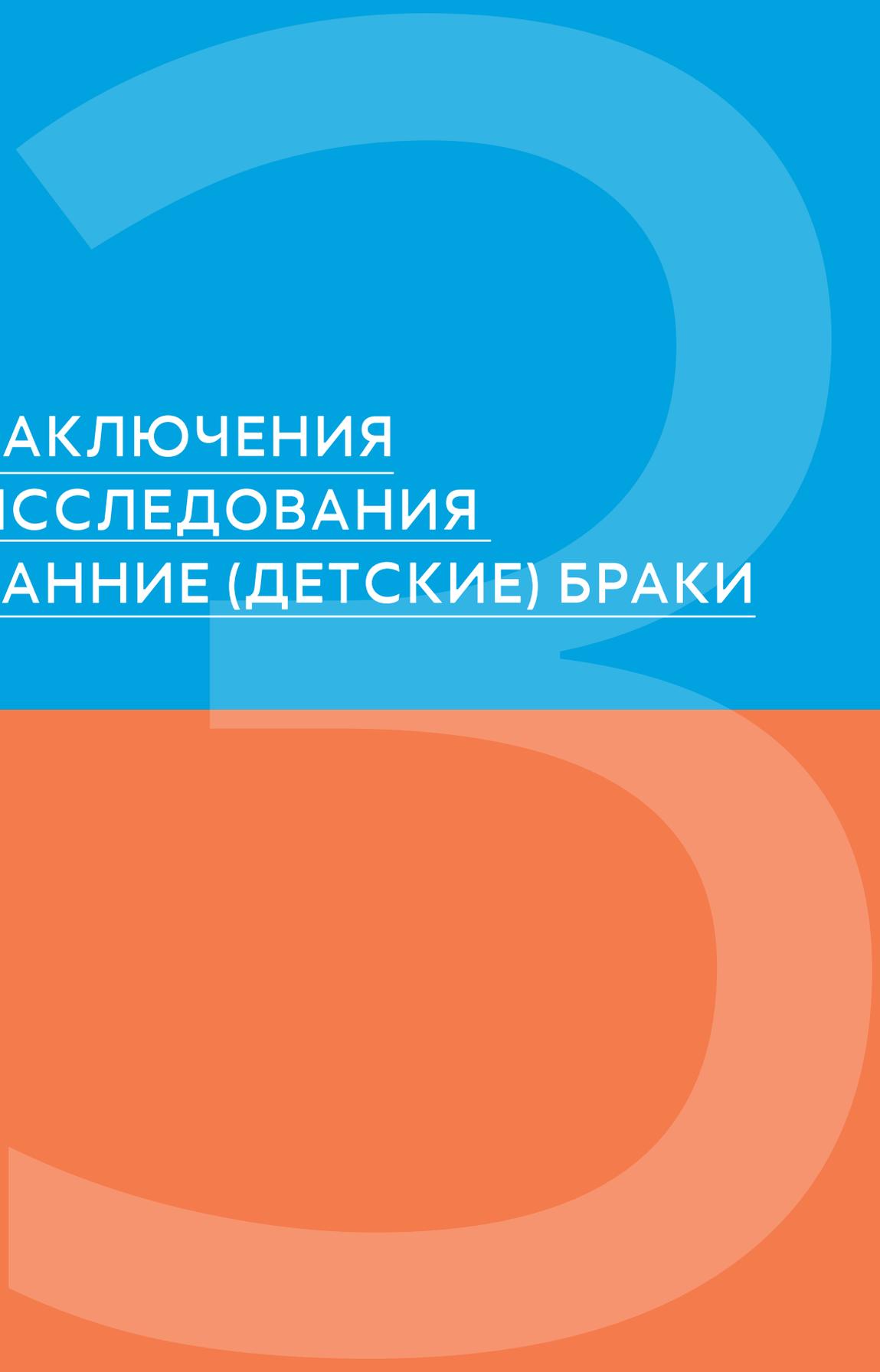
© ООН-женщины/ Эльёр Нематов

Сверху вниз:

Старший сын респондента GSPS наслаждается катанием на качелях. Возможно, он даже не знает истинной истории любви между его родителями. © ООН-женщины/ Эльёр Нематов

Печь хлеб для большой семьи – трудная работа, но респондент GSPS – это келин в доме. Поэтому, следуя местным традициям, она должна одновременно быть заботливой женой, невесткой и матерью для нескольких детей. © ООН-женщины/ Эльёр Нематов

ЗАКЛЮЧЕНИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ
РАННИЕ (ДЕТСКИЕ) БРАКИ

ЗАКЛЮЧЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

РАННИЕ (ДЕТСКИЕ) БРАКИ

Согласно результатам исследования ЮНФПА и НСК [2016], от 76% (в Ошской области) до 94% [в Таласской области) респондентов могли точно указать минимальный возраст для вступления в брак, разрешенный законодательством Кыргызской Республики. Это особенно касалось респондентов с более высоким экономическим статусом и более высоким образованием. 40% опрошенных считают необходимым увеличение брачного возраста для девочек, а 57% считают, что законный возраст для мальчиков также должен быть увеличен. Кроме того, около 60% опрошенных считают, что правительство должно принять меры против родителей несовершеннолетних невест и женихов (около 30% выступают против таких мер).

В нашем исследовании мы отходим от анализа раннего брака только как го нарушения правовой нормы и преступления. Напротив, мы пытаемся понять эту практику в более широком смысле, как неоднозначное явление, во многом зависящее от конкретных условий. Наши данные дополняют, а иногда противоречат существующей литературе о детских браках в Кыргызской Республике. Качественный анализ предлагает рассмотреть

разные позиции и точки зрения и понять опыт тех, кто принимает непосредственное участие в организации детских браков. Наш анализ конкретных случаев ранних браков включает в себя истории, которые являются одновременно уникальными и похожими. Мы начинаем наше обсуждение с ранних браков, организованных родителями, а затем переходим к так называемым «историям любви».

3.1

ПРИЧИНЫ РАННИХ БРАКОВ

1. Роль родителей

Из уже существующих источников мы знаем, что родители часто принимают решающую роль в планировании, содействии и организации браков среди своих несовершеннолетних детей. В таких браках голоса женихов и невест, особенно очень молодых, практически не учитываются.

«Мои родители решили выдать меня замуж. Выйти замуж по своей воле для меня невозможно... Я так думаю...», – сказала нам несовершеннолетняя невеста из села в Баткенской области. Еще одна невеста, живущая в Чуйской области, вторит ей: «Ну, как бы... Я не могу... как бы идти против своих родителей. Я живу и жду, что они там решат». Пожилой мужчина из села в Иссык-Кульской области, который выдал замуж своих дочерей, прежде чем им исполнилось восемнадцать, и который сам же является свекром пятнадцатилетней невесте, повторил несколько раз в ходе интервью: «Я еще раз говорю вам, все зависит от родителей». Для 45% женщин, которые вступили в брак, прежде чем они достигли восемнадцатилетнего возраста, это решение было принято их родителями (ЮНФПА и НСК, 2016).

Вопреки распространенному представлению о хорошо организованном и тщательно спланированном процессе уверенными и знающими свое дело родителями, наши данные свидетельствуют о том, что то, как родители на самом деле принимают решения, часто является незапланированным и довольно спонтанным. Отец одной невесты вспоминает: «Это случилось очень... как сказать (очищает горло)... очень, очень смешно...» (село в Иссык-Кульской области). Другой родитель тоже поделился своей историей: «Мы просто сидели и пили чай в доме наших друзей, и кто-то просто сказал: «Ах, эта девочка очень хорошая, давайте выдадим ее замуж за твоего сына!» (Мама жениха, село в Иссык-Кульской области). При описании ранних браков своих детей родители часто виновато

объясняли свою мотивацию: «так получилось...», «вышло так...», «обстоятельства были таковы...», «мы не знали, что это так произойдет», «мы не ожидали, что это будет так...». Мы считаем, что эти данные свидетельствуют о том, что решение о раннем браке своих детей пришло к их родителям с сомнением, с чувством тревоги и сомнения, а также вины. Мы переосмыслили наше первоначальное впечатление о безответственности таких родителей. Мы обнаружили, что даже семьи, которые придерживаются явно негативного отношения к ранним бракам, не защищены от того, что это с ними произойдет. Родители девочки, которая вступила в брак в шестнадцать лет, говорят:

Мы были серьезно против тех, кто рано женил своих детей. Услышав о том, что кто-то отдал замуж своих маленьких дочерей, мы нервничали и злились. Он [муж] не ожидал, что [это случится с его собственной дочерью]. Он позвонил им [семье жениха] обратно через два дня после официального сватовства и сказал: «Что это такое? Вы все сошли с ума там? Она такая маленькая!» (Мать невесты говорит о себе и о ее покойном муже, село в Иссык-Кульской области)

Свёкор женщины, о которой мы говорили в вышеприведенной цитате, сказал: «Если честно, я не хотел этого. Если честно... Я сам противник, чтобы шестнадцатилетние или семнадцатилетние выходили замуж ...» (село в Иссык-Кульской области). Количественные данные, полученные в исследовании ЮНФПА и НСК (2016), тоже указывают на двойственность существующих мнений. Например, более 60% жен, опрошенных негативно относятся к ранним бракам. Однако около половины из них также согласились, что в каждом конкретном случае это было бы исключительно личным решением родителей. Почти 80% респондентов понимали, что несовершеннолетние невесты рискуют попасть в зависимость, от 70% до 95% респондентов знают, что ранние браки препятствуют получению девочками профессионального образования и около 50% респондентов считают, что ни один ранний брак не может быть ничем оправдан. Тем не менее, почти половина респондентов были готовы отдать своих дочерей замуж в юном возрасте в случае, если жених «хороший человек». 20% опрошенных были готовы сделать то же самое, если жених богат, и согласились с высказыванием «никогда не рано выйти замуж за богатого мужчину»⁵. 81% респондентов были готовы оправдать детские браки в таких случаях,

как добрачная беременность, любовь (54%), ала качуу (23%) и угроза изнасилования (22%). Этот разрыв между негативным отношением к раннему браку и фактическим поведением наводит на мысль о существовании невидимых источников, толкающих родителей действовать тем или иным образом, даже если это противоречит их внутренним принципам. В наших данных мы попытались понять невидимые силы и объяснить их. Мы также изучили случаи, которые можно характеризовать как исключения.

2. Ранние браки как маркеры идентичности

Уже имеющиеся исследования отметили роль культурных и этнических традиций в одобрении детских браков. Мы бы хотели привести примеры конкретных случаев, которые показывают, что ранние браки могут служить важным маркером идентичности, необходимой для обозначения принадлежности к определенной социально-культурной группе. Сообщества воспринимают ранний брак как весьма непроблематичную практику, которая делает их отличными от других групп. Обоснование ранних браков как этнической или социально-культурной традиции воспринимается как что-то само собой разумеющееся, самодостаточное и изначально оправданное. Мужчина из дунганской общины так описывает брак своего сына на пятнадцатилетней девочке: «[мы сделали это] так же, как все дунгане». Девятнадцатилетний уйгурский парень и муж шестнадцатилетней школьницы рассказывает:

По нашим [уйгурским] традициям, мы рано женимся. Мой дядя женился, когда ему было девятнадцать, другие родственники женились в восемнадцать лет. Для девочек шестнадцать и семнадцать лет – нормальный возраст, чтобы замуж выходить. Если девушке двадцать [и не замужем], это что-то странное... (Бишкек)

Как сказал один респондент кыргызской этничности, «у нас, у кыргызов, есть такая поговорка, «если вы кинете тубетейку [национальный головной убор Центральной Азии] в девушку, и она не упадет, значит, она готова для замужества» (город в Чуйской области). В Иссык-Кульской области местный житель кыргызской этничности, прежде чем жениться на своей девушке, сначала встречался с ней, потом сделал ей предложение и попросил ее руки у ее родителей. Она, по его словам, была «не молодой,

⁵ Все имена респондентов в данном отчете изменены по этическим соображениям.

а уже девятнадцатилетней женщиной». Интересно, что он описал свой опыт как «русский» («Я женился, как русский»), подразумевая, что все, что он сделал, чтобы жениться на ней, в том числе выбор «немолодой» девушки, отличался от того, как это делают «реальные кыргызы». Этот респондент, однако, компенсировал свое «несоответствующее» поведение организацией брака своего младшего брата через ала качуу.

Нашей исследовательской группе повезло получить доступ к семье из довольно закрытого сообщества, так называемых кайрылманов. Это группа этнических кыргызов, живших за пределами страны (в Таджикистане) и вернувшихся на свою историческую родину несколько десятилетий спустя. Семья, которую мы изучили, вернулась в Кыргызскую Республику в 1995 году и поселилась в селе в Чуйской области. Эта семья, как и многие другие кайрылманы, сохранили приверженность к ранним бракам своих дочерей (как правило, до того, как девочкам исполняется пятнадцать или шестнадцать лет). Свёкор шестнадцатилетней девочки, готовящийся вскоре выдать замуж свою пятнадцатилетнюю дочь, поделился с нами:

В этом нет ничего плохого... Это присуще нашему обществу. Это нормально для девочек – выходить замуж в молодом возрасте. Для нас, для кыргызов, которые жили недалеко от границы с Таджикистаном, это нормально. Может быть, это таджикское влияние. Если ты девушка в нашем обществе, ты должна быть готова к тому, что тебя выдадут замуж в четырнадцать или пятнадцать лет. Девочки заканчивают школу в восьмом классе, остаются дома и заботятся о своих семьях. К тому времени, как они учатся в пятом классе начинают, они должны знать, как все делать, готовить, печь хлеб и убираться дома, потому что у них нет много времени.

Ранние браки в этом сообществе происходят повсеместно. Мы взяли интервью у невесты из этой семьи, из которого это становится более чем понятно. Согласно этому интервью, она сама вышла замуж в возрасте шестнадцати лет, в то время как ее старшая золовка вышла замуж в шестнадцать лет, а средняя золовка вышла замуж в пятнадцать. Ее младшая незамужняя пятнадцатилетняя золовка выйдет замуж в течение года. Ее подруга (тоже из этого сообщества) вышла замуж, когда той было тринадцать лет, и теперь, в возрасте пятнадцати лет, имеет двоих детей. Большинство девушек не учатся после девятого класса.

Мы считаем, что ранняя социализация девочек в этих семьях приводит к интеграции таких жизненных целей, ценностей и стандартов надлежащего поведения для девушки в систему самоопределения. Воспитываясь в таких семьях внутри своего сообщества, девочки положительно относятся к альтернативе раннего замужества:

В наши дни девочки занимаются плохими вещами, они портятся, парни тоже. Именно поэтому, если из хорошей семьи пришли сватать, семья сразу отдает ее. Они хотят, чтобы у нее была хорошая жизнь. Если девочке шестнадцать или семнадцать лет и ничего плохого не случится с ней, и ни одна плохая семья не забирает ее, и хорошая семья приходит к ней свататься, они отдадут ее им. (Невеста, которая вышла замуж в возрасте шестнадцати лет, село в Баткенской области)

Юные девочки не воспринимают свое раннее замужество как раннее. На самом деле они считают возраст восемнадцати лет слишком старым для невесты. Они сочувствуют незамужним девушкам в этом возрасте и относятся к ним как к «дефектным» и отвергнутым семьями достойных женихов. Они предпочитают выйти замуж пораньше и воспринимают свой брак как неизбежное и естественное событие. Со слов одной из невест это становится очень ясно: «Я знаю, что, если бы не этот, другой бы меня украл. Я говорю вам. Я уверена. Я говорю вам точно. Если не тот, то этот».

Может показаться, что с таким воспитанием эти девочки подготовлены к жизни замужних женщин, однако, наши данные показывают, что на самом деле они очень долго адаптируются к жизни в семье своих мужей. Одно интервью с невестой, которая вышла замуж в шестнадцать лет, особенно нам запомнилось в этом смысле. Ниже мы приводим отрывок:

Интервьюер: Что вы приобрели для себя лично в вашем браке?

Респондент: Я (вздыхает), как сказать, я узнала о жизни и как все работает в жизни. Я была избалована в доме моей бабушки, а потом я пришла сюда... В начале [моего брака] я играла с куклами. Я прыгала через скакалку во дворе.

Интервьюер: С кем вы играли?

Респондент: С детьми старшей сестры [ее мужа] (смех)

Интервьюер: Вам разрешалось?

Респондент: Да, они разрешали. Они сказали: «Пусть она играет, дайте ей еще поиграть» (село в Баткене).

Этот отрывок является продолжением ее рассказа о своей добрачной жизни, которую она описала как «вы знаете, как это жить с бабушкой. Я делала домашнюю работу, играла с друзьями». Ее беззаботная жизнь, однако, была несовместима с ожиданием от нее участия в сексуальной жизни с мужем. Было очевидно, что она не была готова к этому подсознательно, эмоционально и физически. Ее интервью весьма показательно в этом отношении:

Нет, я даже не могла себе представить этого вообще. Мне было страшно, если честно. Мне было страшно, я не думала, я не знала, как... и как это должно быть. Я очень боялась, а потом я привыкла к этому...

Ее и его джене, по ее словам, «готовили ее к «этому»». В течение трех дней после свадьбы они не хотели, чтобы она спала с мужем, говоря другим, что «она была еще маленькой». Когда она на самом деле была вынуждена делить постель с мужем, она «так нервничала, к этому было трудно привыкнуть. Вначале это было нехорошо, но позже нормально».

Склонность соответствовать этническим традициям в вопросах брачности сама по себе может быть связана с более широкими социальными и политическими процессами, происходящими в стране, учитывая переходный этап государственного строительства и постоянный процесс формирования национальной идентичности. В связи с этим сила такой мотивации может постоянно укрепляться. Любое несоответствующее поведение несет риск социального неодобрения, давления и изоляции со стороны семьи и сообщества в целом. Традиционные ценности и зависимость от мнения других (например, «эл эмне дейт», то есть «что люди скажут?») служат оправданием для поведения и влияют на другие важные аспекты общественной жизни людей, на их экономическую деятельность, профессиональную занятость, доступ к ресурсам и т.д. Страх потерять такие социальные связи является очень мощным стимулом для семей, которых связывают такие отношения, как дружба, профессиональные связи, экономическая зависимость и т.д.

3. Ранний брак по медицинским показаниям: убеждения

В ходе проведения некоторых интервью мы обнаружили, что население верит в то, что замужество может помочь вылечиться молодым

девушкам с медицинскими заболеваниями, такими как эпилепсия и другими недиагностированными симптомами, с которыми местный фельдшер (при наличии такового) не может справиться сам. Более ранние исследования показали, что во многих местных общинах психические (или психофизиологические) заболевания предпочитают лечить с помощью нетрадиционной медицины, народными средствами и молитвами. Лечение девочек подростков от эпилепсии путем замужества является одним из популярных методов. В рамках данного исследования мы приводим несколько таких случаев. Одна несовершеннолетняя невеста рассказывает свою историю,

Я училась в школе. Но у меня были головные боли, я часто ходила больницу и пропускала школу. Раньше я часто теряла сознание. Тогда врачи сказали мне, если я выйду замуж, мне станет лучше. Ну, я сказала: «Хорошо». Теперь я не теряю сознание, но у меня до сих пор болит голова. (Село в Баткенской области)

Другая несовершеннолетняя девочка, страдающая от эпилепсии, была украдена в качестве невесты. Она решила согласиться выйти замуж за своего похитителя против своей воли, потому что поверила, что ее болезнь исчезнет, как только она выйдет замуж и родит детей (село в Иссык-Кульской области).

Кейс стади бишкекского пригорода, новостройки, иллюстрирует, насколько сложным образом обеспокоенность о здоровье может подтолкнуть к принятию решения в пользу раннего брака. Мама несовершеннолетней жены рассказывает эту историю так:

У моей дочери были мышечные спазмы, такие сильные, что она падала. Потом я узнала, что в таких случаях кыргызы выдают замуж своих дочерей и девочкам становится лучше... Наша дочь падала, поэтому часто пропускала школу, и мы подумали, что было бы лучше, если бы она вышла замуж и согласилась на ее замужество. Моя дочка хорошо училась в школе, все ее оценки были отличными, но потом кто-то из ее класса или кто-то из другой школы подшутил над ней: когда у нее был очередной приступ, этот мальчик снял это на видео, на свой телефон, и показал это всем в школе. Если бы этот случай не произошел, она бы не вышла замуж. Моя дочка сказала мне, что ученики шутили над ней в школе, и после этого она не хотела учиться вообще, она хотела выйти замуж (новостройка, г. Бишкек).

В этой истории произошло сочетание таких факторов, как народные верования, приоритетизирование здоровья над образованием и инструментализация традиции с ожидаемой пользой для невесты и ее семьи. Для этой девочки и ее семьи брак был воспринят как единственно возможный вариант. Допустимость раннего брака только облегчила им эту стратегию. Казалось бы, решение продолжить лечение было бы логичным предпочтительным вариантом. Несмотря на отсутствие эмпирических доказательств или опровержений такой народной приметы, эффект плацебо, вполне вероятно, мог подкрепить такие убеждения и, в конечном счете, способствует распространению ранних браков. Подобных историй по отношению к мальчикам подросткам найдено не было.

4. Физически 'созревшие' девочки

Когда девочка-подросток сравнительно рано развивается физически, ее семья и окружающее общество, как правило, считают ее преждевременно созревшей (на кыргызском языке, "бышып калды"). Ее биологически молодой возраст прекращает быть сдерживающим фактором. Ранняя менархе и/или раннее развитие вторичных половых признаков подталкивают родителей принять решение в пользу ее более раннего замужества, пока она «еще не перезрела». Слова, такие как «созрела», «рослая», «крупная», были использованы в описании таких девочек. Родители сдаются перед страхом, что девушка может «перезреть» и ее шансы выйти замуж снизятся до нуля. Несколько семей, где молодые мужчины женились на несовершеннолетних девушках, оправдывались тем, что эти девочки выглядели взрослыми: «Ей на вид было минимум девятнадцать, никогда бы не сказала, что ей шестнадцать лет», – сказала одна мама жениха в городе Нарын. Мужчина в Джалал-Абаде, который похитил и женился на семнадцатилетней девочке, защищал себя, описывая ее, он сказал: «Она уже была хорошо развитой», и «у нее все уже было, что у женщины должно быть». В Таласской области наша группа исследователей отметила, как в ходе интервью с родителями несовершеннолетней невесты они выразили озабоченность по поводу их другой (младшей) дочери, десятилетней пятиклассницы. Ее физическая (и воспринимаемая как преждевременная) зрелость была очевидным источником беспокойства для них, с точки зрения прогнозируемых трудностей, если они «слишком долго будут ждать» (село в Таласской области).

Появление этой десятилетней девочки в наших данных было незапланированным, но ее история ярко указывает на то, как гендерные роли, предписанные для женщин, ведут к различным последствиям, которые могут нанести ущерб жизням молодых девушек. Существует высокая вероятность того, что эта девочка выйдет замуж в ближайшее время и будет терпеть все тяготы, которые такой брак влечет за собой. Все это происходит из-за порядка вещей, при котором ценность женщин исключительно определяется в рамках ее способности выйти замуж и оставаться в этом браке, несмотря ни на что.

5. Миграция

Подобные аргументы применимы также к юным девочкам, чьи родители планируют трудовую миграцию. В подготовке к долгому отсутствию родители чувствуют тревогу за своих детей и не уверены в надежности контроля над поведением своих дочерей, пока их нет рядом. Они стараются избежать рисков, которые могут поставить под угрозу возможность нормального замужества своих дочерей. Увидеть их замужними до того, как они уедут, дает им ощущения уверенности и спокойствия, так как в этом случае ничто не угрожает репутации их семей и жизнь их дочерей можно считать в «хороших руках». Действительно, существует значительная стигма для любой семьи, которая не смогла «освободить свои дома» от дочерей, выдав их замуж. Иметь у себя дома в дочь, которая не смогла выйти замуж, считается семейным бременем, вызывающим жалость и маргинализацию. Могут возникнуть подозрения в порочности девушки, и это может разрушить ее перспективы на будущее. Страх, что, отклонив первое предложение от жениха, родители могут потерять возможность, которая может никогда не появиться вновь, и риск навредить будущему своих дочерей толкают родителей согласиться на раннее замужество своих дочерей. Родители часто боятся, что их вмешательство может оттолкнуть удачу не только от дочерей, но и от всей своей семьи, включая других незамужних дочерей. Социальное неодобрение и непонимание со стороны общества является значительным давлением, в то время как страх сожаления и чувства вины являются реальной проблемой.

6. Истории «любви»

Помимо ранних браков, инициированных и организованных родителями, в наших данных есть

есть несколько так называемых «историй любви», где молодые пары сами инициировали свой брак. 23% участников исследования ЮНФПА и НСК (2016) указали собственное желание девочек как основной мотивирующий фактор для ранних браков. В нашем исследовании мы собрали ряд таких конкретных случаев. Несколько из них представлены ниже:

История 1. Четырнадцатилетняя девочка и двадцатилетний мужчина (оба русской национальности) были обручены и планируют официально зарегистрировать брак. Они ждут, когда девочке исполнится шестнадцать лет, и она может получить паспорт для того, чтобы брак был официально зарегистрирован в местном ЗАГСе. (Город в Чуйской области)

История 2. Эта история любви из села в Таласской области. Девочка училась в девятом классе (ей было 15 лет), когда она познакомилась со своим мужем, в то время двадцативосьмилетним фермером. Они встречались в течение восьми месяцев, и когда он сделал ей предложение, она с радостью согласилась выйти за него замуж. Однако ее родители выступили против этого брака, и пара инсценировала ала качуу, сбежала и прошла через церемонию нике. После свадьбы пара переехала в отдаленное поселение высоко в горы, где они вместе занимаются разведением скота. На сегодня у них есть трое детей и успешный бизнес. Мужчина научил свою молодую жену водить машину, и она наслаждается независимой мобильностью. Ее родители пожаловались на непослушное поведение своей дочери, когда она сбежала из своего дома, чтобы выйти замуж за своего молодого человека, но они довольны тем, как ее жизнь в итоге сложилась. Женщина продолжала повторять во время интервью: «Мы любим друг друга. Мы очень счастливы. Я благодарю Бога за жизнь, которую он дал мне». Исходя из записей наблюдений исследователей, ее глаза светились любовью, и позже она сказала им, что они только согласились дать интервью, потому что они хотят рассказать людям о своих чувствах друг к другу и что они гордятся собой.

История 3. Пара в Нарынской области вступила в брак, когда жениху было восемнадцать, а невесте было шестнадцать лет. Они начали встречаться, когда он учился в местном колледже, а она училась в седьмом классе. Когда она заканчивала девятый класс, мама девочки настаивала, чтобы та уехала из села, чтобы

продолжить свое обучение в столице, в Бишкеке. Но у пары были «настоящие чувства», и они уговорили своих родителей, чтобы их поженили. Сегодня у них двое детей, девушка учится в медицинском колледже, а ее младшие золовки присматривают за детьми.

Полученные нами истории никоим образом не служат оправданием ранних браков романтическими сюжетами современных кыргызстанских сюжетов «Ромео и Джульетты». Чем больше мы вовлекаемся в тщательный анализ и ближе рассматриваем эти истории, тем менее романтичными они становятся. Неслучайно мы поставили слово «любовь» в кавычки. Девочки, которых мы изучали, были подростками, для которых было характерно испытывать связанные с возрастом переходные процессы, такие как импульсивное принятие решений, доверчивость, уязвимость давлению, поиск автономии и желание быть взрослыми. В профессиональной литературе такие социально-психологические особенности характеризуют уязвимость к рискованному поведению, такому как злоупотребление наркотиками или алкоголем, давление со стороны сверстников и т. д. В нашем конкретном контексте рискованное поведение включает в себя культурно-специфичную уязвимость к раннему замужеству. В наших условиях девочки-подростки воспринимают ранний брак как реальную возможность и нормализованную альтернативу. Мы утверждаем, таким образом, что история «любви», где согласие девушки на брак рассматривается серьезным образом, на самом деле, является злоупотреблением их возрастной незащищенностью, т.е. импульсивностью или юношеским минимализмом, ребенка, который не в состоянии принимать обоснованные решения. Чтобы проиллюстрировать это, одна из таких невест, четырнадцатилетняя Валентина, поругалась со своей старшей сестрой, которую Валентина считала слишком строгой. В отместку она позвонила двадцатичетырехлетнему парню, с которым она встречалась, и попросила его забрать ее к себе домой. «Я вышла замуж назло», – сказала она. Любой сознательный зрелый человек не будет воспринимать такую эмоциональную и импульсивную вспышку гнева серьезно, а наоборот, успокоит подростка и отправит ее обратно к семье. Однако не в случае Валентины. Ее муж на самом деле привез ее в свой дом в селе в Нарынской области и совершил с ней нике.

Когда брак используется как инструмент манипуляции, чтобы доказать свою независимость

и взрослость против строгих родителей, такой брак не может считаться союзом равноправных партнеров. Такой брак приравнивается к подростковому бунту. В связи с этим мы считаем, что некоторые истории любви могут, на самом деле, быть свидетельством родительского пренебрежения, с одной стороны, и злоупотреблением уязвимости невест-подростков, с другой.

Существуют убедительные данные, что многие из этих пар стали жертвами плохой осведомленности о практике безопасного секса и несуществующего полового образования. Национальный опрос ЮНФПА и НСК (2016) показал, что семнадцать процентов респондентов считают, что причина ранних браков – это «преждевременная сексуальная активность» среди подростков. Соглашаясь с этим выводом, наши данные указывают на то, что добрачная подростковая беременность часто является причиной раннего брака. Медицинский работник в Чуйской области подтвердила наш вывод, рассказывая о многих случаях ранних браков по причине беременности. Она регулярно принимает женщин, которые приводят своих беременных дочерей:

Мама поздно узнают о том, что произошло, и приводят их, чтобы на учет поставить в больницу. Что она может сделать? Мама заставляет мальчика жениться на ее дочери. Кто виноват? Мальчик или девочка, кто знает? Много таких случаев. Это проблема. Молодые люди встречаются, сексуально активны, девочки беременеют...

Упомянутая выше «история любви» из села в Нарынской области также имеет свой секрет. Несмотря на то что семья тщательно скрывала факт трехмесячной беременности невесты до заключения брака, этой информацией поделились с исследовательской командой. На основании таких данных мы подчеркиваем, что современная молодежь вынуждена строить свои отношения в обществе, где тема секса в значительной степени табуирована, систематическое сексуальное образование не существует, семьи не практикуют открытые дискуссии о сексе, сексуальность контролируется, а знания о безопасном сексе недостаточные. В этих условиях распространенность нежелательной подростковой беременности, способствующая ранним бракам, неувидительна.

7. Изначальная уязвимость

Исследование ЮНИСЕФ (2012) утверждает, что в экономически благополучных семьях вероятность ранних браков ниже, чем среди более бедных домохозяйств. Наши данные частично поддерживают такой вывод и приводят данные, которые указывают на существование определенного уровня социально-экономической уязвимости, которая может предрасполагать девочек к ранним бракам. Одной из причин такой уязвимости является потеря матери или обоих родителей. Общество обычно считает своим долгом помогать таким девочкам путем поиска для них подходящего мужа, который будет защищать ее и предоставит ей новый дом. Считается само собой разумеющимся, что по-другому они не выживут. В этих случаях особые обстоятельства поощряют общество закрывать глаза даже на очень юный возраст невесты. Этнографическая заметка ниже иллюстрирует такое явление:

Мужчина старше тридцати лет звонит своему другу с «хорошей новостью»: его семнадцатилетняя дочь вышла замуж. Из разговора выяснилось, что мать девочки умерла, а его главной целью было выдать ее замуж и больше не беспокоиться о ее будущем. Сейчас он рад, что она не "испортится", что, по-видимому, ожидается, от девочки, если у нее нет материнского контроля. Теперь он считает, что у девочки будет собственная жизнь и ей не будет так одиноко. (Этнографическая записка, разговор был услышан в ходе сбора данных, Бишкек)

Это подтверждают и данные ЮНФПА и НСК (2016), где 86% респондентов считают, что нормальное развитие девочек невозможно без материнского воспитания.

Мы собрали много примеров, которые подтверждают утверждение, что низкий социально-экономический статус мотивирует семьи выдавать своих дочерей в раннем возрасте. Например, семнадцатилетняя мать двоих детей, живущая в селе в Нарынской области, выросла в интернате с другими неблагополучными детьми. Когда она окончила школу-интернат, она осталась без крова и без поддержки. Замужество за гораздо более старшим мужчиной показалось для нее хорошей возможностью выйти из такой ситуации. Другая шестнадцатилетняя девочка из Ошской области, живущая со своей бабушкой (потому что

ее родители были разведены), бросила школу и вышла замуж, чтобы сбежать от депрессивной атмосферы дома к тому, что, как она ожидала, будет новой семейной жизнью. Удочеренная девочка, которая была воспитана в конфликтной семейной обстановке и часто сбежала из дома, легко стала жертвой не только раннего замужества (когда ей было четырнадцать лет) и подростковой беременности, но и полигамного брака (Чуйская область). Другая респондентка из Чуйской области охотно вышла замуж за мужчину, которого она считала гораздо более обеспеченным, чем семья ее родителей. Бедность также была отмечена в качестве причины для детского брака 18% населения в исследовании ЮНФПА и НСК (2016). Такая тенденция была особенно актуальна в Баткенской, Иссык-Кульской областях и в Бишкеке.

Среди других личностных переменных, которые, как мы считаем, приводят к ранним бракам, имеются поколенческие тенденции. Мы обнаружили, что во многих случаях детских браков такие практики имеют семейную или поколенческую природу. Мы увидели это даже

среди этнических групп, для которых ранние браки не характерны и не являются маркером самоопределения. Например, в случае раннего брака между молодыми людьми русской национальности в Чуйской области и в селе Нарынской области интервью с членами этих семей показали, что все близкие родственницы невесты также вышли замуж в очень молодом возрасте.

Нам уже было известно из существующей литературы, что ранние браки препятствуют получению образования молодым девушкам-невестам. Наши данные указывают, что эти процессы также могут быть в несколько иных причинно-следственных отношениях. Мы увидели не только подтверждение факта, что девушек заставляют бросить школу, как только они выходят замуж, но и что девочки с плохой успеваемостью или те, кто уже был исключен из школы, имеют более высокую вероятность выйти замуж в раннем возрасте. Согласно популярному убеждению, что «либо учеба, либо замужество», замужество считается естественной и единственной альтернативой для бросивших школу девушек.

Кейс стади #2:

Детский брак: Причинные связи между замужеством и исключением из школы работают в обоих направлениях.

Семнадцатилетняя Лира – старшая из пяти дочерей в семье. Когда ее мать вышла на работу, младшей сестренке не было еще и года, и Лира полностью заботилась о ней и о других сестренках. Когда Лире было четырнадцать лет, она бросила школу, что она объяснила невозможностью совмещать учебу с заботой о сестренках. Вскоре после того, как она бросила школу, она вышла замуж за восемнадцатилетнего соседа, которого она уже знала. Вот как она рассказывает свою историю:*

Мы стали видеться чаще, звонили друг другу и по вечерам, и утром, и решили пожениться. Он меня уже спрашивал, выйду ли я за него замуж, когда вырасту. Я была маленькой и отвечала «да». Потом он сказал своим родителям и попросил меня рассказать своим. Когда я маме сказала, она рассердилась и побила меня, и сказала, чтобы я не сходила с ума. Они [его родители] пришли в один день, и мама сказала им, чтобы просто мне сережки надели [что означает, что девушка формально засватана].

Через три-четыре дня они принесли сережки, надели их мне в уши и забрали меня домой.

Но этот брак недолго продолжался. Лира так объяснила нам, что случилось:

После женитьбы мы жили со свекровью. Алан [ее муж] стал пить, и мы развелись. Ну, мы поругались, и я ушла к маме, стала жить здесь и за детьми присматривать. С тех пор я дома живу. Его родители тоже пьют, он не получил хорошего воспитания, он пьет и приходит к моим родителям пьяным. Мы теперь только по телефону разговариваем. Он говорит, что мы будем жить вместе весной. Я же не могу все время жить со своими родителями со своими двумя детьми. Я должна жить отдельно.

На момент интервью (февраль 2016) у Лире был двухлетний сын и она была на пятом месяце беременности. Она жила в доме своих родителей, помогая своей матери по дому и заботилась о своих четверых сестренках.

Оглядываясь в прошлое, Лира мечтает: «Сейчас я была бы в одиннадцатом классе и готовилась бы поступать на экономику в университет». Она хорошо училась в школе, и учителя звали ее назад на учебу, но она забеременела вторым ребенком. Лира будет ждать рождения своего второго ребенка и

после того, как он немного подрастет, пойдет на курсы парихмахера.

У этой пары было нике, но они не регистрировали свой брак в ЗАГСе. Она объяснила это тем, что у нее не было паспорта. В результате их ребенок не получил свидетельство о рождении.

3.2

ПОСЛЕДСТВИЯ РАННИХ БРАКОВ

1. Вездесущий риск

Еще одни данные помогают проиллюстрировать поведение семей, где воспитываются молодые мужчины, - поведение, ведомое негласным существованием соревновательного духа за лучшие кандидатуры в невесты. Молодые девушки, особенно в селе, постоянно подвержены риску похищения⁶. Семьи потенциальных женихов часто боятся «не успеть» и уступить своих будущих келин более шустрым конкурентам. Даже уже засватанные девушки не всегда могут избежать похищения другим женихом. Такой высокий уровень неопределенности и атмосферы нескончаемой охоты на девушек заставляют семьи женихов действовать, то есть «схватить» лучшую келин, прежде чем кто-либо другой это сделает. Семьи девочек, в страхе, что такое может случиться с их дочерьми, предпочитают выдать их замуж, пусть и рано, за кандидата, которого они знают лично, нежели отдать дочь неизвестному и потенциально нежелательному похитителю. В этом случае они вынуждены выбирать между двух зол, и они предпочитают то, в котором они сохраняют, по крайней мере, некоторое чувство контроля над ситуацией. Один из примеров, который мы приводим, произошел в Баткенской области, где мужчина решил похитить шестнадцатилетнюю школьницу, потому что боялся, что это сделает другой жених. Мужчина объяснил, почему он отказался ждать, пока ей исполнится восемнадцать лет:

«Мы дружили, а потом... что же я вижу? Еще двое [ребят] прицепились к ней. Вы знаете, в нашем селе у нас есть это... похищение невесты...». Его жена подтвердила его слова: «Он украл меня, чтобы другие не украли».

Дух соперничества и страх «не успеть» настолько силен, что стратегия похищения стала применяться даже мужчинами из тех общин, для которых ала качуу не свойственно. Действительно, описанный выше мужчина был по этническому происхождению таджиком. Он обосновал свой поступок турецким происхождением своей невесты, где похищение невесты считается традицией.

Угроза безопасности и отсутствие контроля над ситуацией делает бесполезной ранее использованную стратегию растягивания промежутка времени между обручением и фактическим браком. Действительно, мы обнаружили, что некоторые семьи использовали эту стратегию, чтобы соблюсти баланс между престижем раннего замужества дочерей и беспокойством о молодом возрасте невесты. Невесте давалось время, чтобы «подрасти», прежде чем она войдет в дом мужа. Однако мы видим, что этот метод утратил свою актуальность по причинам, описанным выше. Отец несовершеннолетней невесты объясняет, «чтобы избежать позора, нам лучше их засватать и как можно скорее, и сыграть свадьбу, как можно скорее, и пусть они спокойно живут. Так нам спокойнее будет» (Село в Иссык-Кульской области).

⁶ В исследовании ЮНФПА и НСК (2016) 11% респондентов согласились с тем, что ранние браки в Кыргызстане происходят по причине похищения невесты.

К сожалению, мы обнаружили, что повсеместно население верит, что жизнь девушки, которая не смогла выйти замуж, по большому счету, не удалась. Страх, что это произойдет с их собственной дочерью, является существенным стимулирующим фактором для многих семей. В нашем следующем параграфе мы опишем, как этот страх увековечивает ранние браки.

2. Доступ к образованию

Семья мужа не считает необходимым, чтобы их келин заканчивали школу или поступали в университет. Они не склонны вкладывать деньги в ее образование. Во многих обстоятельствах, особенно в селах, работа, которую келин должна выполнять, не требует школьного аттестата или диплома университета. Более того, посещение школы или университета требует от девушки выходить за пределы дома своего мужа и находиться в публичном пространстве, что само по себе не считается позволительным для молодых замужних женщин. Кроме этого, семья жениха может испытывать недовольство, что келин может превосходить своего мужа в достижениях, таких как образование, и это неприемлемо во многих традиционных патриархальных семьях. Одна девушка объяснила, почему она не смогла продолжить свое образование: «он [муж] сказал мне, «если я не учился, то и тебе тоже незачем» (село, Ошская область). Только в двух изученных нами случаях мы обнаружили ситуации, в которых родители мужа одобрили и поддержали своих невесток и разрешили им получить высшее образование. В одном из этих случаев муж смог построить свой собственный дом, они жили отдельно от свекрови, и мама жены согласилась помочь ей присматривать за детьми во время ее учебы.

Низкий уровень образования и отсутствие профессиональных навыков препятствует получению желаемой работы. Все девочки-невесты, кроме одной, высказывались с горечью и сожалением по поводу потерянных возможностей. «А сейчас я жалею. Я очень жалею. Лучше бы училась в школе сейчас», – говорит одна из девочек-невест из села в Нарынской области. Другая девочка-невеста пожаловалась нам, как она не смогла получить работу в своем селе. Экономическая зависимость – ее источник разочарования:

Я училась на повара, но не закончила. Замуж вышла. Я жалею об этом. Надо было закончить. А теперь у меня маленькие дети и я хотела выйти на работу в детском саду, а они сказали мне, что раз у меня нет

диплома, они не могут меня взять. Я могла бы сейчас учиться и зарабатывать деньги и маме помогать (Девочка-невеста, село в Иссык-Кульской области).

Я хочу для себя работать, обувать себя, одевать себя... [...] Апашка [свекровь] все покупает мне и Рахату [ее мужу]. Я говорю мужу [что мне нужно], и мы идем на базар, выбираем, покупаем вместе. Я хочу зарабатывать, чтобы помогать маме и сестре. Я хочу учиться и снова быть свободной (Девочка-невеста, село в Нарынской области).

Унижение и низкий уровень жизни дополняют последствия экономической зависимости. Траты невесток строго контролируются, им необходимо спрашивать разрешения о таких покупках, как предметы личной гигиены и нижнее белье. Обсуждение таких покупок со своими свекрами у молодых невесток вызывает ужас, и они часто отказываются от необходимых им базовых вещей, что сразу сказывается на качестве их жизни. Такие обстоятельства могут быть классифицированы как экономическое и финансовое насилие и часто встречаются в семьях, где живут девочки-невесты. Такое происходит еще и потому, что девочки воспринимаются как неспособные к правильному обращению с деньгами. В одном из изучаемых случаев мы столкнулись с примером экономической и финансовой эксплуатации молодой невестки со стороны семьи ее мужа, выражавшейся в полном контроле над ее заработком:

Розу украли очень молодой и заставили выйти замуж за незнакомого ей мужчину. Ее привезли в дом мужа, и она осталась жить в одном доме с его матерью, его разведенной сестрой и ее детьми. Сейчас на Розе лежит ответственность за приготовление еды в доме, уборку и стирку на всю семью. Ее свекровь устроила ее на работу в фирму своей подруги и все организовала так, чтобы зарплата ее невестки попадала ей прямо в руки мимо самой невестки. Обладая полным контролем над финансовыми ресурсами, свекровь этой девушки заставляет ее работать каждый день. Отправляя ее на работу каждое утро, она дает девушке пятьдесят сом на дорогу и на обед. Этих денег едва хватает на эти расходы. По наблюдениям исследовательской команды, Роза выглядела подавленной, измученной и истощенной (Село в Баткенской области).

В одной из наших историй мы встретили семью, где муж, который был намного старше своей несовершеннолетней жены, поделился с нами своим разочарованием женой в связи с ее возрастом. По его словам, для него особенно сложно общаться с ее родственниками,

для которых он «куйо бала», т. е. зять. Несмотря на свой старший возраст, ему приходится терпеть панибратское отношение со стороны молодых братьев своей жены, поскольку его статус мужа младшей сестры позволяет им это. Он также жалуется, что ему приходится много времени тратить на то, чтобы «воспитывать» свою жену. Этот респондент не советует другим мужчинам же ниться на несовершеннолетних девушках:

Лучше жениться на девушках на два-три года моложе вас. Тогда они более выносливые, их дух больше готов и они думают на одном уровне со своим мужем. Моя жена была слишком молодой и не могла выдерживать длинные торжества (тои). Или, мы пьем чай с родителями, и она чай разливает, сидит на краю стола, как они обычно сидят, и засыпает. Мне было стыдно. Мои родители мне сказали, чтобы я сам разливал чай. Мне это не нравится, зачем я женился, если мне нужно самому чай наливать? (Село, Иссык-кульская область).

Конечно, в этом случае мы видим значительный уровень патернализма. Неудивительно, что в этой семье мы обнаружили систематическое домашнее насилие.

3. Доступ к здравоохранению

Некая менее видимая форма домашнего насилия была обнаружена в нескольких детских браках, а именно, пренебрежение. Наши данные позволяют нам говорить о существовании семей, которые не предоставляют адекватный уровень доступа своим несовершеннолетним снохам к услугам здравоохранения и часто просто игнорируют медицинские проблемы у этих девочек. Доступ к здравоохранению, который и так осложняется низким уровнем знаний о своем здоровье, становится еще более таковым, потому что он опосредован их свекровьями. Опрошенный гинеколог в Чуйской области описывает довольно частую картину, где «молодая свекровь приводит свою беременную сноху-подростка. Мы ее спрашиваем: «что случилось?», а она нам говорит: «вот, взяли сноху, а она слишком молодая и теперь не знаем, что делать...» В таких обстоятельствах, когда сама свекровь мало образованна в вопросах здравоохранения, риск для здоровья молодых девочек повышается. Невесток к доктору приводят их кайнене, и если свекровь не считает это необходимым, то эти девушки отрезаны от доступа к профессиональным антенатальным услугам. Двойное опосредование тоже частое явление, когда сначала муж принимает решение о том, стоят ли жалобы его жены внимания его матери, которая

потом решает, является ли ситуация достаточно серьезной, чтобы обращаться к докторам. Конечно, во многих случаях свекрови девушек проявляют заботу о здоровье своих невесток, но нам также попались несколько случаев открытого пренебрежения здоровьем келин. До появления острых проявлений проблем с самочувствием, как например, кровотечение, семья не считает необходимым вести ее в больницу. «Если в первый раз проблем не было, во второй раз почему должно быть?» – такое объяснение бездействию часто можно наблюдать в наших данных. Ниже мы приводим конкретный пример:

Я была беременной и работала в огороде и плохо себя чувствовала. Они мне сказали, что пройдет. Когда кровотечение началось, я их попросила меня в больницу отвезти, но они мне сказали, что оно само прекратится. Я вышла на улицу, и наш сосед меня увидел. Он пришел и стал кричать на них, и они меня отвезли в больницу [у этой респондентки впоследствии произошел выкидыш] (девочка-невестка, село Баткенской области).

Это пример явного домашнего насилия, которое выражается в отказе семьи предоставить девочкам доступ к адекватному уровню к услугам здравоохранения. Другие подобные случаи также были обнаружены в нашем исследовании. Один особенно жестокий эпизод очень впечатлил нашу исследовательскую команду. Муж шестнадцатилетней девушки отказывался вести ее в роддом, когда у нее начались схватки, потому что, по его мнению, она кричала «недостаточно громко». Даже его мать была удивлена отсутствием заботы о ней с его стороны:

Я сказала Рустаму, чтобы он позвонил в скорую. Он мне говорит: «Нет, когда она реально орать начнет, тогда позвоню». Я спросила его: «Зачем ждать? Кто тебе сказал, как она должна кричать?». Я уперлась и отвезла ее в больницу.

Такое несоответствие между ожиданием от невесток воспроизвести потомство и отсутствием заботы о ее здоровье поразительно. Обычно ожидается, что невестка забеременеет сразу же после того, как ее привезут в дом жениха. Несмотря на то, что более 80% опрошенных в исследовании ЮНФПА и НСК (2016) считают, что восемнадцатилетние девушки еще физически не готовы к беременности и что ранние браки могут навредить здоровью девушек, более половины этих же респондентов выразили мнение, что эти девочки должны рожать детей сразу же после замужества.

После рождения первенца давление не утихает, и от невесты будут ожидать рождения или хотя бы зачатия второго ребенка. Таким образом, успешность женщины как снохи измеряется количеством детей, которых она сможет родить, а давление производить потомство – неизменный компаньон семейной жизни девушек. Ни в одном из нами изученных случаев мы не услышали о рекомендуемой медиками «паузе» между рождением детей. Дородовой уход практически не существует и не считается необходимым во многих семьях, особенно если они живут в отдаленных районах республики. Короткие интервалы между рождением детей могут нести в себе риски для здоровья, такие как преждевременные роды, низкий вес ребенка при рождении и другие осложнения. Кроме того, объем работы по хозяйству значительно увеличивается с каждым рожденным ребенком, в то время как домашние обязанности остаются на плечах женщин. Физическое истощение становится дополнительной проблемой для здоровья.

Неспособность производить потомство ложится тяжелым бременем на молодых снох и является психологической «опухолью» для девушек, которые не смогли забеременеть в течение первых шести месяцев после замужества. Зачастую самые молодые из наших респонденток столкнулись с проблемами зачатия. В таких ситуациях практически все члены семьи, которых нам удалось опросить, обязательно упоминали об этом, как об основной проблеме всей семьи.

Имеет смысл предположить, что в условиях раннего брака такие проблемы, как незрелость репродуктивной системы, психологический стресс (страх, смущение, боль), тоска по дому и другие проблемы адаптации могут объяснить, почему беременность не наступает. Девочки объясняют это народными высказываниями типа, «моя матка не держит» ("матка кармана кылбайт") и находятся в порочном кругу, где их физиологическая и психологически объясняемая неспособность к зачатию снова создает ситуацию стресса, которая в свою очередь продолжает неблагоприятно влиять на ее репродуктивный успех.

Несколько из наших респондентов пережили потерю беременности на разных ее стадиях. Это может быть связано с тем, что беременность и роды не освобождает, а наоборот, усугубляет объем домашних обязанностей девушек. Типичные обязанности келин, особенно в контексте сельского образа жизни, требуют от них выполнения физического труда (например, носить

ведрами воду, стирать вручную на улице в холодную погоду, выпекать хлеб в глинобитных печах и т.д.), что подрывает их здоровье и не способствует вынашиванию беременности.

В более бедных семьях команда исследователей смогла заметить признаки анемии среди молодых невесток, и, в целом, угрозу продовольственной безопасности. Исследователи отметили отсутствие разнообразной пищи в таких семьях, а обычный рацион составляли в основном хлеб, варенье и чай. Они увидели, как физически истощены некоторые келин. Особенно поразил случай, увиденный в одном селе Нарынской области, где мы изучали случай раннего брака между шестнадцатилетней девушкой и двадцатипятилетним мужчиной. Пара проживала в небольшом плохо меблированном доме вместе матерью мужа. На этот момент девушка была беременна своим вторым ребенком, а ее первенец был еще очень маленьким. Ни муж, ни она сама официально не работали, и единственным кормильцем в семье была его мать. Ниже мы приводим выдержку из интервью с этой девушкой, которую мы условно называем Зарина:

Зарина: Мне всегда плохо, я всегда кушать хочу.

Интервьюер: Тебе что-то особенное хочется?

Остро, сладкого?

Зарина: Нет, я просто кушать хочу. Я хочу кушать и сейчас тоже.

Интервьюер: Токсикоз?

Зарина: Ну, когда я его прошу [мужа] мне что-нибудь привезти, он привозит... если деньги есть. Я хочу поехать к сестре. Она манты сделает, и я наемся, сколько хочу.

Когда это интервью закончилось, пара угощала исследователей чаем, с работы возвратилась свекровь девушки. Девушка поинтересовалась у свекрови, привезла ли та еду с базара, и очень расстроилась, когда узнала, что нет. В итоге девушка поела хлеб с вареньем и запила чаем. Нам стало понятно, что в этой семье девушка не получает адекватный уровень питания и было видно, что она недоедает.

Девочки-невесты из таких семей находятся в сложном положении. С одной стороны, от них ожидают производить потомство, с другой стороны, они не получают необходимой поддержки для сохранения своего благополучия и здоровья. Несмотря на то, что мы сами не собирали данные о последствиях таких обстоятельств на здоровье рожденных детей, мы знаем из многочисленных существующих источников, что недоедание среди беременных

женщин, а также непропорциональный объем работы по дому может отразиться на здоровье и развитии ребенка. Важно отметить, что такая ситуация происходит в контексте очень высоких показателей материнской смертности в стране,

высокими среди стран бывшего Советского Союза. И, несмотря на то что в собранных нами данных значится только один случай материнской смерти, боль и страдания, о которых говорили респонденты, отмечались в большом количестве случаев.

3.3

РОЛЬ ФОРМАЛЬНЫХ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

1. Медицинские услуги и работники здравоохранения

Нельзя недооценить важность роли медицинских институтов в решении проблемы ранних браков. Медицинские работники, в основном гинекологи, самым непосредственным образом работают с вопросами физического здоровья, а иногда и психологического благополучия девочек-невест.

Обменная карта (или обменка) является клинической записью о состоянии беременной клиентки и представляет собой важный документ, содержащий информацию о каждой несовершеннолетней невесте, которая обращается за медицинской помощью. Она может стать полезным инструментом для систематической идентификации и локализованного решения отдельных случаев детских браков. В этом исследовании мы провели глубинные интервью с медицинскими работниками и узнали, что они знают и как относятся к детским бракам, а также какие услуги они для них оказывают.

Все опрошенные нами медицинские работники заметили рост темпов подростковой беременности. Одна из них удивлялась что, «таких очень много, шестнадцатилетних, семнадцатилетних детей. Есть много тех, которые беременеют до восемнадцати. Это новая тенденция. Их много, и многие сохраняют беременность» (город в Чуйской области).

Практически все опрошенные медицинские работники придерживаются двойственной позиции по отношению к детским бракам. Отвечая на прямой вопрос, они занимают явно негативную позицию и объясняют ее на медицинском языке такими факторами, как психологическая и физиологическая «незрелость», «медицинские проблемы», а также «украденное детство» и т.д. В целом они считают детские браки чем-то, что «нормальные люди в нормальных ситуациях

обычно не делают. В качестве примера, один медицинский работник сказал: «[детские браки] это вынужденная мера. Любая мать, любой отец, любые родители скажут, "эй, подожди, сейчас слишком рано для тебя". Эти молодые люди не готовы к материнству или отцовству, потому что они сами дети» (город в Чуйской области). Другой медицинский работник считает, что «они не должны жениться рано. Я думаю, что нужно сначала получить образование, знания, а потом жениться. В противном случае, где она будет жить, где она будет работать, как она будет жить?» (Айыл окмоту, Чуйская область).

Тем не менее, когда мы задавали вопрос в менее прямолинейной форме, принципиальность ранее высказанного негативного мнения заметно снижалась. Ниже мы приводим цитату из интервью с опытным медицинским работником (более тридцати лет стажа), где это прослеживается особенно явно:

Детородный возраст – от 18 до 49 лет. Даже если до 18 лет женщина может быть физически готова, психологически она не готова. Она не сможет полностью почувствовать материнство. Хотя у некоторых получается, и они живут в нормальных семьях и становятся полноценными матерями (Чуйская область).

В другом интервью мы спросили гинеколога, позволит ли она своей родственнице выйти замуж до восемнадцати лет, на что она незамедлительно

ответила: «зависит от того, в какую семью она попадет». Медицинские работники проводят четкую различительную грань между детскими браками среди «нормальных» и неблагополучных семей. Такое двойственное отношение медицинских работников к ранним бракам отражается на качестве и количестве медицинских услуг, которые они оказывают нуждающимся.

Во многих случаях несовершеннолетние матери представляют собой дополнительную заботу для докторов, акушерок и медсестер в связи с большой распространенностью дородовых, послеродовых осложнений и сложных родов у несовершеннолетних беременных. Наши респонденты в этой категории перечисляли, среди прочих, такие медицинские осложнения, как узкий таз, неправильное предлежание, кровотечение, токсикоз третьего триместра и общий уровень физической незрелости. Преждевременные роды распространены среди несовершеннолетних матерей, также часто возникает необходимость в реанимационном уходе за новорожденными таких матерей. На одну тенденцию нам указывает опрошенный врач-гинеколог:

«Несовершеннолетние беременные приходят всегда поздно [чтобы встать на учет]. Это проблема». Не только такое поведение снижает эффективность ранней диагностики и профилактики, отсутствие необходимых документов, таких как обменная карта, в значительной степени тормозит процесс получения любых медицинских услуг, потому что врач не обладает всей нужной информацией.

Вот как это обычно происходит, по словам медицинских работников: «Мы хотим посмотреть в обменку. У нее нет обменки. Она никогда на учет не вставала, ни один врач ее не вел, даже УЗИ нет» (город в Чуйской области).

Обменка – это обязательный документ, и перед тем, как любой доктор или акушерка будет проводить осмотр или лечение, она должна убедиться, что обменка правильно заполнена. Если обменки нет, им приходится выполнять и эту функцию, которая требует от них много времени. Один врач-гинеколог из пригородной больницы в Бишкеке объясняет:

Мы их спрашиваем [беременных подростков]: «Ты в школе учишься? Ты заканчивала школу?» Эти девочки школу не заканчивали! Они семь классов закончили или четыре. Среди них есть

безграмотные. Они не умеют писать. Они должны форму заполнить, чтобы встать на учет. Они сами это должны делать. Они должны подписать, что они согласны встать на учет, чтобы их вели и приходиться на прием. Они сами должны писать. Нам приходится переводить им форму на кыргызский язык, объяснять каждый вопрос. Мы им показываем, как свою фамилию писать. Они даже свои фамилии не могут написать...

Медицинский персонал в этом случае должен выполнять функции регистратора, учителя, переводчика, наставника и так далее. Такие «неожиданные» новые обязанности отвлекают врачей от основной работы, снижают продуктивность и очевидно фрустрируют их.

Также среди медицинских работников отмечается снижение эмпатии к девочкам-невестам и беременным несовершеннолетним, что влияет на качество оказываемых им медицинских услуг. Такое обвинительное отношение находит выражение в отношении, с которым медперсонал подходит к лечению таких пациентов. Такое ощущение, что они хотят наказать их за то, что они считают «недостойным поведением». Из интервью с еще одним доктором мы поняли, насколько техническим является их подход во взаимодействии с беременными подростками:

Ну, мы в детали не вдаемся. Я просто ей говорю, что, если она сделает аборт, она может навсегда стать бесплодной. Я ей говорю, еще у нее может быть выкидыш и, если кровотечение будет и оно не остановится, мы ей матку удалим (город в Чуйской области).

Понятно, что такой разговор абсолютно не свидетельствует об эмпатийном и дружелюбном отношении этого сотрудника. Наоборот, этот отрывок можно эффективно использовать как демонстрацию открыто негативного и безразличного отношения доктора к переживаниям, страхам и пожеланиям таких пациентов. В какой-то мере такой подход передает такой посыл: как «попала в переделку, так и выбирайся теперь». Еще одна грустная история заслуживает обсуждения, поскольку она очень ярко показывает, как стереотипы и предубеждения медицинских работников могут вылиться в неэтичное поведение, механический «мяснический» подход и даже привести к драматическим последствиям (Кейс стадии 3).

Кейс-стади #3:

Подростковая беременность: неспособность репродуктивной системы и больничное лечение

Валерии было 14 лет, когда она познакомилась с Константином, которому было 25 лет. Они начали встречаться и потом обручились, в основном для того, чтобы успокоить маму Валерии, которая переживала из-за разницы в возрасте. Валерия вскоре забеременела, и хотя это было незапланировано, ребенок был желанным.

На шестом месяце беременности у Валерии открылось кровотечение, и Константин отвез ее в больницу. По словам Валерии и ее мамы, когда они приехали в больницу и ее осмотрели, ей поставили капельницу. Медсестра, которая поставила капельницу, послушала сердцебиение и уверила их, что с ребенком все в порядке и кровотечение было незначительным. Однако, у доктора была иная версия. Как рассказала Валерия, «Доктор Т. зашла, засунула в меня руку, покопалась там и приказала готовиться к операции. Они сделали кесарево, я проснулась, а ребенка уже нет».

Константин, будучи в больнице тоже испытал унижение, когда эта врач покровительственным тоном попыталась уверить его в том, что Валерия ему не нужна. Со злостью в голосе Константин рассказывает,

«они [доктора] невнимательно отнеслись к нашему ребенку. Знаете, я даже вам могу рассказать один момент. В больнице, эта доктор, она мне сказала, чтобы я бросил Валерию как можно скорее. Доктор! Она меня не знает и такое мне говорит! Почему? Я уже дома все приготовил, ремонт сделал и тут такое. Я с ней до последней минуты был!»

Было бы поспешно выступать с официальными обвинениями против этого доктора Т. ввиду отсутствия доказательств. Валерия не наблюдалась в больнице, у нее не было врача, который бы вел ее беременность, и у нее не было обменной карты. Ей было на тот момент 14 лет, и все это могло дать повод докторам отнести ее к группе неблагополучных, проблемных пациентов. Ее совет Константину мог быть продиктован дружелюбными мотивами, а ее быстрое и механически принятое решение к Валерии тоже могло иметь оправдания. Однако, все эти действия вместе демонстрируют глубоко сидящие предубеждения, которые, в конечном итоге, оказывают влияние на качество медицинских услуг.

Мы должны отметить, что в этом случае мы услышали о редком случае, когда доктора в больнице на самом деле проинформировали офис прокурора о несовершеннолетней беременности, когда Валерия поступила в больницу. Прокурор возбудил уголовное дело против Константина. Валерия и ее мать писали объяснительные записки, подтверждая, что у них нет претензий против него. В конечном счете, Константина отпустили.

1. Отсутствие межведомственного взаимодействия

Интервью с медицинскими работниками указывают на институциональную изоляцию в реагировании и решении проблем детских браков и подростковой беременности. Медперсонал пожаловался на «отсутствие интереса» со стороны других государственных служб и учреждений. «Мы не

сообщаем в правоохранительные органы, потому что мы не видим никакого смысла», – сказала гинеколог в одном из городов в Чуйской области.

Для этого медицинского работника, как и для многих других представителей системы здравоохранения, такая ситуация возмутительна:

Никому этот вопрос неинтересен [детские браки]. В советское время, когда такие девочки поступали в больницу, например, шестнадцатилетняя, мы сразу же сообщали в милицию, потому что милиция заводила дело на тех, кто был причастен. Сегодня никто не заботится об этом... Мы только обращаемся к правоохранительным органам, когда мы имеем дело со случаями беременности у тех, моложе 16 лет, когда у нас есть случаи четырнадцатилетних или тринадцатилетних беременных женщин. В таких случаях мы вызываем милицию, но они не реагируют. Они не реагируют.

В то же время представители сектора школьного образования также воспринимают свою работу по раннему предупреждению детских браков как изолированную, а вовлечение медицинского персонала недостаточным. Они считают, что они работают по этой проблеме в одиночку. Ниже мы приводим отрывок из интервью с директором школы:

По ранним бракам, в любом случае, медицинские работники должны быть более активными. Я прошу их: «Ну придите, проведите беседу». Они должны заботиться о сохранности наших будущих поколений. Я имею в виду, здоровое поколение детей в Кыргызстане. У них тоже должна быть программа, и по этой программе они должны ходить в школы, разговаривать со школьниками, приводить реальные примеры из жизни и так далее.

Представители школы не чувствуют поддержку в своей профилактической работе. У них складывается впечатление, что их вклад и работа не получает должного признания и остается незамеченной. Они считают, что им несправедливо навязали дополнительную работу, которая еще и никак не оплачивается,

Почему-то школьным учителям поручили задания по ранним бракам, «давайте, приглашайте имама, организуйте круглый стол, приглашайте медиков, приглашайте женкомитеты. Это не наша работа, это ваша работа». И если вдруг у кого-то ранний брак, это считается нашей ошибкой. Это не наша ошибка.

Мы приводим пример профилактической работы в школах в следующей цитате:

После того как в 2013 году две школьницы вышли замуж несовершеннолетними, мы усилили профилактическую работу среди родителей, детей, девочек и мальчиков. Мы организовали круглый стол и пригласили медиков на тему «Ранние браки – вред здоровью». Мы также пригласили имама, чтобы он мог рассказать, по Шариату разрешены ранние браки или нет. Он был на нашей стороне, что ранние браки действительно вредят здоровью и что все сначала должны вырасти, расцвести и только потом давать плоды. Беседа проводилась отдельно для мальчиков, отдельно для девочек... (Директор школы, село в Иссык-кульской области).

Из цитаты выше становится понятно, что профилактические меры требуют работы значительного объема, особенно с точки зрения организации и обеспечения межотраслевой представленности. Такая деятельность не имеет прямого отношения к обучению, но требует значительных неоплачиваемых усилий и времени. В таких условиях учителям и администрациям школ сложно выстраивать свою работу таким образом, чтобы уделять достаточное количество времени для регулярной работы по предупреждению ранних браков и ала качуу.

Любой случай детского брака, подростковой беременности или похищения невесты, произошедший со школьниками, считается чрезвычайной ситуацией. Когда происходит чрезвычайная ситуация, по протоколу, школа обязана информировать вышестоящие органы управления образования и связанные с ними органы, такие как районный отдел образования или районное управление образования. В этом случае пишется отчет, который сопровождается объяснительной запиской от завуча и классного руководителя класса, где училась потерпевшая. Классный руководитель должен написать характеристику ученика или ученицы, предоставить журнал оценок и справку из школы о том, что данный ребенок действительно обучается в их школе. Необходимо также предоставить подробное описание того, что было сделано администрацией школы для предотвращения того, что произошло. Объяснительные записки от родителей учеников также прилагаются к отчету. После этого созывается специальная комиссия в соответствующем отделе акимата (районной администрации в городах) или айыл окмоту и с участием государственной инспекции по делам несовершеннолетних. Комиссия состоит из заместителя главы акимата, инспектора по делам несовершеннолетних, районной милиции, родителей, классного руководителя и завуча. Классный руководитель и завуч должны предоставить объяснение, как школа позволила этому случиться, и представить классные журналы, листы посещаемости и т.д. Социальные педагоги обязаны посетить дома рассматриваемого ученика, изучить условия их жизни и написать отчет о посещении. Они также должны предоставить социальный паспорт ученика с описаниями ее личности, привычек, способностей и т.д. Школьный психолог должен предоставить свой отдельный отчет, в котором описывается все то, что было сделано с точки зрения профилактики ранних браков и подростковой беременности и т.д. Они должны предоставить краткое содержание своих

профилактических лекций ИДН. В большинстве случаев на родителей налагается штраф за попустительское отношение к детям в размере около триста сомов и школа получает официальный выговор.

Такого характера институциональное давление вкупе с пресловутым отсутствием сотрудничества со стороны других институтов может помочь объяснить наши наблюдения о мотивации школ избавляться от всех «подозрительных» учеников. Социальный педагог в своем интервью ясно дает понять, что для замужних учениц продолжать обучение в школе почти невозможно:

Как мы будем давать ей образование после того, как она вышла замуж? Это даже не вопрос о том, как мы должны дать ей образование; речь идет о том, как другие будут реагировать на это. Даже если она хочет учиться... у нас не было девушек, которые продолжали свое обучение в школе после того, как вышли замуж. У нас нет таких случаев. Мы не считаем, что учиться после замужества – это дико, но другие люди могут пострадать от этого (Социальный педагог, село в Таласской области).

Родители других детей согласны с таким мнением и активно сопротивляются присутствию «плохого примера»:

Когда моя младшая дочь выпускалась из школы, у них в классе была беременная девушка. Она сдавала экзамены с огромным животом. Как родитель, я плохо отношусь к этому. Мы считаем, что это подает плохой пример. Другие дети могут захотеть сделать то же самое» (Мать школьницы, село в Иссык-Кульской области).

Такие интервью указывают на существование предубеждений среди родителей и работников сферы образования.

Было бы неправильно, однако, не включить в наш отчет две положительные истории, которые мы услышали. Как и в ситуации, описанной в последней цитате, одна беременная невеста-школьница была исключена из средней школы в Чуйской области, «потому что директор не хотел, чтобы она училась в школе». Тем не менее, девушка хотела закончить школу, и ее мать обратилась в суд. Семья выиграла это дело в суде, и эта школьница закончила школьное образование, несмотря на то что была замужем.

Второй случай произошел в селе в Баткенской области, где мы узнали о молодом человеке, который сам, будучи недавним выпускником средней школы, женился на шестнадцатилетней школьнице. Он принял решение о переезде в семью своей жены из своего села и ждал, пока она не закончит школу.

Эти две «истории успеха» являются исключением, которые доказывают то, что молодые невесты на самом деле могут продолжать свое образование, если они получают достаточную поддержку со стороны своих семей. Эти истории опровергают устойчивое мнение о взаимоисключении «или замужество, или школа, одно из двух», которое мы часто слышали в своих интервью.

Как ни странно, школа как физическое здание (так считается) представляет собой повышенную угрозу для безопасности девушек, и эта угроза настолько велика, что она заставляет семьи отказаться от образования своих дочерей. Эта угроза действительно реальна.

От группы местных активистов в нескольких областях мы узнали, что школьные мероприятия, изначально обозначающие важные моменты в процессе получения школьного образования, такие как последний звонок и выпускные вечера в школах, фактически рассматриваются как «ярмарки невест». Молодые люди и их семьи приходят посмотреть на эти мероприятия и выбирают потенциальную невесту. По мнению некоторых школьных учителей, а также милиционеров, многие похищения невест происходят во время или сразу после выпускного бала. Среди самих выпускниц быть украденной таким образом считается даже престижным и воспринимается как знак признания ее достоинств. Стоит отметить, что для школьных учителей такого рода похищения гораздо предпочтительнее, потому что к этому времени девочки уже не ходят в школу и администрации не приходится нести за них ответственность. У нас есть также связанное с этим наблюдение, что некоторые учителя просят свои сообщества похищать невест в летнее время, то есть во внеучебное время, пока классы еще не укомплектованы.

Посещение школы требует присутствия школьниц в общественных местах, включая улицы и дороги, где они постоянно рискуют быть похищенными.

2. Религиозные лидеры

Роль религиозных деятелей в одобрении и потворстве детским бракам стала широко обсуждаться в последние годы. Нике, мусульманский обряд заключения брака, приобрел приоритетное значение по сравнению с гражданской регистрацией брака (ЗАГС). Истинным браком считается именно нике, а ЗАГС воспринимается как досадная формальность, необходимая для получения свидетельства о рождении в таком браке детей. На самом деле, ЗАГС часто считают чем-то навязанным, неприсущим для местного сообщества, тем, что "для русских" (из интервью с одним респондентов).

Данные, полученные в исследовании ЮНФПА и НСК (2016), подтверждают наши наблюдения и показывают в количественном выражении повсеместную распространенность браков, основанных только на обряде нике. Исключение составляет город Бишкек, Нарынская и Таласская области, где официальная регистрация брака отдельно или в сочетании с нике является более предпочтительным вариантом. Это исследование показывает, что браки на основании нике (без официальной регистрации брака) в основном характерны для более молодых женщин (18-30 лет), людей с более низким уровнем формального образования и респондентов из бедных семей. Действительно, 65% женщин и почти 70% мужчин считают религиозное заключение брака, без церемонии ЗАГС, достаточным. В сельской местности 74% респондентов считают нике единственной необходимой процедурой бракосочетания, в отличие от 55% - в городской местности. Довольно высокий процент женщин (37%) и мужчин (39%) выразили несогласие с законодательной инициативой о запрете религиозного брака, если ей предшествовала официальная регистрация брака. Эти данные показывают, что семейные и брачные ценности трансформируются в сторону приоритизации религиозного брака. Женщины, тем не менее, в большей степени, чем мужчины, сообщили о негативных последствиях незарегистрированного брака и более позитивно относятся вышеуказанной законодательной инициативе, чем мужчины. Кроме того, достаточно высокий процент респондентов (например, 24% в Чуйской области), затруднились с ответом (не хотели отвечать или не знали), что еще раз показывает сложность противоречия между религиозными предписаниями и правовыми нормами.

В отличие от официальной регистрации брака в ЗАГСе, процедура нике гораздо менее регулируема

и не включает этапа проверки личности брачующихся, предоставления от них письменного заявления, ожидания регистрации продолжительностью 30 дней с момента подачи заявления. Таким образом, нике является упрощенной, ускоренной альтернативой ЗАГСа с потенциалом трансформироваться в мощный фактор, способствующий детским бракам, усиленным религиозной легитимностью и авторитетом ритуала нике.

Обряд бракосочетания нике проводится, как правило, местными религиозными служителями в статусе имама или молдо. Их приглашают в дом жениха незадолго до церемонии (даже в тот же день). Средства массовой информации и гражданские активисты активно протестуют против практики проведения нике с несовершеннолетними невестами. Как показывает исследование ЮНФПА, около 90% мусульманских лидеров в Кыргызстане выступают против похищения невест (ЮНФПА, 2012). Тем не менее, многие дают свое благословение таким бракам, объясняя это тем, что к тому времени, как их приглашают провести нике, женщины уже дают свое согласие на брак (ЮНФПА, 2012).

Наш анализ предлагает более тонкое понимание когнитивных, поведенческих и эмоциональных мотивов одобрять ранние браки у религиозных лидеров. Опрошенные религиозные служащие представляли разнообразную группу с точки зрения уровня богословского образования, опыта и возраста. Эти личные характеристики оказывали влияние на их ответы, но некоторые общие тенденции мы все же смогли выявить. Поразительной тенденцией среди этой группы респондентов стала низкая осведомленность о ранних браках в их сообществе и укоренившееся мнение, что таких браков «у них нет». Было замечено, тем не менее, что при этом они указывали на большое количество браков с шестнадцати или семнадцатилетними невестами. По-видимому, они не воспринимают браки с девушками в возрасте шестнадцати лет и старше «ранними». Главным образом, это происходит потому, что в шестнадцать лет девушки уже получают паспорт, а религиозные лидеры считают владение паспорта знаком зрелости. Для этой группы респондентов брак считается ранним, если невесте меньше пятнадцати лет.

С точки зрения процесса стало очевидно, что религиозный служитель, приглашенный провести нике, не имеет реальной возможности выявить несовершеннолетний возраст невесты, потому что она физически скрыта (за занавеской) от остальных

участников бракосочетания и окружена джене. Имам вынужден полагаться на честность приглашающей стороны в этом вопросе. В вопросе получения добровольного согласия со стороны невесты ситуация такая же. Например, процедура требует, чтобы невеста выразила согласие на брак, произнесла слово "Да". Имам должен поверить, что ответ, который доносится из-за занавеси, на самом деле принадлежит невесте, а не активным джене. В то же время, считается, и широко признано, что невесты, по причине скромности и целомудрия, не должны слишком резко говорить: "Да". Напротив, они должны дать свое согласие тихим, еле слышимым голосом и не совсем внятными образом. В этом случае практически любой звук, происходящий из-за занавески, может расцениваться как согласие невесты на брак. Такие условия делают процедуру религиозного бракосочетания нике достаточно (слишком) легкой.

Все опрошенные религиозные лидеры владеют информацией о предписываемом законом Кыргызской Республики возрасте для вступления в брак, который составляет восемнадцать лет – как для женщин, так и для мужчин. Такая информация предоставляется в ходе ежемесячных заседаний имамов и молдо на уровне айыл окмоту или районов.

Например, главный имам айыл окмоту в Джалал-Абадской области объясняет: «Я собираю всех имамов в айыл окмоту, даю указания, направляю их, мы обсуждаем новые законы и политику. Именно здесь мы обсуждали проведение нике и регистрацию брака в ЗАГСе».

Тем не менее, большинство из опрошенных религиозных лидеров были неоднозначны в своих ответах. С одной стороны, они, как правило, согласовывали свои ответы с правовой нормой.

С другой стороны, они также верят в религиозные предписания о соответствующем возрасте для вступления в брак. Существуют религиозные основания, которые мощно противостоят государственным нормам:

По Шариату, Аллах является создателем человека, он знает человека. Он создал его и знает, на что человек способен и каковы его возможности. В Шариате существует система под названием 'балагата'. Достижение балагата происходит в определенном возрасте в зависимости от исторической эпохи. Когда пророк был жив, балагата был 9 лет для девочек и 12 лет для

мальчиков. Теперь наши ученые говорят, что мальчики достигают балагата в возрасте восемнадцати лет, в то время как для девочек это возраст пятнадцать лет, после того, как они начинают менструацию (Главный имам, Джалал-Абадская область).

Эта цитата иллюстрирует лейтмотив для большинства интервью, где религиозно предписанные правила используют биологическое обоснование целесообразности ранних браков (например, менструацией). Кстати, 16% взрослого населения считают, что рост детских браков именно обусловлен растущим влиянием ислама (ЮНФПА и НСК, 2016).

Несколько молдо высказали критику в адрес девушек, которые ждали до двадцати пяти или тридцати лет, чтобы выйти замуж. По их мнению, семьи таких девушек были недовольны, а также в семье возникало больше конфликтов. Ниже мы приводим слова одного молдо из Чуйской области, который объясняет свою точку зрения следующим образом:

Когда двадцатипятилетние или тридцатилетние девочки выходят замуж, в этих семьях будет много конфликтов и скандалов. [...] Вы знаете сами, что в прежние времена наши матери и бабушки выходили замуж, когда им было четырнадцать, пятнадцать и шестнадцать. Несмотря ни на что, они делали все, чтобы создавать счастливые семьи. Что происходит сейчас? Теперь девушки выходят замуж после того, как им исполняется восемнадцать. Когда ее муж прикрикнет на нее чуть-чуть или свекровь поругает, она обижается. Так не должно быть... (молдо, Чуйская область).

В этом контексте сила законодательной нормы теряет большую часть своей актуальности. Религиозные предписания, личная система патриархальных ценностей и, возможно, самооправдание, совместно представляют собой гораздо более сильную и внутрисогласованную систему одобрения ранних браков для девочек. Не стоит забывать и то, что любой религиозный деятель также является членом своей общины и находится в разных взаимозависимых отношениях с другими сельскими жителями, помимо своей роли в качестве имама. Даже главный имам говорит о себе так: «Семья моя бедна. Мы живем и работаем в нашем сообществе, как я себя помню, среди людей». Эти компоненты индивидуальной идентичности не могут быть отделены друг от друга, и во многих случаях религиозные деятели

демонстрируют высокую степень соперничества со своими односельчанами, которые просят у них провести нике для своих сыновей, которые женятся на несовершеннолетних девочках. Такие ситуации часто связаны с давлением на молдо со стороны жителей деревни. Один молдо рассказал нам что, «так бывает, что владелец дома волнуется, что уже расходы сделаны, и он пойдет на все, чтобы заставить молдо провести нике». Молодые и менее опытные молдо могут быть особенно уязвимы давлению со стороны местных авторитетных фигур. Такое конформное поведение со стороны молдо становится еще более вероятным, если они уверены в том, что ответственность за их поведение будет полностью взята на себя родителями невесты или жениха. И такой аргумент часто используется, чтобы «донажать» на имама или молдо.

Тем не менее и несмотря на все вышесказанное, было бы неправильно рассматривать религиозных деятелей исключительно как жертв разного рода давления. На самом деле мы выявили, что они используют один распространенный способ, с помощью которого они научились справляться с противоречащими обстоятельствами – это расписка. Расписка представляет собой письменное заявление, подтверждающее личные решения индивидуального лица. Молдо может запросить два типа расписок, одна от родителей невесты, подтверждающая, что они согласны на брак своей дочери, а вторая от самой невесты, которая подтверждает свое согласие вступить в брак. Как нас проинформировали, с 2010 года молдо и имамы должны запрашивать паспорта пары и две расписки. Начиная с 2010 года, многие молдо сообщили о более строгом контроле со стороны государства над процедурой нике. Все опрошенные лица в этой категории утверждали, что они откажутся от проведения нике, если невеста слишком молода. Однако только в одном случае один опрошенный имам на самом деле отказался проводить нике с несовершеннолетней невестой:

Если невеста несовершеннолетняя, я прошу ее мать и отца дать мне расписку, и невесту тоже. И только после этого я делаю нике. Только в случае, если они дают мне расписки, я могу провести нике. После получения расписки от невесты, где она говорит, что она выходит замуж по своей доброй воле, и от ее родителей, что они согласны на брак своей дочери, я прочитаю молитву. В одном случае невеста отказалась писать такую расписку, так что я отказался делать нике и ушел из этого дома (главный имам, Джалал-Абадская область).

В данном конкретном случае статус и авторитет имама позволили ему отказать в просьбе провести нике и уйти (к сожалению, что случилось с этой конкретной женщиной в дальнейшем, осталось неизвестным). В большинстве случаев, однако, для священнослужителя отказать в просьбе провести нике – это трудное, нежелательное и рискованное решение. Они должны сделать выбор между нарушением правовой нормы, которая карается по закону, и нарушением социальных ожиданий, что карается согласно общему праву. Часто бывает так, что последствия последнего значительно перевешивают первое. Становится очевидным, что необходим комплексный подход в разработке политики, который ослабит вес социальных издержек отказа от проведения нике.

Практика получения расписки, несомненно, вызывают озабоченность. Очевидно, что они могут быть использованы для отвлечения внимания и в значительной степени маскировать незаконный акт проведения нике с несовершеннолетними невестами. Юридическая сила расписки также сомнительна, так же, как и обстоятельства, при которых был получен такой документ. Но существование практики расписки, независимо от того, насколько она распространена по всей стране, демонстрирует ряд важных аспектов.

Одним из них является растущая серьезность отношения к незаконной регистрации брака с несовершеннолетними людьми. Во-вторых, она показывает готовность этих людей изменять свое поведение и даже вносить изменения в жесткую процедуру нике. В-третьих, само существование практики расписки означает существование пространства, где систематические профилактические мероприятия могут быть разработаны в сотрудничестве с религиозным сообществом.

3. Правоохранительные органы

В общей сложности двадцать интервью с представителями правоохранительных органов (в том числе трех женщин) было проведено в рамках нашего исследования. Большинство из опрошенных были участковые и представители государственной инспекции по делам несовершеннолетних. Похищение невесты и раннего возраста браки преследуются по закону, и вполне логично предположить, что правоохранительные органы будут принимать непосредственное участие в предотвращении и преследовании этих практик. Однако наши данные

показывают, что эта связь не является линейной и те условия, в которых работают органы правопорядка, зачастую не способствуют их прямому вмешательству. Мы увидели, что для многих из них невмешательство (то есть невыполнение своих прямых обязанностей) влечет за собой гораздо менее серьезные последствия, чем действия по букве закона.

Существуют особые условия труда, в которых работают представители правоохранительных органов. Институциональная необходимость требует от представителей правоохранительных органов ненормированных часов работы, посменно через 10 часов. Как они нам объяснили, существует иерархия, которой они должны следовать, а также им необходимо выполнять целевые показатели работы, предусмотренные в их операционных планах (к примеру, количество задержаний). Озабоченность выполнением плана часто выливается в некритичное отношение к преступлениям и личному разочарованию у милиции своей работой.

В то же время правоохранительные органы сталкиваются с отсутствием общественного доверия и уважения. Они пожаловались на публичное высмеивание и насмешки над собой со стороны общества. Они также жаловались на недостаточную экономическую и финансовую поддержку со стороны государства.

Один из факторов, ограничивающих эффективное вмешательство в практику ала качуу и ранних браков – это проблема институциональной приоритизации. И та, и другая практика, как мы поняли, вне приоритетных направлений повседневной работы милиции. Как говорит один милиционер,

Здесь в милиции у нас нет времени на это. Речь идет не только о том, что у нас нет людей, а кто-то должен придумать специальную программу. Я не думаю, что как подчиненный я могу это сделать. У меня есть своя работа, и теперь вот вы мне вопросы задаете, а я уже думать не могу, потому что мне ехать сейчас надо, отчет сдавать.

Другие респонденты тоже описали свою основную работу как связанную с вопросами предотвращения распространения религиозного экстремизма (Джалал-Абадская область), трудовой миграции (Ошская область), распределения земли и незаконных сделок с недвижимостью (Чуйская

область), уровнем самоубийств среди несовершеннолетних (Иссык-Куль область) и т.д.

У милиционеров также сосуществуют одновременно две позиции относительно ала качуу и детских браков. Имеется строго официальная точка зрения против. Как например, мы часто сталкивались с таким мнением:

Как милиционер я против этого. Я буду профилактику делать и объяснять населению, что это преступление и за это сажают в тюрьму. (Джалал-Абадская область)

Если я узнаю, что планируют ала качуу, я сразу сообщу родителям и самой девушке, потому что у меня у самого две дочки. (Бишкек)

Как только мне позвонят, я позвоню в милицию, и оперативная группа сразу же выедет. Оперативники задержат преступника и начнут расследование. (Ошская область)

Однако в ходе интервью мы обнаруживали сдвиг в сторону признания ала качуу и детских браков. Некоторые из участников признавались, что они принимали участие в ала качуу, а некоторые даже похищали своих супругов. Они часто использовали непосредственные примеры из жизни, чтобы продемонстрировать ала качуу как положительное явление. Ниже приведены некоторые цитаты из таких интервью:

Моих родственников, сестер тоже крали. Они нормально живут. В принципе, они нормально живут, у них у всех по трое, четверо детей. У них все нормально.

Может быть, у этих людей нет денег на свадьбу, ала качуу намного дешевле.

Если я услышу о раннем браке и нет официального заявления и... Если это было запланировано, это значит, что родители были в курсе. Мы ничего не делаем. Свадьба? Пусть будет свадьба. Празднование – это хорошо, и это все, что мы знаем. А что и как – это нам не интересно.

Мне все равно, украли ее или нет. Если они живут нормально, мне все равно. Еще, я сам свою жену украл тоже. Я ее знал уже, она работала в ночную смену медсестрой. Два раза ее пытались украсть на машине. Мне пришлось ее украсть... Я думаю, в особых случаях ала качуу – это нормально.

Этими наблюдениями мы не хотим сказать, что эти милиционеры не обладают знаниями о том, как необходимо реагировать в случае получения заявления с жалобой на ала качуу. Напротив, из интервью с ними мы узнали о том, что есть процесс, согласно с которому они должны действовать:

Участковый должен принять жалобу. Если она не может писать, все равно нужно написать. Пишется протокол. Это десять – пятнадцать минут. Затем надо опознать преступника. Похитителя потом привозят в участок, он должен заполнить документы. Если вина доказана, начинается уголовное дело и начинается судебный процесс. Если в течение трех дней заявитель заберет свое заявление и пишет отказ от заявления, уголовное дело прекращается. Если нет, то заводится уголовное дело, оперативная группа прибывает на место события и задерживает похитителя.

Один из наших важных выводов, однако, указывает на нежелание представителей правоохранительных органов следовать официальному способу реагирования на ала качуу или детские браки. Их "медленная" реакция и нежелание частично объясняется проверенным опытом, где заявители часто отказываются от предварительного заявления с жалобой на похищение. Конечно, милиционеры хорошо понимают причины отказа от заявления. Они осознают, что для жертв этот процесс совсем непросто, и рассказывают, что «они [истцы] говорят: это позор (уят), это стыд для жертвы. У нас есть, как выясняется, понятие стыда. Они стесняются и боятся, что девочка не сможет выйти замуж в будущем. Мы действительно можем их понять» (участковый). В то же время работать по заявлениям, на которые потом пишутся отказы, это тоже раздражает их. Им кажется, что в этом случае они тратят свое время впустую. Они, по понятным причинам, не желают заниматься тем, что они называют «шумихой», и иметь дело с истцами, которые «сосут кровь», а в конечном итоге забирают свои заявления.

Две стороны были, одна сторона подала жалобу. Другая сторона дала им немного денег, и первая партия пишет отказ, что они не имеют никаких претензий. Здесь мы ничего не можем сделать. Законы – это законы. [Уголовный] кодекс предусматривает, что в случае примирения уголовное дело должно быть прекращено.

Для некоторых особенно эмпатийных должностных лиц (в основном женщин) важно взвесить различные последствия своих решений. Они задаются вопросами о том, что будет с жертвой, если похитителя посадят. Они часто находят разумные объяснения допускающих отказ от поданного заключения в стремлении не ухудшать ситуацию для самой жертвы. Мы приведем конкретный пример:

Это был выпускной бал в одной из сельских школ. Девушка была похищена прямо с бала неизвестными мальчиками. Ее мать пришла и написала жалобу. Но через три дня она вернулась и взяла жалобу обратно из-за того, что девушка собирается выйти замуж за похитителя. Конечно, девочка осталась. Мы не знали, что произошло в эти три дня. Что делать, если половой акт произошел? Что делать, если девушка не девственница больше? Что если она забеременела сразу же? Мы посадим его в тюрьму, а потом? Кому она будет нужна? Это палка о двух концах.

Эти и описанные выше результаты объясняют, почему и как для сотрудников правоохранительных органов формальный порядок действий в борьбе с ала качуу и детскими браками – непросто. Мы хотим описать дополнительные данные, которые объясняют, почему для работников милиции может быть чрезвычайно сложно действовать строго по букве закона. Мы начнем со следующей цитаты, взятой из интервью с сотрудником милиции с опытом в органах более десяти лет и в достаточно высоком звании:

Человеку в погонах неудобно проводить такую работу. Я... Для меня, если честно, я не могу себе представить, что я вот ношу погону и знаю законы, и мой родственник похищает... Я не могу перейти эту невидимую линию. Как ты можешь быть против своих родственников, своих близких? Я не настолько.... Я имею в виду, в один прекрасный день я уже не буду работать в милиции. Я же не буду милиционером всегда. После того, как я выйду на пенсию, я не хочу, чтобы я остался один. Я должен быть осторожным. Иногда родство гораздо важнее, чем профессиональный долг.

Мы видим из этой цитаты, что существует серьезная дилемма и вопрос идентичности, где человек должен выбирать между тем, что должен делать человек в униформе, и тем, что должен делать член общины. Мы можем видеть, что существуют серьезные социальные последствия, если человек выберет первый, а не последний вариант.

Конечно, это неудобно! Это приносит очень плохие чувства! Это очень плохо, если кто-то похищает насильно другого человека. В этом нет ничего положительного. Твоя жена в шоке, и ее «я» было нарушено, у нее не будет собственного голоса, и она будет ненавидеть тебя всю твою жизнь. Но если похититель – твой родственник, я скажу ему, что его действия являются незаконными и что его могут посадить в тюрьму. Но я не смогу посадить его в тюрьму, потому что он – мой родственник. Конечно, вы не сможете пойти против родственника. Если сосед сделает это, «жакын кошунан, алыс тууганынан жакын болот», т.е. близкий сосед ближе далеко живущих родственников, поэтому история та же.

В этой цитате мы видим личное отношение респондента к похитителям. Действительно, конкретные милиционеры практически всегда служат в том же сообществе, откуда родом жених и его семья. Невеста может или не может быть из того же сообщества; практически всегда их похищают из других сел. Таким образом, сообщество, к которому милиционер будет проявлять лояльность, в котором он ищет признание, – это будет сообщество, к которому принадлежит муж, но не невеста. Таким образом, патрилокальный элемент кыргызских традиций производит особенно нещадное воздействие.

Профессиональный долг и статус члена общины противоречат друг другу, и очевидно то, что больше рисков представляет именно негибкое выполнение своих профессиональных обязанностей. Другими словами, невмешательство приносит гораздо меньше неудобств для любого полицейского. Социальная изоляция, неодобрение семьи, конфликт с другими членами общины, недружелюбность со стороны соседей и другие виды общественного давления является высокой ценой, особенно в нашем обществе, где коллективные нормы ценятся очень высоко, а родственные отношения часто связаны со всеми другими аспектами жизни. Рисковать этим нецелесообразно, особенно когда есть высокая вероятность того, что заявления могут забрать, на жалобы могут написать отказ, истцы могут оказаться вымогателями денег, а в итоге ала качуу будет иметь «счастливый конец».

Сотрудники милиции находят собственные стратегии для маневрирования между двумя вариантами. Разрешение конфликтов «на месте» является одной из них. Информатор объясняет: «хорошо, вы идете туда, чтобы выявить проблему,

провести профилактическую работу, и потом люди говорят мне, что «все нормально». Мы, азиаты, предпочитаем не выносить сор из избы» (Бишкек). Профилактическая работа в данном случае означает информационную работу любого рода и является еще одним распространенным типом решения этой проблемы.

Таким образом, не вызывает удивления тот факт, что фактическое количество зарегистрированных уголовных дел по ала качуу и ранним бракам среди всех опрошенных представителей полиции было близко к нулю. Было поразительно слышать от них почти отрепетированное описание в деталях протокола, по которому милиция должна работать в случае ала качуу, которое заканчивалось последующей фразой типа: «за все годы работы [за двадцать лет] мне не приходилось вести дело по похищению невест. В моем опыте такого не было». Или, как сказал другой информатор о случаях детских браков в своей практике, «у нас очень низкий процент ранних браков. Конечно, родители приходят к согласию, и у них не было никаких претензий друг к другу». Нигде, кроме одного поселения, где собирались данные, ни один случай ала качуу не был зарегистрирован в милиции и доведен до суда. В единственном интервью с сотрудником милиции высокого звания были упомянуты три заявления в 2015 году, два из которых были изъяты, так как истцы написали отказ от заявления, и только одно дело дошло до суда.

4. Суды аксакалов

Суды аксакалов (старейшин) – местные институты, имеющие полномочия и статус, в целом считающиеся «хорошим органом», служащим интересам населения и опирающимся на мудрость и опыт его членов. Несмотря на достаточно ограниченную роль в разрешении конфликтов, члены судов аксакалов считаются нравственными лидерами в своих сообществах. В ходе проведения интервью и фокус-групп с представителями судов аксакалов, они показали поразительный уровень внутренней согласованности и отвечали на вопросы практически идентичным образом независимо от области. Ответы аксакалов отражали законодательные нормы и сопровождались проверками на правильность (то есть, «не так ли?», «Не правда ли?»). Данная группа респондентов давала правильные ответы с точки зрения того, что хотели услышать от них исследователи, а также что ожидалось от них в рамках закона. Как следствие, мы с особой аккуратностью относимся к их словам,

а их поведение рассматриваем как источник информации сам по себе.

В отличие от других респондентов, наблюдавших высокий уровень ала качуу, у аксакалов уровень осведомленности очень низкий, некоторые из них вообще отрицали существование подобной практики. Один из них ответил так: «В течение последних трех лет у нас не было ни одного случая ала качуу» (Таласская область), а другой сказал нам о ранних браках следующее:

Нет, не у нас. Раньше были такие случаи. Ей было шестнадцать лет. Даже не закончила школу. Не училась после девятого класса. Это было шесть или семь лет назад. Ее украли. Кроме этого случая, у нас не было больше (Джалал-Абадская область)

По отношению к ала качуу аксакалы утверждали, что в реальности все ала качуу происходят только по взаимному согласию. Типичный ответ был примерно такой: «нет, у нас нет такого. Чтобы похищали, не зная друг друга, насильно, с криками и плачем, а потом в суд подавали? Нет, такого у нас нет» (Ошская область). «Похищения совсем незнакомыми [людьми] прекратились» – сказал один из аксакалов, когда его напрямую спросили, что должно быть сделано для предотвращения ала качуу. С раздражением в голосе он повторил:

У нас нет такого, [имя исследователя]. Как я уже говорил. Рааааньше, шесть или семь лет назад, был один случай. А больше у нас не было. Во-вторых, мы этому не позволяем этому случиться. (Джалал-Абадская область)

Нам не удалось уточнить, что именно предпринималось этим аксакалом, чтобы предотвратить “это”.

На первый взгляд, все эти интервью могут показаться бесполезными, потому что они частно состояли из высокопарных нормативных монологов. Однако они также продемонстрировали слабость судов аксакалов в решении вопроса, который, на первый взгляд, входит в их компетенцию, поскольку в нем участвуют члены сообщества, их нормы и ценности.

Суды аксакалов, женсоветы, молодежные комитеты [должны] работать как центры профилактики. Это то, как я бы хотел, чтобы все работало. Так, чтобы их работа не была просто формальностью, показушная организация, работающая на показу. Я бы хотел, чтобы эта организация действительно соответствовала своему названию. (г. Ош)

Действительно, ответы, которые мы получили о том, чем на самом деле занимаются суды аксакалов, были весьма фрагментарны и размыты: аксакалы просто “присматривают за сообществом”, “смотрят за порядком” и т.д. Некоторые суды были уполномочены правительством проводить работу по предотвращению неконтролируемого роста исламизма и религиозного экстремизма, пропаганды ИГИЛ среди населения и дороговизны торжеств, которую они называли “дешевой гордостью”, которая, на самом деле, вводит многие семьи в финансовые долги. Но их наиболее распространенная работа заключалась с рассмотрении разных жалоб от местного населения. Ни одного официального обращения по ала качуу суды аксакалов (которых мы опросили) не получали. Никто не имел каких-либо записей о таких случаях или же не смог вспомнить подобных случаев. В то же время вот как глава суда аксакалов объяснил это нам:

У нас нет условий, чтобы давать юридическую поддержку обществу, особенно женщинам. У нас нет необходимого оборудования, ни компьютеров, ни принтеров чтобы распечатывать обращения и протоколы. Я должен писать протоколы по ночам, дома, вручную. Если надо показать протоколы, мне стыдно их показывать. (Ошская область)

Из его слов очевидно, что главы судов аксакалов ведут записи по самым серьезным делам, которые дошли до них. Поскольку у судов аксакалов не было записей об ала качуу или жалоб о похищении невест, можно предположить, что такие дела не доходят до аксакалов или же они не считаются серьезными, чтобы вести по ним записи. Причиной этому может быть то, что как ала качуу, так и ранние браки, находятся вне мандата работы судов аксакалов.

Похищение невест есть в уголовном кодексе, но оно не подлежит нашему рассмотрению. Случаи похищения невест должны рассматриваться в прокуратуре, это в его ведении. Если пара поженилась через ала качуу и если пара хочет сохранить свой брак, и пара обращается к нам, то мы им помогаем. Но пока никто еще не обращается к нам с таким вопросом. (Нарынская область)

Действительно, закон Кыргызской Республики о судах аксакалов четко определяет типы работ, которые суды аксакалов имеют право рассматривать. Похищение невест и ранние браки находятся вне мандата судов аксакалов, поскольку они относятся к уголовно наказуемым деяниям. Как следствие, считается, что ала качуу входят в

юрисдикцию прокуратуры. Также считается, что ранние браки – это вопросы, которые должны рассматриваться школами и школами-интернатами.

Вторая причина, почему ала качуу и ранние браки не рассматриваются судами аксакалов, связана с их самопровозглашенной миссией сохранять семьи и семейные ценности. По словам одного аксакала:

Если мы можем сохранить чью-то семью, для нас это будет считаться успехом. И мы проводим много мероприятий для сохранения семьи и мирим их. Вот что для нас успех, потому что мы принимаем решения о сохранении или примирении семьи. (Суд аксакалов, Ошская область)

Для того чтобы «спасти семью», по словам всех без исключения аксакалов, с которыми проведены интервью, аксакалы будут убеждать невесту и ее семью остаться в доме мужа. В обоснование аксакалы приводят традиционные нормы и ценности, что продемонстрировано в отрывках из интервью, приведенных ниже:

Украденная девушка будет считаться воспитанной, если она не сильно сопротивляется, когда на нее надевают платок. Общество будет ей благодарно. Что о ней думает общество – очень важно.

Если девушку украли, она должны остаться!

Есть у нас поговорка, что девушка, как брошенный камень, должна остаться на месте, куда попала.

Эти традиционные взгляды сосуществуют с более нормативными и «либеральными» мотивами. Мы слышали такие мнения:

Если честно, это противоречит нашим традициям кыргызов. Ни к чему хорошему кражи невест не ведут. Если есть возможность, надо это остановить.

Я думаю, наше общество должно потихоньку отходить от ала качуу. Мы должны убрать такую практику построения кыргызских семей.

В такой ситуации [умыкание невест] я буду на стороне женщины. Я поддержу женщину. Я это сделаю. С другой стороны, насколько возможно, я сделаю выговор, и если он не слушает меня, я бы взял на себя ответственность в соответствии с законом и решил бы эту проблему таким образом.

Вполне понятно, что эти ответы отличаются по содержанию, они имеют условное наклонение, гипотетический характер, и, по всей видимости, слабо связаны с реальностью. Это может быть связано с отсутствием у них полномочий для вмешательства. Эффект социальной желательности, т. е., когда респондент хочет отвечать так, чтобы понравиться, также высоко вероятен.

5. Органы государственной власти

В предыдущих разделах были описаны дилеммы и отсутствие чувства ответственности у милиции и аксакалов при рассмотрении дел об ала качуу и детских браках. Интервью с представителями органов государственной власти показывают аналогичные результаты, с некоторой долей специфики их работы.

Местные должностные лица, такие как главы айыл окмоту, главы сельских администраций (айыл башчы), представители городской администрации и т.д., говорят, что практически не имеют опыта рассмотрения официальных жалоб по ала качуу или детским бракам. Они, как правило, отвечали примерно так: «На моем опыте такого не было», «По крайней мере, ко мне никто не обращался, я никогда об этом не слышал...», «Я как-то не могу ничего такого вспомнить и чтобы я такие проблемы решал». Они объясняли это тем, что ала качуу или детские браки не имеют место в их общине.

В то же время представители «отдаленных регионов» также отрицают существование подобных практик. «У нас уже нет насильственных ала качуу в селе», «У нас не было таких случаев» – такими были типичные ответы. Даже если они слышали о том, что где-то произошло ала качуу, они были уверены в том, что оно было продиктовано взаимным согласием. Такая наивная вера в романтические мотивы ала качуу была довольно типична для этой группы. Существуют определенные предпочтения по-особому интерпретировать случаи ала качуу, о которых им становится известно:

Не помнишь? Есть двое влюбленных, один бедный, другой богатый, и родители не соглашаются на их свадьбу. Тогда они делают ала качуу. И сейчас все точно так же. Это то, как они создают семьи (представитель власти).

Наряду с этим эти респонденты были убеждены в том, что похищенные женщины добровольно

выходят замуж за своих похитителей: «Как ни странно, эти женщины сами соглашаются. И их родители тоже». Такое убеждение хорошо согласуется с еще одним типичным стереотипом, а именно «Все девушки с нетерпением ждут, чтобы их взяли замуж».

Один из респондентов сказал нам: «Даже если было такое, мне это неинтересно». Такой ответ позволяет предположить, что местное должностное лицо не чувствует никакой институциональной ответственности, которая вкупе с низким потенциалом органов власти и другими факторами, создают условия, в которых ала качуу и детские браки воспринимаются как неактуальные, неважные, «неинтересные» и, в конечном счете, невидимые в работе этой группы лиц, принимающих решения.

Существуют утвержденные институциональные рамки, которые разграничивают сферы ответственности сельских администраций и территориальных управлений (айыл окмоту) положениями, предусмотренными в Законе о местном самоуправлении в Кыргызской Республике. Двадцать пять направлений деятельности (пункты) перечислены там как обязательные для реализации в каждом местном самоуправлении. Во всех наших интервью с представителями сельской администрации мы слышали, как они ссылались на эти двадцать пять пунктов. Самый близкий по значению пункт к этому вопросу мы нашли под единой категорией «социальные вопросы». И даже здесь интерпретация «социальных вопросов» принимает весьма специфический поворот. Вот как глава айыл окмоту объясняет это:

Социальные услуги и основные социальные проблемы – вот наша забота. Это включает в себя обеспечение чистой водой, обеспечение поливной воды, реконструкцию дорог, уличное освещение и все детские сады, ремонт школ... Все это наши прямые обязанности, и мы обеспечиваем социальные услуги.

Таким образом, когда глава айыл окмоту говорит нам, что у него нет интереса к вопросам ала качуу / детским бракам, мы понимаем его ответ как результат институциональных требований, в которых он/она должна выполнить свои обязанности. Как институциональных субъектов, их больше беспокоит та работа, которая напрямую связана с уже обозначенными приоритетами. Они рассказывали нам о вопросах питьевой и поливной воды, религиозного экстремизма и т.д., о которых они должны будут докладывать в высшие

эшелоны местного самоуправления. В городах ситуация не сильно отличается от сел. Приоритеты слишком далеки от темы нашего исследования.

Тем не менее, органы власти понимают вред, причиняемый в результате ала качуу и детских браков и осуждают эти практики. «Мое отношение к ранним бракам крайне негативное. Только браки с девятнадцатилетними и двадцатилетними я считаю нормальными».

Глава айыл окмоту из другой области утверждал, что «проблемы существуют, и нам надо работать в этом направлении». Многие респонденты соглашались с таким мнением. Но возможности внедрить свое мнение в практику существенно ограничены. Во-первых, это затребует выполнения дополнительной работы в их уже напряженном графике работы. Как сказал один респондент, «мы все надеемся и хотим выполнять такую работу, но ни у кого нет времени...» Этнографические заметки исследователей подтверждают суматошность рабочих будней у представителей власти, где им даже «некогда быстро выйти перекурить». А другой глава айыл окмоту так описывает свой рабочий день:

Да, да, все эти люди из всех тринадцати сел приходят ко мне с утра до вечера. Ко мне этот поток людей с различными жалобами. Иногда я должен ехать на места и решать проблемы на месте. Я также должен работать с документами, с корреспонденцией. Я должен развивать свой потенциал в этом направлении. После шести или семи вечера я работаю два или три часа с документами. Вон поток документов, вы видите, они со вчерашнего дня. Если я буду все читать, это займет полдня. В этом случае как я найду время, чтобы слушать людей? Я должен также отвечать на них. Конечно, у меня есть помощники, мои заместители, и они помогают и направляют меня, но я должен сделать большую часть работы сам.

Дополнительным препятствием для вовлечения государственных органов в профилактическую работу по ала качуу и ранним бракам является отсутствие потенциала и знаний. Как один из сотрудников госорганов объяснил:

Понимаете, даже не физически, я не могу... Я не психолог, я даже не педагог. Я инженер-механик, и все эти социальные проблемы я решаю в соответствии с нашими требованиями, которые необходимы нам. Такую политику или программу [по искоренению ала качуу] мы должны сделать вместе.

Чувствительные темы и оспариваемые формы поведения, такие как ала качуу и детские браки, «неудобны» для опрошенных представителей власти. Тренинги в области психологии и педагогики считаются крайне необходимыми и логичными в решении сложных вопросов, которые считаются частью культуры и требуют обдуманного решения. Вместо того чтобы принять непосредственное участие, представители государственной власти гипотетически рассуждают о своих предполагаемых действиях в случае, если жалоба попадет к ним на стол:

Сначала я бы встретился с ними и объяснил, в законодательном порядке, как и какие обязанности и наказания они могут понести, если они это сделают [ала качуу]. Я бы посоветовал им не вступать в брак до достижения ими брачного возраста. Я бы привлек сообщество, женсоветы и лично бы отговорил их. У меня бы получилось, я думаю.

Или

Я бы пришел к нему [мужчине] и сказал: «Разве тебе не хватает девушек вокруг? Какая же это будет жизнь, если она не хочет? Как ты будешь жить с этим? Как глава айыл окмоту, я буду действовать в соответствии с законом.

Вторая стратегия – это перекладывание ответственности на других людей. В предыдущих цитатах уже упоминались понятия уголовных мер и законов. Это не случайно. В контексте институционального дискомфорта представители власти имеют предрасположенность дистанцироваться от таких спорных вопросов, как ала качуу и детские браки, и считать ответственными за такие нарушения правоохранительные органы. Вот, что мы услышали, например:

Да, есть очень много проблем... эти семейные отношения... эти конфликты... у наших людей такой менталитет, что они не обращаются в милицию. Они думают, что, если вы пойдете в полицию, значит что-то плохое случилось. Когда они приходят ко мне со всем этим, я их отправляю куда-нибудь.

Цитата также демонстрирует и то, что они на самом деле не знают, каким образом необходимо вести такие дела. Даже когда они говорят, что они будут вести себя «в соответствии с законом», что именно это означает, с точки зрения конкретных действий, они не совсем понимают. Для представителей

власти гораздо удобнее передать дело дальше. Как пояснил один из респондентов, «если бы ко мне поступил сигнал в селе, я бы связался с участковым, и их реакция была бы незамедлительной». Нужно отметить, что он использовал выражение «их реакция», а не «наша реакция», что также свидетельствует о самодистанцировании этого главы айыл окмоту от проблем, которые мы изучаем в этом исследовании. Заниматься этими проблемами не является их прямыми обязанностями, отчитываться по ним они также не должны. Таким образом, профилактика ала качуу и детских браков для их работы не актуальна и ее легко просто игнорировать.

В заключение мы обнаружили, что местные должностные лица адаптировали свою позицию к тому, что ала качуу и детский брак – это «не так страшно». Наряду со всем вышесказанным, респонденты этой категории на разных стадиях интервью все-таки делали попытки объяснить и принять эти практики, что свидетельствует об очень странном сосуществовании явно противоположных взглядов. Некоторые из них используют все тот же довод об этно-культуральных традициях:

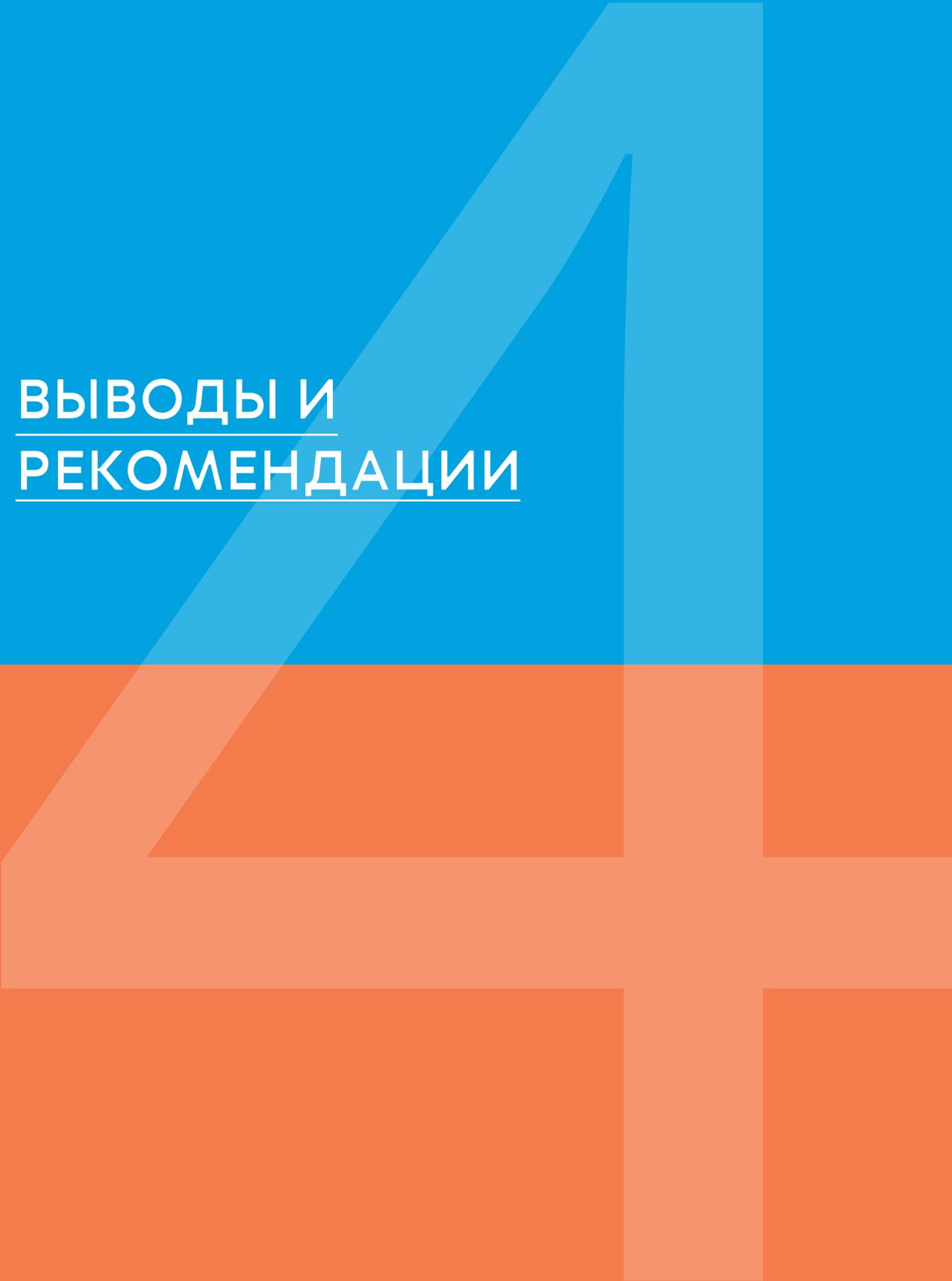
В узбекских селах браки совершаются по договоренности родителями, пара ни разу не видела друг друга досвадьбы. Они видят друг друга в первый раз в первую брачную ночь. Понимаете, менталитет такой...

В кыргызских селах ала качуу – это ала качуу. Я, например, тоже похитил свою жену. Мы знали друг друга.

Другие респонденты призывают к практичности ранних браков:

Большинство женщин в нашем селе выходят замуж до восемнадцати. Основная причина... Ну, закончила она школу. У некоторых людей нет денег, чтобы дальше учиться. Те, кто может себе позволить, они дальше учатся. Если нет, то чем ей еще заниматься? У нас нет работы, нет перспектив. Единственный вариант – это выйти замуж. У нас работы нет, и зачем быть обузой для родителей. Ну, мы не совсем это имеем в виду, но все-таки, у нее хороший возраст, окончила школу, без работы, сидит дома и никуда не ходит. Что ей еще делать?

Все эти наблюдения иллюстрируют институциональное «неудобство» ала качуу и детских браков в случаях, когда официальные жалобы все-таки доходят до органов государственной власти.

A large, stylized number '4' is the central graphic element. It is composed of two parts: a light blue '4' in the upper half and an orange '4' in the lower half. The number is positioned diagonally, starting from the bottom left and extending towards the top right. The background is split horizontally into a blue top half and an orange bottom half.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

ВЫВОДЫ

Уже в течение достаточно долгого времени в кыргызском обществе происходит нормализация практик похищения невест и детских браков. Эти унижительные поступки воспринимаются как обычное, само собой разумеющееся явление и этому способствует ряд факторов. Сами практики реализуются коллективно с четким и строгим разделением задач, возложенных на членов семьи, в зависимости от их возраста, пола, опыта и социального статуса. Каждый шаг находит рационализированное и интеллектуализированное оправдание, включая этнокультурные традиции, экономическую целесообразность, медицинские проблемы, вопросы безопасности и т.д. Каждый участник процесса работает в тесном взаимодействии с другими, их усилия взаимозависимы. В рамках устоявшейся социальной системы участие вовлеченных лиц инертно. Отказ от ожидаемого поведения часто не представляется возможным, потому что большая часть работы делается автоматически, не задумываясь о преступном и насильственном характере своих действий. Конкретное поведение не получает адекватного определения и трактуется как нормальное. Отказ может повлечь за собой значительные потери для конкретного лица с точки зрения экономических, социальных и политических ресурсов и доступа к ним.

Представители сообщества, представители государственной власти, школы и религиозные деятели представляют собой те же самые системы, которые сквозь пальцы смотрят на практики насилия против женщин. Их потворство системе может быть не столь очевидно, но оно существует. Институциональные рамки часто поддерживают политику невмешательства, поскольку они не создают необходимого пространства для легитимного, систематического и организованного реагирования, которое бы не влекло за собой негативных последствий для личной и профессиональной жизни представителей власти. На данный момент эти вопросы воспринимаются как «неудобные» и «некомфортные».

Наши заключения предполагают, что распространенность детских браков и ала качуу негативно повлияла на мир и миростроительство. Межэтнический конфликт 2010 года вызвал повсеместное беспокойство о собственной безопасности среди населения. Страх и неуверенность в своей способности защитить своих дочерей вынуждают эти семьи поощрять их брак в (очень) молодом возрасте. Наши данные показывают, что такая мотивация продолжает существовать даже шесть лет спустя после этих событий.

В более долгосрочной перспективе, мы считаем, что широко распространенное гендерное насилие, из которых ала качуу и детские браки являются конкретными примерами, представляет серьезную угрозу для мира и развития на национальном уровне. В качестве отправной точки мы берем определение миростроительства CIDA's (2002)

как долгосрочных «мер по укреплению мира внутри страны и снижению вероятности возникновения конфликтов с применением насилия. Главная цель построения мира заключается в укреплении национального потенциала общества управления конфликтом без насилия. В конечном счете, миростроительство имеет целью повысить безопасность человека, что, в широком смысле, подразумевает наличие таких условий, как демократическое управление, права человека, верховенство права, устойчивое развитие, равный доступ к ресурсам и экологическая безопасность» (<http://www.icrw.org>).

Мы согласны с пониманием того, что обеспечение мира неразрывно связано с обеспечением равноправных отношений между женщинами и мужчинами во всех сферах жизни. Ала качуу и детские браки имеют крайне негативное воздействие на молодых женщин, молодых людей и их семей. Молодые женщины, подвергшиеся насилию, сталкиваются со сложностями в своем развитии как личности и как члены общества. Они насильно лишаются возможностей вести независимую жизнь и быть свободными, что в свою очередь ограничивает их возможный вклад в разрешение и мирное урегулирование конфликтов и разногласий. Такой вклад женщин становится невозможен, если они страдают от насилия, когда они не могут отстаивать свои индивидуальные права, принимать самостоятельные решения или быть в контакте с институтами, вне рамок их семей. Если же игнорировать проблему ала качуу и детские браки, это приведет к попустительству насилия в отношении женщин и девочек, а значительный потенциал жертв насилия вносить вклад в

миростроительство будет, вероятней всего, потерян навсегда.

На более теоретическом уровне, обсуждая проблему насилия в отношении женщин, мы хотим обратиться к правам человека. Ала качуу и детские браки являются конкретными проявлениями насилия по признаку пола, которые уже давно были признаны нарушением прав человека и прав ребенка. Ни одна страна не может говорить о своем успешном развитии, мире и безопасности, если больше тридцати процентов женщин, проживающих в ней, систематически терпят лишения, не имеют возможности жить

независимой и полной жизнью и принимать самостоятельные решения. Результаты нашего исследования показывают, что слишком много женщин, ставших жертвами ала качуу и детских браков, подвергаются эксплуатации, физическому, сексуальному и психологическому насилию. Они лишены образования и перспектив на будущее. Мы не можем говорить о мире, когда многие женщины вынуждены вести свои одинокие войны против унижительных социальных норм, оправдывающих насилие. В такой ситуации цели миростроительства не могут быть достигнуты, поскольку гендерное равенство и справедливость являются их неотъемлемой частью.

5 РЕКОМЕНДАЦИИ

Общие рекомендации

1. Необходимо разрабатывать и поддерживать меры по повышению эффективности межотраслевого сотрудничества в области профилактической работы против детских браков и ала качуу. Совместная стратегия, основанная на общем понимании проблемы и собственной ответственности, должна быть разработана в партнерстве со школами, медицинскими учреждениями, религиозными общинами, милицией, органами государственного управления, местного самоуправления (айыл окмоту) и т.д. Стратегия должна включать четкие цели, прописанные совместные мероприятия, даты и ответственных партнеров. Если такая стратегия уже существует, необходимо провести анализ ее эффективности и тех пробелов, которые необходимо решать. Возможно, операционные процедуры должны быть разработаны как пошаговое руководство по необходимым действиям.

2. Интересная работа была изучена в городе Каракол, Иссык-Кульская область, под неофициальным названием «социальный патронаж». Двенадцать штатных социальных работников местного Центра репродуктивного здоровья выявляют среди населения случаи ранних браков, подростковой беременности, малозащищенные семьи и случаи насилия по отношению к женщинам и детям. Каждый социальный работник собирает и регистрирует данные по состоянию здоровья и благополучию

индивидуальных людей и их семей. Одним из последних результатов социального патронажа стал случай обнаружения шестнадцатилетней матери младенца с пороком сердца. Социальные работники наблюдали за ее случаем и смогли выявить в ее случае опыт изнасилования, которое повлекло за собой беременность. О таких случаях сообщается в надлежащие органы, включая Центр репродуктивного здоровья, которые предоставляют им поддержку, медицинские обследования, консультации и контрацептивы. Рекомендуется более детально изучить такую успешную практику, оказать ей дальнейшую поддержку и рассмотреть возможность ее дальнейшего распространения.

3. Ранние браки и ала качуу не могут быть объединены в одну категорию, а должны рассматриваться по отдельности. В этой связи отдельные сообщества, включая отдельные этнические группы и населенные пункты, где такая практика очень распространена, могут потребовать принятия конкретных действий на уровне политики, реализации программ и дополнительных усилий, направленных на более углубленной понимание уникальных характеристик такой ситуации. Отдельные направления действий необходимо рассматривать с учетом различных уязвимых групп молодых женщин. К таким группам относятся выпускники детских домов и интернатов.

4. Прошлые и текущие политические меры по предотвращению ала качуу рассматривают эту практику с юридической точки зрения, где вина полностью возлагается на личность жениха. Наше исследование показывает, что в большинстве случаев другие лица в равной степени вовлечены в такие практики. Следовательно, программное воздействие может концентрироваться на особо активных участниках процесса. Так, например, специальные программы могут быть направлены на пожилых женщин (матерей женихов и невест), а также джене, центральную роль которых мы обнаружили. У пожилого населения имеется большой потенциал для социальной мобилизации в борьбе с ала качуу и детскими браками, и такую возможность обязательно нужно использовать.

5. Отсутствие практики обсуждения возможности стать жертвой ала качуу и разработки плана действий на такой случай между родителями и дочерьми может впоследствии ввести их в заблуждение, особенно во время опосредованной коммуникации через родственников жениха. Четкие и понятные, конкретные указания молодым девушкам о том, как им следует поступать, чтобы обезопасить себя, необходимо распространять до того, как похищение произойдет на самом деле. Такая информация должна быть доступна для детей с 13-14-летнего возраста и неоднократно повторяться во всех старших классах. Местные НПО, представители государственной власти и международных организаций могут помочь развивать такую коммуникативную культуру путем разработки инструкций о том, как проводить подобные беседы, списка специальных шагов для матери и дочери в случае ала качуу, информационных материалов о негативных аспектах в браках, основанных на ала качуу. Мы рекомендуем, чтобы такие материалы распространялись среди девочек и их родителей через женсоветы, молодежные комитеты и школы по всей стране, а также в высших учебных заведениях.

6. Поддельные или подставные ала качуу, иногда называемые «по предварительной договоренности» должны быть также искоренены, потому что они приводят к нормализации и натурализации этой практики и способствуют тому, что сообщество рассматривает любой случай ала качуу как похищение с согласия девушки.

7. Расширение прав и возможностей девочек должно включать в себя образовательный компонент. Внедрение темы по ала качуу и детским

бракам как нарушению прав человека, женщин и прав ребенка в учебную программу средних и высших учебных заведений (в рамках курса манасоведение, например) может быть одним из вариантов.

8. Самый серьезный вред, причиняемый похищением невест и детским браком, зачастую заключается в почти молниеносном совершении таких действий, к которым многие жертвы не готовы ни с психологической, ни с физической точки зрения. И все же предаваемый огласке, ритуализированный сексуальный акт выполняет важную культурную функцию для заинтересованных сторон: обеспечивается и передается огласке девственность невесты, «ей предоставляется защита» от жениха и ее статус джене в семье повышается. Маловероятно, что такая практика изменится как таковая, если только не будут найдены альтернативы, учитывающие культурную специфику. Местным НПО необходимо работать с сообществами, в которых распространены подобные формы вступления в брак, для того, чтобы найти альтернативные, не связанные с сексуальным насилием ритуалы, посредством которых можно удовлетворить культурные потребности. И хотя предпочтительным вариантом было бы полное искоренение как практики похищения невест, так и детского брака, создание таких альтернативных ритуалов может, как минимум, сделать вступление в брак менее травматичным для жертв, а также стать первым шагом к преобразованию практики насильственного вступления в брак по согласию.

9. Одним из серьезных препятствий для возбуждения уголовных дел по факту похищения невест и ранних браков является отсутствие у адвокатов знаний и непосредственного опыта тяжбы, особенно в сельской местности. Тем не менее, уголовные дела против этой практики уже были успешно оспорены. Необходимо создать легко доступную базу данных юристов, которые занимались делами против насильственных браков. Местные НПО, Генеральная прокуратура и международные организации могут дополнительно продвинуть судебные процессы путем (I) организации тренингов, где эти опытные юристы обучают своих менее опытных коллег, особенно в тех местах, где насильственные практики заключения браков распространены, а уровень правовых знаний низок, и (II) разработки программ и грантов для оплаты услуг адвокатов таким образом, чтобы социально-экономически неблагополучные семьи могли получить доступ к правовой системе.

Адресованные рекомендации

Правительству Кыргызской Республики:

1. Обеспечить исполнение взятых Кыргызстаном международных обязательств по недопустимости случаев умыкания девушек/женщин и ранних браков, которые закреплены конвенциями «О правах ребенка», «О согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации брака», «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин»;

2. Создать межсекторальную рабочую группу на базе уполномоченного органа из числа основных министерств, ведомств, НПО и профессиональных организаций для разработки стратегии действий для решения проблемы ранних браков и ее мониторинга. В случае если данная стратегия уже существует, необходимо сделать анализ о достаточной эффективности данной стратегии и о ее упущениях. Вполне возможно, что пошаговые операционные процедуры должны быть разработаны для лиц, принимающих решения, по определению регулярных действий, которые должны быть предприняты в случае раннего брака или в случае ала качуу;

3. Ранние браки и ала качуу не могут быть одинаково подогнанными под монолитную категорию и должны рассматриваться как зависимые от контекста феномены. В связи с этим определенные сообщества, включая этнические группы и поселения с высокой тенденцией данных практик, могут нуждаться в специфичных программах, программных действиях, а также дополнительных усилиях, нацеленных на более глубокое понимание их специфичности. Конкретные направленные действия должны осуществляться с уязвимыми группами молодых женщин. Эти группы включают в себя выпускников детских домов и школ-интернатов.

Парламенту Кыргызской Республики:

1. Поддержать проект закона «О внесении изменений и дополнений к некоторым законодательным актам Кыргызской Республики» (Семейный и Уголовный кодексы КР). Принятие законопроекта, предусматривающего запрет религиозного освящения брака без официальной регистрации в государственном органе, Правительство КР включило в Национальный план действий по достижению гендерного равенства в КР на 2015-2017 годы, утвердив постановлением от 20.11.2015 № Р786. Законопроект выступает как специальная мера, которая учитывает специфику нашей страны по распространенности религиозного освящения брака без юридической

регистрации брака и не дублирует нормы уголовного законодательства, а восполняет его пробелы, привлекая к ответственности недобросовестных родителей и священнослужителей, которые освещают брак до вступления молодых в фактические брачные отношения;

2. Внести изменения и дополнения в законодательство КР по привлечению уголовной ответственности соучастников данного преступления, включая родителей, родственников, друзей и других с обеих сторон;

3. Внести изменения и дополнения в уголовно-процессуальный кодекс КР (новую редакцию УПК КР) о необходимости отметить отдельно статьи 154 и 155 УК КР (кража девушек и женщин) как публичный характер обвинения;

4. Ввести контроль по исполнению законодательства КР и обязательств, принятых на международном уровне по искоренению умыкания девушек и ранних браков.

Министерству здравоохранения Кыргызской Республики:

1. Повысить потенциал и гендерную чувствительность представителей системы здравоохранения (всех уровней системы здравоохранения), в том числе документированию случаев насилия в отношении женщин и девочек;

2. Усилить информационную работу по профилактике ранних браков, рисковому поведению среди подростков, половых преступлений в отношении несовершеннолетних, используя потенциал государственных органов, молодежи, подростков и НПО;

3. Организация и внедрение практик реализации Закона КР «О государственном социальном заказе» от 21 июля 2008 года N 162 с вовлечением НПО в реализации проектов, направленных на преодоление обычаев и менталитета, наносящих вред развитию и здоровью девочек, через просветительские мероприятия и активизацию противодействия нарушениям прав девочек;

4. Мультиплицировать опыт каракольского Центра репродуктивного здоровья по использованию услуг социальных работников при данном Центре. Данные услуги позволяют выявлять случаи ранней беременности, семейного насилия, аборт среди несовершеннолетних;

5. Улучшить взаимодействие систем здравоохранения и образования с целью проведения информационных семинаров по репродуктивному здоровью и планированию семьи для школьников 8-11 классов, в том числе учащихся детских домов и домов-интернатов, особенно в сельских регионах.

Министерству образования Кыргызской Республики:

1. Провести гендерную экспертизу учебных материалов для выявления существующих стереотипов, которые способствуют дискриминации и насилию в отношении девочек и женщин;

2. Повысить потенциал и гендерную чувствительность представителей системы образования (всех уровней системы образования);

3. Разработать и внедрить в образовательную программу специальный курс, дополнительные часы по правам человека - правам женщин, в том числе по репродуктивным правам;

4. Проведение мониторинга деятельности школьных психологов и социальных работников с целью изучения опыта реагирования на случаи ранних браков и умыкания девушек.

Министерству внутренних дел Кыргызской Республики:

1. Повысить потенциал работников правоохранительных органов в сфере эффективного расследования гендерных преступлений и привлечения к ответственности виновных лиц;

2. Разработать для сотрудников правоохранительных органов руководство по эффективному расследованию преступлений (ранние браки и умыкание девушек) в отношении девочек и женщин, ввести его в практическую деятельность;

3. Разработать пакет инструкций реагирования на случаи обращения по факту умыкания девушек;

4. Внедрение системы поощрения за раскрытие уголовных дел в отношении кражи девушек и ранних браков;

5. Ротация участковых инспекторов на срок не более 6 месяцев;

6. Внедрение в план действий работы ИДН введение профилактической работы по ранним бракам и умыканию девушек.

Государственному агентству по делам местного самоуправления и межэтнических отношений Кыргызской Республики:

1. Провести гендерное обучение глав местного самоуправления по улучшению положения девочек и женщин;

2. Провести мониторинг деятельности ОМСУ по искоренению случаев умыкания женщин и ранних браков;

3. Внедрение гендерного бюджетирования в работу ОМСУ, в том числе направленные финансовые ресурсы на снижение случаев умыкания женщин и ранних браков;

4. Внедрение активной практики официальной регистрации брака в органах ЗАГСа.

Гражданскому обществу:

1. Провести мониторинг реализации заключительных рекомендаций международных обязательств КР по искоренению случаев умыкания женщин и ранних браков;

2. Инициировать создание либо активизировать группы реагирования на случаи ранних браков и умыкания женщин по примеру комитетов по предотвращению насилия в отношении женщин;

3. Вовлечение всех представителей гражданского общества в обсуждение законопроектов по искоренению умыкания женщин и ранних браков;

4. Участвовать в профилактической деятельности по искоренению умыкания женщин и ранних браков в КР.

Средствам массовой информации:

1. Гирокое информирование населения в формировании ценностей, установок и убеждений, направленных на репродуктивное здоровье;

2. Проведение журналистских расследований и освещение вопросов умыкания женщин и ранних браков;

3. Освещение уголовных дел, судебных решений в отношении ранних браков и умыкания женщин;

4. Освещение примеров создания семьи без насилия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Borbieva, N. (2012). Kidnapping women: Discourses of Emotion and Social Change in the Kyrgyz Republic. *Anthropological Quarterly* (85), 1, 141–170.
- Cooper-Cunningham, D. (2016). Domestic Violence as Everyday Terrorism: Bride Kidnapping in Kyrgyzstan. Retrieved from:
<http://www.e-ir.info/2016/04/04/domestic-violence-as-everyday-terrorism-bride-kidnapping-in-kyrgyzstan>
- Ibraeva, G., Moldosheva, A. & Niyazova, A. (2011). World Development Report 2012: Gender Equality and Development: Kyrgyz Country Case Study. Retrieved from:
http://siteresources.worldbank.org/INTWDR2012/Resources/7778105-1299699968583/7786210-1322671773271/Ibraeva_Kyrgyz_case_study_final_Sept2011.pdf
- Girls not Brides (2016). Why Does Child Marriage Happen? Retrieved from:
<http://www.girlsnotbrides.org/why-does-it-happen/>
- Handrahan, L. M. (2004). Hunting for Women: Bride-Kidnapping in Kyrgyzstan. *International Feminist Journal of Politics* (6), 2, June 207-233.
- Human Rights Watch (2006). Reconciled to Violence: State Failure to Stop Domestic Abuse and Abduction of Women in Kyrgyzstan, September (18), 2.
- Kleinbach, R. (2003). Frequency of Non-Consensual Bride Kidnapping in The Kyrgyz Republic, *International Journal of Central Asian Studies* (8), 108-128.
- Kleinbach, R., Ablezova, M., & Aitieva, M. (2005). Kidnapping for Marriage (AlaKachuu) in a Kyrgyz Village. *Central Asian Survey* (June) 24 (2), 1–12.
- Kleinbach, R. & Salimjanova, L. (2007). Kyz Ala Kachuu and Adat: Non-consensual Bride Kidnapping and Tradition in Kyrgyzstan. *Central Asian Survey* (26), 2, 217 — 233.
- The Advocates for Human Rights (2008). Domestic Violence in Tajikistan. Retrieved from:
http://www.stopvaw.org/uploads/tajikistan_3_6_07_layout-_final_mc.pdf
- Thomas, C. (2009). Forced and Early Marriage: A Focus on Central and Eastern Europe and Former Soviet Union Countries with Selected Laws from Other Countries. Retrieved from:
http://www.un.org/womenwatch/daw/egm/vaw_legislation_2009/Expert%20Paper%20EGMGPLHP%20_Cheryl%20Thomas%20revised_.pdf
- United Nations Children's Fund (2005). Early Marriage: A Harmful Traditional Practice. Retrieved from:
file:///H:/Kim's%20abstracts/GSPS/child%20marriages/Early_Marriage_UNFPA.pdf
- ЮНФПА (2012). Краткий отчет по результатам исследования “Знания, отношения и практические методы религиозных лидеров по вопросам гендерного насилия” Retrieved from:
www.health-centralasia.org/ru/books/download/id/47
- United Nations Population Fund & National Statistics Committee of the Kyrgyz Republic (2016). Gender in Society Perception Study. Working document.

«ООН-ЖЕНЩИНЫ» – СТРУКТУРА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ
НАЦИЙ, ЗАНИМАЮЩАЯСЯ ВОПРОСАМИ ГЕНДЕРНОГО
РАВЕНСТВА И РАСШИРЕНИЯ ПРАВ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЖЕНЩИН.
«ООН-ЖЕНЩИНЫ», ПРЕДСТАВЛЯЮЩАЯ ИНТЕРЕСЫ И ПРАВА
ЖЕНЩИН И ДЕВОЧЕК ВО ВСЕМ МИРЕ, БЫЛА СОЗДАНА В ЦЕЛЯХ
УСКОРЕНИЯ ПРОГРЕССА В ДЕЛЕ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ИХ
ПОТРЕБНОСТЕЙ ВО ВСЕМ МИРЕ.

Структура «ООН-женщины» оказывает поддержку государствам – членам ООН в установлении глобальных стандартов для достижения гендерного равенства и сотрудничает с правительствами и гражданским обществом по вопросам выработки законов, стратегий, программ и услуг, необходимых для внедрения этих стандартов. Она выступает за равноправное участие женщин во всех сферах деятельности, уделяя особое внимание пяти приоритетным областям: расширение руководящей роли женщин и участия в процессах принятия решения; искоренение насилия в отношении женщин; привлечение женщин к участию в процессах обеспечения мира и безопасности; расширение экономических прав и возможностей женщин и придание первоочередного значения вопросам гендерного равенства в процессах национального планирования и бюджетирования. Структура «ООН-женщины» также координирует и содействует работе системы Организации Объединенных Наций в области обеспечения гендерного равенства.

Страновой офис «ООН-женщины» в Кыргызстане
г. Бишкек, ул. Коенкозова 144,

Телефон: +996 312 325 226
Факс: +996 312 325 226 (ext. 105)

Электронная почта: kyrgyzstan@unwomen.org
Веб-сайт: www.unwomen.org
www.kg.one.un.org
www.eca.unwomen.org